

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Тезисы докладов
Международной научной конференции

Минск, 20–21 октября 2021 г.

Минск МГЛУ
2021

УДК 81
ББК 81.0
С30

Редакционная коллегия: доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания МГЛУ *Л. М. Лещёва* (ответственный редактор); доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания МГЛУ *Е. Г. Задворная*; доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языко-знания МГЛУ *З. А. Харитончик*

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ *Н. Ю. Павловская*; кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики БГУ *Т. В. Бобко*

Семантический потенциал языковых единиц и его реализация : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 окт. 2021 г. / редкол. : Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2021. – 248 с.

ISBN 978-985-28-0083-9

В издании освещаются проблемы семантического потенциала единиц языка и особенности его реализации в различных типах текста /дискурса.

Предназначается для специалистов в области семантики, когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и дискурса, для аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных специальностей.

**УДК 81
ББК 81.0**

ISBN 978-985-28-0083-9

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 81'22

*С. Ю. Богданова, д. филол. н.
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
e-mail: rusjap@mail.ru*

*S. Yu. Bogdanova, Doctor of Sc. (Philology)
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: rusjap@mail.ru*

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ-ПРАГМАТОНИМЫ XXI ВЕКА

Рассматриваются характерные особенности неологизмов, обозначающих мессенджеры, интернет-платформы, социальные сети. Представлены примеры их адаптации к английской языковой системе, намечены пути их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: прагматоним; имя собственное; неологизм; лингвокреативность; коллокат.

ENGLISH NEOLOGISMS-PRAGMATONYMS OF THE XXI CENTURY

The characteristic features of English neologisms denoting messengers, platforms, social networks are reviewed. Some examples of their adaptability to the system of the English language and a new approach for the future studies are presented.

Key words: pragmatonym; proper name; neologism; linguistic creativity; collocate.

В процессе создания названий проявляется креативность говорящего. Постоянно возникающие и немедленно получающие широкую известность названия мессенджеров, социальных сетей, хостингов и т. п. образуют подкласс специальной лексики (по классификации А. В. Суперанской [1]), которую можно отнести к разряду прагматонимов. Целью исследования является изучение неологизмов, обозначающих средства интернет-коммуникации, и производных от них глаголов и существительных с точки зрения лингвистической креативности и с точки зрения прагматики.

Отбор языкового материала для исследования проводился в корпусах английского языка, включая The Coronavirus Corpus, и в сети Интернет. При отборе использовался также метод поиска коллокатов, позволяющий уточнить значение лексических единиц исходя из их сочетаемости. Материал исследовался в когнитивном аспекте методом концептуального анализа.

Краткость, яркость, легкость запоминания, уникальность – вот далеко не полный перечень свойств прагматонимов – имен собственных, которые близки по сути товарным знакам, но имеют ряд отличий, описанных О. Е. Яковлевой [2]. Одной из важнейших функций прагматонимов является аттрактивная, отвечающая за то, что название должно находить отклик у тех, для кого оно предназначено. Названия *TikTok*, *WhatsApp*, *YouTube* и др.

соответствуют данному требованию. При этом *TikTok* и *WhatsApp* представляют собой омофоны общеизвестных комбинаций *tick-tock* ‘звук часов’ и *What’s up* ‘Что случилось?’. Нужно отметить, что лингвистическая креативность при создании этих названий позволяет раскрывать новые и новые смысловые планы, связанные с характеристиками самих сервисов и социальных сетей. Данная особенность «удачных» названий кроется в сути новых идей, обозначенной Ч. Моррисом в книге *The Open Self* следующим образом: «идеи порождаются странными и непредсказуемыми способами <...>. Однако, возникнув, они могут взаимодействовать с другими идеями, их последствия могут быть отслежены, а доказательства их истинности изучены» [3, р. 13]. То же, на наш взгляд, можно сказать о названиях *Viber* и *TikTok*: не существовавшее ранее в английском языке слово *Viber* теперь ассоциируется с вибрацией, что поддерживается и логотипом данного сервиса, представляющим собой неязыковой товарный знак, а второй элемент названия *TikTok* может вызывать в памяти глагол *talk* ‘говорить’.

Следует отметить, что анализируемые неологизмы-прагматонимы обладают свойствами имен собственных, представляют собой их отдельный подкласс, поскольку названные ими сервисы и социальные сети не имеют четкой локализации, они распределены по всему миру и существуют в интернет-пространстве, образуя новую реальность существования языковых знаков.

Поскольку акт номинации относится к когнитивным явлениям [4, р. 213] и должен рассматриваться с точки зрения когнитивной лингвистики, а прагматонимы как имена собственные относятся к сфере семиотики, перспективы исследования ведут к относительно новому междисциплинарному направлению – когнитивной семиотике, целью которого являются понимание освоения и структуры концептов в соответствии с ситуациями их использования [5] и отнесение создания смыслов к более широкому контексту когнитивных, социальных и нейробиологических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века. М. : Ин-т языкознания РАН, 2009. 80 с.
2. Яковлева О. Е. Прагматонимы в системе собственных имен: семантика, функции, национально-культурная специфика // Сибирский филологический журнал. 2005. № 1–2. С. 59–74.
3. Morris Ch. W. *The Open Self*. New York : Prentice-Hall, 1948. 179 p.
4. Štekauer P. *Meaning Predictability in Word-Formation*. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins, 2005. 263 p.
5. Bundgaard P. F. *The structure of our concepts: A critical assessment of Conceptual Metaphor Theory as a theory of concepts*. URL: <http://doi:10.1515/cogsem-2019-2010> (date of access: 04.06.2021).

Е. Г. Борисова, д. филол. н
Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия
e-mail: efcomconf@list.ru

E. G. Borisova, Doctor of Sc. (Philology)
Moscow State Pedagogical University, Moscow Russia
e-mail: efcomconf@list.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАМЕРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

Работа касается проблем интерактивной модели речевой деятельности, а именно возможного вклада в создание слов для построения предложений. Анализируются такие понятия, как единицы ментального кода (Н. Жинкин), синонимы, функции (подчеркивание, высокая степень и т. д.). Также рассматривается понятие «концепт».

Ключевые слова: функция; интерактивный подход; концепт.

SEMANTIC REPRESENTATION OF THE SPEAKER'S INTENTIONS

The text concerns the problems of the interactional model of speech activity, precisely the possible input in generating the words for constructing sentences. Such notions as units of the mental code (N. Zhinkin), synonyms, functions (emphasizing, high degree etc.) are analyzed. The notion of 'concept' is also mentioned.

Key words: functions; interactional approach; concept.

Предметом нашего исследования являются семантические единицы, которые участвуют в самом начале акта говорения, связывая содержание замысла говорящего и значения тех единиц, которые могут использоваться для выражения этого замысла. Мы исходим из интерактивной модели говорения [1], развивающей некоторые частные аспекты Модели «Смысл – Текст» И. А. Мельчука в аспекте применения прагматических начал, в частности, принципа релевантности [4]. Предполагается, что выбор единиц для выражения намерения производится путем сравнения нескольких слов (или граммем), способных выразить данный замысел (с учетом возможных выводов).

Общий принцип выбора – это сравнение лексических значений с семантическим представлением отражаемой реальности. Однако очевидно, что есть значительное число случаев, когда возможно использование промежуточной единицы, к которой привязываются близкие по значению и нередко выступающие в качестве взаимозаменяемых слова. Это явление четко просматривается в описаниях служебных слов. Например, в словарях обычно фигурируют такие описания частиц: «усиливает», «подчеркивает значение». А междометия, несмотря на очевидные различия, описываются как «выражает удивление», «выражает восхищение». Действительно, указанные слова способны передавать такой смысл, при этом сохраняя свои особенности значений. Аналогичные свойства можно найти и у однозначных слов.

В интерактивной модели важен момент выбора единиц, которые сравниваются друг с другом. Поскольку речь идет о выражении некоторого общего намерения, набор единиц должен характеризоваться сходством значений, сопоставимых с выражаемым намерением. Подобного рода объединения известны в лексикографической и грамматической практике. В грамматике это функционально-семантические поля, например, выражение причинности. В лексике, конечно, сразу вспоминаются синонимы – как более, так и менее точные, а также некоторые другие отношения (гипо-гиперонимические, а также лексические поля). В практической сфере в преподавательской практике можно найти аналог в виде лексико-семантических групп (с определенными исключениями). Например, туда обычно включают и паронимы, которые с семантическим выбором единиц не связаны. Имеется и такой справочный жанр, как Wordfinder, где в статьях, озаглавленных наиболее общим синонимом, помещены слова, которые можно использовать в тексте для выражения схожих значений.

Техническим приемом отражения этого явления в словаре может быть отдельная часть словарной статьи, включающая в себя то намерение или «поле», в выражении которого может участвовать слово в данном значении. Например: **Доходить – дойти** 1. Закончить путь у какого-л. места, двигаясь пешком. Он с трудом дошел до крыльца. **ОКАЗАТЬСЯ** где-л. В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВИЖЕНИЯ. **Приближаться – приблизиться** 1. Начать быть ближе к чему-л. в результате движения **ОКАЗАТЬСЯ** В результате движения.

При этом приходится учитывать, что таких намерений у одной лексемы (точнее, ее значения, ЛСВ) может быть несколько не совпадающих друг с другом: **Продавать – продать** 1. Передать что-л., чем кто-л. владеет, другому за компенсацию, обычно денежную. **ПЕРЕСТАТЬ ВЛАДЕТЬ** (как у *утратить, потерять, избавиться, передать, отдать* и т. п.); **УЧАСТВОВАТЬ В СДЕЛКЕ** (как у *покупать, торговать*). Общее количество возможных намерений

Теоретическим основанием для такого выделения может оказаться более обобщенный элемент семантического представления текста, чем лексема. Могут быть установлены какие-то соответствия единицам универсального мыслительного кода по Н. И. Жинкину. Как известно, он предлагал [2] допустить существование неких единиц мыслительного уровня, которые участвуют в мыслительных операциях, а в дальнейшем процессе речепорождения воплощаются в слова. Учитывая, что в большинстве случаев понимание концепта так или иначе связывается с абстрактной мыслительной единицей [3], можно предположить, что постулируемое здесь намерение может быть соотнесено с понятием концепта, а слова, могущие служить для его выражения, можно считать средствами вербализации концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е. Г. Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики. М. : Флинта, 2021.

2. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
3. Залевская А. А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст». Вопросы психолингвистики. М., 2013. № 1 (17). С. 8–19.
4. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Wiley-Blackwell. 1995.

УДК 81'11

*Л. Г. Васильев, д. филол. н.
Калужский государственный университет, Калуга, Россия
e-mail: argumentation@mail.ru*

*L. G. Vasilev, Doctor of Sc. (Philology)
Kaluga State University, Kaluga, Russia
e-mail: argumentation@mail.ru*

ВНУТРИЗНАКОВЫЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Излагаются концепции семантики предложения в Ленинградской лингвистической школе. Анализируются различные варианты пропозициональных теорий предложения.

Ключевые слова: предикат предложение; пропозиция; семантика; синтаксис; уровни.

INTRA-SYMBOLIC PROPERTIES OF THE SENTENCE

The paper characterizes sentence semantics conceptions in Leningrad school of linguistics. An analysis of versions of propositional theories of the sentence is given.

Key words: predicate; sentence; proposition; semantics; syntax; levels.

Основные проанализированные концепции трактуют предложение-знак как порождение от мыслительных к языковым уровням; порождение представлено как процессы рефлексии и не связано с психическими аспектами.

Теория С. Д. Кацнельсона. В знаковом представлении предложения выделены ниже-предельные мыслительные категории, задающие 3-уровневое мыслительное содержание предложения: (1) собственно-внутренние категории *реляционной* природы 2-х типов: (а) предикат + предикандумы; (б) атрибуты + характеризуемый ими объект; (2) внешние объективные *хронотопные* категории, эксплицирующие пространственно-временные условия протекания события; (3) внешние субъективные категории, связанные с модальной *оценкой* пропозиции в плане ее отношения к реальности. Глубинный пропозициональный синтаксис трактуется как общие абстрактные структурные модели построения предложений.

Логико-грамматические категории + языковые структуры представлены на основе: (а) появления семантико-синтаксических категорий и отбора лексических значений ($\pm$ субстанциональных); (б) выделения: $\pm$ вычлениющих предикатов; абсолютных и относительных предикатов; субъекта многоместных предикатов; факультативной валентности; представимости предиката как с лексических, так и с семантических позиций.

Концепция В. В. Богданова. Принимается билатеральная концепция знака. Метод – неформальная математическая логика. Глубинная семантическая структура представлена как (а) синтаксическая под-структура (смысловая ячейка ГС – предикатное выражение (ПВ): *синтаксема* предикатный знак + *синтаксемь* – непредикатные знаки); (б) семантическая под-структура: *семантемы* предиката и актантов; иерархия предикатов (включающие и включенные).

Описаны (а) включающие (постоянные – фазисные, модальные и каузативные; переменные – кванторы, сирконстанты, пропозициональные связи (операторы импликации, отрицания и др.) и (б) включенные предикаты (в элементарной структуре – только непредикатные знаки). Определены зависимые компоненты ПВ: актанты непредметные: пропозиции, предикаты – дают сложное ПВ; актанты предметные («имена»), дают простое ПВ (14 разновидностей)

Формирование синтаксической структуры: синтаксические схемы, связанные с семантическими представлениями трансформационными отношениями; основной трансформ ПВ – предложение; выделено 4 основных части речи: глагол, существительное, прилагательное и наречие, с которыми соотносятся синтаксические функции (доминанта, актанты, атрибуты и сирконстанты).

Модель В. Б. Касевича. Принята билатеральная трактовка предложения-знака: ПС – семантика, ПВ – синтаксис. Метод – неформальная математическая логика. Глубинная структура составляет двуединый семантический уровень: глубинный словарь (единицы – концепты) + глубинный синтаксис (единица – сигнификативная ситуация как *содержание* денотативной; структура единицы – пропозиция (функтор + имена).

Особо описаны классы функторов – предикаты (функторы (а) со всеми валентностями на имена и (б) с первыми 2-мя валентностями на имена) и операторы (функторы с валентностью на другие функторы). Виды функторов охарактеризованы по (а) числу мест; (б) соотношению мест; (в) ранжированию мест с выделением: 1-местных: «*возможно (P)*»; 2-местных однородных: «*возможно (P1), (P2)*»; 2-местных неоднородных: «*(X) хочет (P)*»; 3-местных с приматом мест для имен: «*(X) благодарит (Y) за (P)*»; 3-местных без примата мест: «*(X) говорит (P) (Y)-у*»; 4-местных унипропозициональных: «*(X) награждает (Y)-а (Z)-м за (P)*»; 4 местных бипропозициональных: «*(X) награждает (Y)-а за (P1)-м за (P2)*»

Операции трансляции. Пропозиция не отражает плана содержания предложения, поэтому требует 2 типов операций; это: (1) транслятивные универсальные операции: (1-1) внутренняя модальная рамка (имя + оператор реальности); (1-2) внешняя модальная рамка (оператор субъективно модальности + модальный субъект): актуальная или виртуальная пропозиция; (3) оценка содержания пропозиции субъектом; (4) коммуникативно-целевая

рамка (альтернативные операторы нарративности / интеррогативности / императивности); (2) транслятивные не-универсальные операции: темпоральные; аспектуальные.

Синтагматика в концепции представлена так: (а) манифестация ситуации структурируется закономерностям языка конкретного социума; (б) механизм: тема-рематическое семантическое членение (до-синтаксическое): Th = субъект, Rh = предикат; (в) билатеральность любого высказывания: (1) суждение «быть темой»; (2) суждение «быть ремой».

Дано сопоставление проанализированных систем и авторская трактовка предложения-знака.

УДК 81'1 + 519.767

А. Н. Гордей, д. филол. н.

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: alieks2001@yahoo.com*

A. Hardzei, Doctor of Sc. (Philology)

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: alieks2001@yahoo.com*

ЧАСТИ ЯЗЫКА И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Пропедевтика к автоматической семантической разметке структурированного и неструктурированного контента для систем обработки и понимания естественного языка.

Ключевые слова: комбинаторная семантика; динамический синтаксис; морфология; части языка; члены предложения; субстантивы (тайгены); предикативы (ёгены); знаки алфавита синтаксиса; лексема; комбинаторный вариант лексемы; стереотип; субъект; акция; объект.

PARTS OF LANGUAGE AND PARTS OF SENTENCE

The presented approach is a pre-description for automatic semantic markup of structured and unstructured content for Natural Language Processing and Natural Language Understanding.

Key words: Combinatory Semantics; Dynamic Syntax; Morphology; Parts of Language; Parts of Sentence; substantives (taigens); predicatives (yogenes); Signs of Syntax Alphabet; lexeme; combinatory version of a lexeme; pattern; subject; action; object.

1. Семантика — лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира. Под *семантикой* также понимается *содержание* стереотипов, *значение* знаков и *смысл* предложений. **Комбинаторная семантика** исследует отображение языком динамики ролей индивидов в событии (в отличие от **комбинаторной**, которая изучает совместную встречаемость знаков статистическими методами). Таким образом, семантика как отношение

языка к модели мира проявляется в динамике ролей индивидов в событии, что находит своё отражение в содержании стереотипов, значении знаков и смысле предложений.

2. **Части языка** – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением, а именно: *субстантивы (тайгены)* и *предикативы (ёгены)*, обозначающие, соответственно, индивидов и признаков индивидов. *Постоянные субстантивы* обозначают множества однородных индивидов (*i-const*), напр. *слесарь*, *переменные* – разнородных (*i-var*), напр. *он*; *постоянные предикативы* обозначают множества свойств индивидов *p(i)*, напр. *слесарный*, *переменные* – процессов *f(i)*, в которых участвуют индивиды, напр: *слесарить*. *Предикативы первой степени* обозначают основной признак индивида: *бежевый* → *цвет*, *сжимать* → *пружину*. *Предикативы второй положительной степени (оценочные)* сужают значения предикативов первой степени: *красивый* → *бежевый*, *быстро* → *сжимать*, а *предикативы третьей положительной степени* – значения предикативов второй положительной степени: *самый* → *красивый*, *очень* → *быстро*. Предикативы первой степени, в свою очередь, сужают значения предикативов *второй отрицательной степени (модальных)*: *рад* ← *видеть*, *любить* ← *бегать*, а предикативы *третьей отрицательной степени* – значения предикативов второй отрицательной степени: *очень* → *рад*, *очень* → *любить*. **Лексема** – субстантив или предикатив конкретного естественного языка; будучи знаком, имеет в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип; в синтетических языках обладает развитой морфологической парадигмой; является центральной единицей лексикографического описания. **Комбинаторный вариант лексемы** – вариант лексемы в упорядоченном наборе её вариантов. **Номинативная единица** – устойчивая последовательность комбинаторных вариантов лексем, в которой один вариант лексемы (модификатор) определяет другой (актуализатор), напр.: *записная книжка*, *бежать галопом*. **Морфология** – лингвистическая дисциплина, изучающая зависимость формы знака от его комбинаторики. Под *морфологией* также понимается вариант формы знака в упорядоченном наборе её вариантов (*морфологической парадигме*). Если у формы знака нет вариантов или они для комбинаторики являются неупорядоченными (нерелевантными), напр.: *резюм/э/* vs. *резюм/е/*, то знак считается *аморфным*. Комбинаторный вариант включается в морфологическую (формоизменяющую) парадигму лексемы только при отсутствии изменений в её семантике (качественных, количественных, временных, родовых, видовых и др.). Все диахронические (глоттогонические) и синхронические (семиозисные) генеративные (формообразовательные) лексические парадигмы относятся к синтаксису, т. е. к микросинтаксическим правилам построения и преобразования лексем.

3. **Синтаксис** – лингвистическая дисциплина, изучающая комбинаторику составных частей языковых структур. Под **синтаксисом** также понимается упорядоченность языковых структур и техника (алфавит и правила) их построения и преобразования. **Знаки алфавита синтаксиса** – вспомогательные средства синтаксиса (на макроуровне – частицы, на микроуровне – аффиксы), служащие для соединения составных частей языковых структур и образования морфологических парадигм. Под **динамическим синтаксисом** понимается порождение второстепенных членов предложения из главных, а главных членов – из глоттогонического ядра с целью достижения баланса противоположных коммуникативных стратегий говорящего и слушающего: свёртки высказывания для экономии времени и мускульной энергии (принцип экономии [1]) и развёртки высказывания для облегчения восприятия информации (принцип запаса прочности). **Предложение** – семантически некоммутативная последовательность комбинаторных вариантов знаков, ср.: *Я ем суп* и **Суп ест меня*. Делятся на: а) **повествовательные** и **вопросительные** (по форме); б) **утвердительные** и **побудительные** (по цели); в) **положительные** и **отрицательные** (по оценке); г) **нейтральные** и **восклицательные** (по окраске).

4. **Члены предложения** – роли частей языка в предложении. **Подлежащее** – исходный пункт описания события, выбранный наблюдателем, **прямое дополнение** – конечный пункт описания, **сказуемое** – отображение наблюдателем исходного пункта описания события в конечный. С точки зрения семантики и синтаксиса подлежащее, сказуемое и прямое дополнение являются тремя главными членами предложения, потому что, во-первых, при прямой предикации отображаются в **субъект**, **акцию** и **объект**, без которых невозможно событие, во-вторых, имеют зависимые члены: подлежащее и прямое дополнение – определения, сказуемое – обстоятельства. **Обстоятельство** – второстепенный член предложения, модифицирующий либо локализирующий сказуемое; обстоятельство степени и обстоятельство образа действия модифицируют сказуемое, обстоятельства места и обстоятельство времени локализуют сказуемое в пространстве и, соответственно, во времени. **Определение** – второстепенный член предложения, модифицирующий подлежащее, дополнение, обстоятельство места и времени.

6. В 2018 г. в базу Web of Science было включено 1,6 млн. статей. В среднем рост числа рецензируемых журналов составляет 4 % в год [2]. **Без автоматического интеллектуального поиска и семантического анализа текстов уже не обойтись**, над чем усиленно трудятся специалисты в рамках проекта Semantic Web и ресурса Schema.org разработчиков Google, Microsoft, Yahoo и Yandex.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 366–566.
2. Домнина Т. Н., Хачко О. А. Научные журналы: количество, темпы роста. URL: http://www.benran.ru/SEM/Sb_15/sbornik/83.pdf (дата обращения: 05.08.2021).

*Л. И. Гришаева, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru*

*L. I. Grishaeva, Doctor of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru*

СРЕДСТВА ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НОМИНАТИВНОЙ КРЕАТИВНОСТИ КОММУНИКАНТОВ

В докладе предлагается обсудить актуальные тенденции в номинативной деятельности носителей языка и культуры. Обращается внимание на причины предпочтения вторичных номинативных средств при реализации продуцентом при порождении текстов разного типа стратегий эвфемизации, карнавализации, метафоризации, а также разнородных манипулятивных стратегий.

Ключевые слова: номинативная деятельность; средства и способы вторичной номинации; стратегии: когнитивные, номинативные, дискурсивные.

MEANS OF SECONDARY NOMINATION AS A MANIFESTATION OF COMMUNICANTS' NOMINATIVE CREATIVITY

In the talk, current trends in the nominative activity of language speakers as representatives of a particular culture are discussed. Attention is drawn to the reasons why speakers prefer secondary nominative means when using strategies of euphemization, carnivalization, metaphORIZATION, as well as heterogeneous manipulative strategies in the process of creation of texts of various types.

Key words: nominative activity; means and methods of secondary nomination; strategies: cognitive, nominative, discursive.

Наблюдения над разнообразными способами организации взаимодействия в различных коммуникативных условиях, а также анализ средств и способов решения соответствующих коммуникативных и когнитивных задач позволяет констатировать в различных культурных пространствах наличие ряда любопытных тенденций в использовании языковых средств. Упоминания заслуживают в первую очередь следующие:

- активное обращение коммуникантов в своей номинативной деятельности к прецедентным феноменам разной этиологии;
- предпочтительный выбор коммуникантами номинативных стратегий косвенной идентификации, аксиологической идентификации, дескрипции и им подобных по сравнению с номинативными стратегиями прямой идентификации;
- поступательное расширение функциональной сферы у средств эвфемизации применительно к разнообразным объектам номинации;
- повышение частотности осмысления воспринимаемой внеязыковой действительности с помощью концептуальных метафор, становящихся своего рода когнитивным стержнем при концептуализации комплекса сведений, сообщаемых одним партнером по коммуникации другому в различных условиях.

Названные тенденции заслуживают особого внимания уже только потому, что соответствующие языковые средства являются по своей природе вторичными номинациями. Следовательно, они имеют в комплексе средств, служащих обозначению некоторого объекта внеязыковой действительности, единичного и/или коллективного субъектов, их (субъектов и объектов) признаков, характеристик, свойств, отношений между ними, а также процессов, действий, состояний, ситуаций, суждений и пр., статус изофункциональных, т. е. способных выполнять в коммуникации аналогичные и/или тождественные функции.

В силу этого правомерно было бы ожидать дифференциацию их функционального потенциала и более или менее явную специализацию на когнитивную и коммуникативную задачу, а также формат взаимодействия между носителями языка и культуры. Между тем этого, как показывает первичный анализ, не происходит, и средства вторичной номинации разного типа встречаются в контекстах, на первый взгляд не подлежащих объединению в ту или иную группу по некоторому критерию. Однако принципиально важно отметить, что в большинстве случаев обсуждаемые вторичные номинативные средства не являются в своем подавляющем большинстве конвенциональными. Важно также, что анализируемые номинативные средства могут использоваться при решении одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи коммуникантами с разными характеристиками в разных форматах взаимодействия.

Вместе с тем можно отметить явную специализацию характеризуемых средств на реализацию дискурсивных стратегий и прежде всего стратегии эвфемизации и различных манипулятивных стратегий. При этом эти средства функционируют в разных дискурсивных форматах (особенно часто в дискуссии, но также при информировании), в разных типах коммуникации (монологической, диалогической или же формально монологической, но по сути диалогической), в разных коммуникативных пространствах (письменная, устная, компьютерно-опосредованная коммуникации), встречаются в разных типах текста (информативных, директивных, комиссивных, экспрессивных и др.). Характерно, что описываемые номинативные средства используются коммуникантами чаще всего тогда, когда необходимо активное воздействие на результат концептуализации и категоризации сведений, воспринимаемых партнером по коммуникации, преимущественно при аксиологической категоризации комплекса сведений о воспринимаемой действительности. Как правило, это разнообразные ситуации разного рода социальной критики или же просвещения адресата, коррекции давно сложившихся у носителей культуры представлений о мире и т. п. В качестве примера сферы бытования анализируемых средств можно назвать такие дискурсы, как научный, политический, медийный, публицистический и даже религиозный, а также, естественно, интернет-пространство.

Поиск ответа на вопрос о причинах отмеченных обстоятельств побуждает вспомнить о когнитивных и номинативных особенностях упомянутых средств. Рассуждая о когнитивных, необходимо иметь в виду, что каждый

идентифицируемый в интеракции объект и / или субъект имеет набор разнородных и разнозначимых для носителей культуры признаков, которые могут быть или стать мотивом для номинации в конкретных условиях взаимодействия между носителями языка культуры. В силу общности ментальной структуры коллективной идентичности каждый носитель соответствующей языковой культуры владеет знанием о том, по каким признакам может идентифицироваться в культуре тот или иной объект (в широком смысле) восприятия, а также какие именно признаки первичны для идентификации этого объекта внеязыковой действительности.

Условия для успешного и эффективного функционирования охарактеризованных вторичных номинативных средств – активизация и со-активация вербальными и невербальными способами признаков номинируемого объекта, по которым в конкретной языковой культуре конвенционально обозначается соответствующий объект при прямой идентификации. Носители языка и культуры владеют, кроме того, сведениями о том, какие признаки воспринимаемого объекта и в каких условиях оказываются, как правило, в конкретной интеракции востребованными и объективируемыми вербальными и / или невербальными средствами и способами, а какие – со-активируемыми, но по тем или иным причинам не объективируемыми в этой интеракции средствами культурных кодов.

Таким образом, требует тщательного изучения то, как в определенных коммуникативных условиях сочетаются первичные и вторичные номинативные средства при решении носителями языка и культуры конкретных коммуникативных и когнитивных задач. Верифицированное знание – а «интуитивным» владеют в той или иной мере все носители культуры – поможет исследователям определить степень креативности номинативной деятельности коммуникантов и «*поверить алгеброй гармонию*».

УДК 811.111

А. Г. Гурочкина, к. филол. н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: i.arkhipov@yandex.ru

A. G. Gurochkina, Cand. Sc (Philology)

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gerzen, St. Petersburg Russia

e-mail: i.arkhipov@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ СООТНЕСЕННОСТЬ С ЕДИНИЦАМИ ЯЗЫКА

В работе рассматривается понятие «когнитивная структура», описывается биоконгнитивный механизм семиозиса как явления производного от потребностей живого организма и гармонизации отношений с социальной средой.

Ключевые слова: значение; сознание; межличностное взаимодействие; семиозис.

COGNITIVE STRUCTURES AND THEIR CORRELATION WITH LANGUAGE UNITS

The paper deals with different approaches to the notion of “cognitive structure” putting special emphasis on the ideas of biocognitive linguistics concerning mechanisms of semiosis in living systems. It states the fact that as a cognitive phenomenon, the meaning of linguistic sign presents a certain associative potential that is basically a person’s memory of the previous uses of a particular sign.

Key words: meaning; mind; interaction; semiosis.

Основной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности сознания» [1, с. 13], процессов, происходящих при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также видов и форм их ментальных репрезентаций при помощи лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Каждодневное познание, т. е. потребность получения и обновления знаний об окружающем мире является базовой потребностью человека необходимой ему для выживания в мире его обитания.

Первой ступенью познания, как отмечают многие исследователи, является чувственное восприятие субъектом – наблюдателем предметов, объектов, явлений окружающей действительности. Вторая ступень – это рациональное познание, когда человек многократно наблюдает чувственно воспринятые предметы, объекты, явления, сравнивает результаты этих наблюдений, осмысляя и постигая их сущностные признаки, формируя соответствующие знания о них. То есть знание – это единство чувственного, интуитивного и рационального познания человеком окружающей его среды, совокупность результатов ее отражения в его сознании [2; 3; 4 и др.].

В обоих случаях – как при чувственном знакомстве с предметом/явлением и формированием первичного (феноменологического) знания, так и в познании предмета/явления в совокупности их сущностных свойств и формированием вторичного (структурального) знания, – субъектом познания осуществляется категоризации действительности, в процессе которой знание «овеществляется» в различных языковых формах и когнитивных структурах.

В настоящее время термин «когнитивная структура» употребляется очень широко. Когнитивные структуры отождествляют с концептами, фреймами, значениями, ментальными пространствами, образами, внутренней формой языковых единиц, эйдосом и др. [5; 6; 7; 8; 9 и др.]. Несмотря на то, что понимание когнитивных структур весьма вариативно в современной лингвистике, большинство ученых-когнитологов квалифицирует когнитивные структуры как многомерные ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в долговременной памяти человека значимые, осознаваемые, типизируемые фрагменты опыта, включающего образно-перцептивные, понятийные и ценностные характеристики национально-культурного характера.

Иными словами когнитивные структуры это не некие эмпирические объекты, а мысли, возникающие в индивидуальном сознании субъекта в ответ на сигналы, поступающие из внутренней и внешней среды – в виде текстов и устных сообщений, в виде тех или иных форм языковых единиц, интонации, жестов, мимики и пр., предназначение которых, в сочетании с соответствующими значимыми условиями пространства и времени, создать у участников представление – кто, где, когда и как нечто сказал. По мере того, как субъект взаимодействия в процессе своей жизнедеятельности неоднократно оказывается в сходных или аналогичных ситуациях, организм запоминает подобные совокупности. Представления трансформируются в каждом индивидуальном сознании в когнитивные структуры, которые и определяют динамику его взаимодействий с окружающей средой, его актуальное речевое и неречевое поведение в конкретных ситуациях взаимодействия, с опорой на личный опыт наблюдения или участия в сходных ситуациях общения в прошлом.

Таким образом, когнитивная структура это ненаблюдаемая ментальная сущность, возбуждаемая (реконструируемая) в сознании субъекта языковыми формами (сигналами), сущность, мотивирующая речевое/неречевое поведение субъекта в процессе его взаимодействия со средой и с себе подобными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
2. Арлычев А. Н. Онтология и теория познания. М. : КД Либроком, 2016. 223 с.
3. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
4. Соломоник А. Б. Семиотика и теория познания. М. : КД Либроком, 2012.
5. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / МГУ им. М. В. Ломоносова : М., 1997. 245 с.
6. Кравченко А. В. Что такое «Когнитивная структура», Или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. 2011. Вып. IX. С. 96–104.
7. Булдаков В. А. Эйдос как контенсивно-менталингвистическая основа лексического значения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика, Вып. 2 (Ч. II). С. 87–92.
8. Stapel D., Koomen W. Let's not forget the past when we go to the future: On our knowledge of knowledge accessibility // Cognitive social psychology: The Princeton Symposium on the Legacy and Future of Social Cognition. 2001. Psychology Press. P. 229–246.
9. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Integration and the Mind's Hidden Complexities. New York : Basis Books, 2002. P. 120–135.

Н. С. Евчик, д. филол. н
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: e.belrost@tut.by

N. S. Evchyk, Doctor of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: e.belrost@tut.by

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЕНОМЕНА АКЦЕНТНОГО ВЫДЕЛЕНИЯ

Идея данной публикации соотносится с обращением к одной из проблем экспрессивной фонологии – процессу создания выразительного звучания текста и, в частности, выяснению значимости участия в данном процессе такого просодического феномена, как акцентное выделение, по-разному раскрывающего семантический потенциал языковых единиц в зависимости от его качественных характеристик, используемых опытными специалистами речевых профессий и студентами лингвистического вуза.

Ключевые слова: звучащая речь; смысловые единицы текста; семантика акцентного выделения; русский, белорусский, английский языки; специалисты речевых профессий.

SEMANTIC POTENTIAL OF LANGUAGE UNITS THROUGH THE PRISM OF THE PHENOMENON OF ACCENTUAL HIGHLIGHTING

The idea of this publication relates to one of the problems of expressive phonology – the process of creating expressive sounding of the text and, in particular, clarifying the significance of such a prosodic phenomenon as accentual highlighting which, depending on its quality characteristics, in different ways reveals the semantic potential of language units when used by language professionals and Students of a linguistic university.

Key words: spoken language; semantic units of the text; semantics of accentual highlighting; Russian; Belarusian; English; language professionals.

1. Звучащая речь содержит множество признаков, характеризующих человека говорящего как личность со свойственной ей языковой картиной мира. Индивидуальность личности проявляется особым образом, если говорящее лицо действует не как автор собственного речевого континуума, а выступает исполнителем текста, созданного замыслом иного лица. Индивидуализация этих особенностей усиливается, если одному и тому же лицу необходимо обеспечить семантически выразительное звучание авторского замысла на разных языках, которыми он владеет, с учетом родного и иностранных. Ожидается, что успешность реализации авторского замысла через такие параметры, как управление голосом, членение текста на смысловые единицы и выбор среди них наиболее значимых для акцентного выделения будет прямопропорциональной степени проникновения говорящего в содержание, благодаря прочувствованной семантике слагающих текст языковых единиц. Говоря о семантике языковых единиц, имеем в виду не озвучивание их словарного лексического значения, а тот богатый потенциал допускаемых

нюансов, которые можно извлечь из них, когда говорящий заинтересованно проникает в содержание текста и стремится голосом передать динамику событий. Цель состоит в том, чтобы выявить связь раскрытия семантического потенциала языковых единиц с качественными характеристиками их акцентного выделения, достигаемого лицами с разной степенью владения голосом: опытными специалистами речевых профессий и студентами лингвистического вуза.

2. С учетом того, что базовыми компонентами художественного произведения выступают его мотив и пространственно-временная организация текста, ставится задача исследовать маркирование акцентным выделением смыслообразования текста с опорой на лексику, передающую развертывание событий в двух важнейших атрибутах бытия – в пространстве и во времени.

Предполагается, что акцентная выделенность, заложенная автором посредством выбора лексики с соответствующей сюжету семантикой и ее оригинальным упорядочением в структуре фразы, усиливается голосовым исполнением в звучащей речи опытного диктора, извлекающей семантический потенциал языковых единиц, придавая произведению искомую выразительность и насыщая восприятие адресата тонкой художественностью образов через созданные их пространственно-временные объемы и формы.

3. Анализ показывает, что для создания выразительного звучания текста опытные дикторы–носители языка (русского, белорусского и английского) чаще всего маркируют акцентным выделением лексику пространства (52 АВ), отражающего в силу своей объективности статику бесконечности, в очертаниях которой на фоне понятия «вечное» (10 АВ) особую актуальную значимость приобретает семантика «бытового» (42 АВ). По сравнению с пространством время (13 АВ) является более текучим понятием. Оно также на фоне понятия «вечное» (4 АВ) через акцентное выделение ЛЕ с семантикой «бытовое» (9 АВ) помогает сориентироваться в последовательности событий, даёт понять, где и когда слушатель находится в процессе их развития и сюжетной смены. Как видно из приведенных количественных данных, время играет второстепенную роль, сопровождая объемы, наполненные пространством.

При акцентном выделении опытными специалистами авторских языковых единиц с пространственно-временной семантикой (25 % от общего количества смысловых единиц текстов) выразительность звучания на русском, белорусском и английском языках достигает особой высоты. Реализуя весь свой семантический потенциал, она выливается в осязаемые сочетания форм реальной и воображаемой действительности, насыщает восприятие адресата осознанным постижением пространственно-временной ситуации художественного произведения.

Акцентная выделенность исследуемой лексики в подготовленной речи студентов приближена к эталону специалистов на $\frac{3}{4}$ (18,5 %), что, несомненно, отражается на полноте раскрытия семантического потенциала языковых единиц, функционирующих в текстах авторских произведений.

*А. Н. Ерёмин, д. филол. н.
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
e-mail: eremin.an55@yandex.ru*

*A. N. Eremin, Doctor of Sc. (Philology)
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia
e-mail: eremin.an55@yandex.ru*

СИНКРЕТИЗМ МЕТАФОРЫ, МЕТОНИМИИ И ПРЯМОГО ЗНАЧЕНИЯ

В работе рассмотрены вопросы синкретизма метафоры, метонимии и прямого значений в языке и речи. Описаны механизмы такого синкретизма на уровне семантической структуры слова и семантической структуры значения.

Ключевые слова: лексическая семантика; синкретизм в лексической семантике; семантическая структура слова и значения.

SYNCRETISM OF METAPHOR, METONYMY AND DIRECT MEANING

The paper deals with the issues of syncretism of metaphor, metonymy and direct meaning in language and speech. The mechanisms of such syncretism at the level of the semantic structure of the word and the semantic structure of the meaning are described.

Key words: lexical semantics; syncretism in lexical semantics; semantic structure of words and meanings.

Синкретизм на уровне семантической структуры слова, на уровне семантической структуры значения не получил достаточного научного освещения, хотя о синкретизме в языкознании написано немало: см., в частности, обзорную статью Т. О. Колесниковой [1].

В работе Т. О. Колесниковой, однако, нет ни одной иллюстрации лексико-семантического синкретизма.

Рассмотрим заявленную проблему на основе ряда параметров:

1) метонимия фиксирует мир в реальной модальности: **пьяные** глаза – ‘глаза пьяного человека’ – метафора фиксирует мир в ирреальной модальности **пьяные** глаза – ‘глаза как бы пьяного человека’ (*Он смотрел на нее **пьяными** от счастья глазами*);

2) прототипическая метонимия – номинативная единица (таксономический предикат): *подали **грибы**: «Плохой офицер, – продолжал отец, – не чистящий личное оружие, однажды может поплатиться за это жизнью», – словно читал лекцию курсантам военного училища, а не пятилетний сын сидел напротив* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)] – прототипическая метафора – характеризующая единица (характеризующий

предикат): *Не то что он – бывший красавец, а ныне старый **гриб**, пенёк, коряга* [И. Грекова. Фазан (1984)]; *Пестроту июля, зелень весны осень превращает в черные строки, и зима **читает** ее упрёки и зачитывает до белизны* [И. А. Бродский];

3) номинативная метафора сдвинута в сторону прямого значения (***клапан сердца***). Синкретизм на уровне семантической структуры значения: меняется один из параметров значения – снимается оценка;

4) оценочная метонимия сдвинута в сторону метафорического значения (*...ты голимый **совок*** [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]). Синкретизм на уровне семантической структуры значения: меняется один из параметров значения – добавляется оценка;

5) в пределах семантической структуры слова в качестве разных значений могут функционировать прямое значение, метонимическое и метафорическое (или другие варианты):

а) *жопы* – ‘часть тела человека’: *Так получай заряд в **жопу**!*... [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)] – (прямое значение);

б) ‘отвратительная ситуация’: *Не хочу вас расстраивать, но там он сказал **жопы** полная* [коллективный Форум: Колонии Нижегородской области (2009–2011)] – (метафора); в) оценочно о человеке: *... тебя эта старая **жопы** не обижает?* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)] (оценочная метонимия);

б) метонимическое значение синкретично с прямым (*Она **смотрит** на меня и говорит – красивая*. [Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)] = ‘видит и понимает’);

7) речевой синкретизм механизмов становления метафоры и метонимии может быть конструктивно связанным: метонимическое замещение глагола речи плюс метафорическое значение самого глагола (– *Дурак, а умный, – кто-то неестественным голосом **провакал** от печки и, сипло перхая, захихикал* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)]).

Таким образом, можно представить модели синкретизма прямых, метафорических и метонимических значений (в разной комбинации), расширив как модели синкретизма, так и указания на их специфику. Данные наблюдения имеют общетеоретическую и практическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова Т. В. К вопросу о выделении видов синкретизма // Гуманитарные исследования. Астраханский государственный университет: Астрахань. 2009. № 3. С. 47–51.

*Е. Г. Задворная, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: egz0201@gmail.com*

*E. G. Zadvornaya, Doctor of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: egz0201@gmail.com*

ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЗИСТЕНТНОСТИ

Анализируются явные и скрытые формы коммуникативной резистентности, понимаемой как умение или склонность адресата противостоять коммуникативному воздействию, оказываемому на него адресантом. Выделяются факторы, воздействующие на выбор адресатом явной или скрытой формы резистентного коммуникативного поведения.

Ключевые слова: коммуникативное поведение; коммуникативная резистентность; явные и скрытые формы резистентности; адресант; адресат.

MANIFEST AND LATENT FORMS OF COMMUNICATIVE RESISTANCE

The author analyzes manifest and latent forms of communicative resistance understood as addressee's ability or tendency to resist the communicative impact made on him by the addresser. The paper states several factors influencing the addressee's choice of either manifest or latent form of resistant communicative behavior.

Key words: communicative behavior; communicative resistance; manifest and latent forms of resistance; the addresser; the addressee.

Одним из магистральных направлений лингвопрагматических исследований является анализ механизмов, которые препятствуют реализации конструктивной, эффективной и гармоничной коммуникации. Объектом изучения в этой области становились проблемы восприятия и понимания, феномены некооперативного и деструктивного речевого поведения и мн. др. Важным дополнением к исследованиям такого типа может стать изучение коммуникативной резистентности, понимаемой как умение / способность / стремление адресата противостоять определенным типам коммуникативного воздействия, оказываемого на него адресантом. Этот феномен может интерпретироваться с различных исследовательских позиций (когнитивных, прагматических, межкультурных, социокультурных и т. д.) и в самых разных ракурсах, что обусловлено его внутренней сложностью и многообразием ситуативных реализаций. Целью настоящей работы является определение специфики явных и скрытых форм резистентного коммуникативного поведения. Материалом исследования послужили около 300 диалогических контекстов, отобранных из Национального корпуса русского языка, изучение которых помощи метода контекстуального анализа показало следующее.

Явная резистентность представлена в ситуациях, в которых адресат дает понять адресанту, что блокирует предпринятую попытку коммуникативного воздействия. Наиболее очевидный и максимально жесткий вариант коммуникативного сопротивления реализуется в случаях, когда адресат демонстрирует отказ не только принимать какое-либо утверждение (сообщение, побуждение, вопрос и т. д.) собеседника, но и в принципе вступать в коммуникацию либо продолжать ее. Языковая манифестация резистентности данного типа отличается высокой степенью вариативности: реактивные высказывания резистентного типа могут различаться по таким параметрам, как активный или пассивный характер; прямая или косвенная реализация; клишированное или свободное выражение; наличие показателей конкретного типа иницирующего воздействия, вызывающего сопротивление / неприятие адресата (типа *Я не нуждаюсь в ваших советах / утешениях / поздравлениях*), либо их отсутствие; степень кооперативности; наличие либо отсутствие мотивировочных компонентов и др.

Скрытая резистентность представлена в ситуациях, когда сопротивление адресата оказываемому коммуникативному воздействию не выражается в его коммуникативном поведении. В качестве промежуточного варианта могут рассматриваться контексты, в которых резистентность получает сугубо невербальную реализацию, причем в качестве индикаторов резистентности выступает ограниченный класс невербальных действий, допускающих неоднозначную интерпретацию, ср. метакоммуникативные комментарии типа *поморщился(-ась) / хмыкнул(-а) / недоверчиво посмотрел(-а), но промолчал(-а) / возражать не стал(-а)*.

Весьма важным является вопрос о том, какие факторы воздействуют на выбор адресатом явной или скрытой формы резистентного коммуникативного поведения. Так, этот выбор определяется спецификой дискурса / дискурсивного жанра, в рамках которого осуществляется коммуникативное взаимодействие: если дискурс / дискурсивный жанр в принципе не предполагает канонического диалогического взаимодействия со стандартной меной коммуникативных ролей, то, разумеется, резистентность адресата может носить только скрытый характер. Если же речь идет о диалогическом формате общения, то комплекс параметров прагматического контекста оказывается весьма сложным и включает наличие у адресата соответствующих интеллектуальных, психологических и статусных ресурсов, желание защитить свое личное пространство, стремление приобрести / сохранить контроль над коммуникативной ситуацией, необходимость сохранения позитивного эмоционального фона речевого взаимодействия и мн. др. Анализ таких параметров может составить перспективу дальнейшего исследования феномена резистентности, реализуемого в различных дискурсах / дискурсивных жанрах.

*О. К. Ирисханова, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.
e-mail: o.iriskhanova@linguanet.ru*

*O. K. Iriskhanova, Doctor of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
e-mail: o.iriskhanova@linguanet.ru*

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕСТОВ ПРИ РЕШЕНИИ СПОНТАННЫХ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЗАДАЧ

В работе рассматриваются жесты, сопровождающие речь говорящего, который спонтанно решает задачи метаязыкового характера. Проведенное экспериментальное исследование жестов, сопровождающих различные затруднения в речи, выявило бóльшую значимость прагматических жестов по сравнению с репрезентирующими, что может указывать на важность установки говорящего на интерактивность (пусть даже и воображаемую) при повышенной когнитивной нагрузке.

Ключевые слова: метаязыковые задачи; жесты; репрезентирующие жесты; прагматические жесты; синхронный перевод.

PRAGMATICS OF GESTURES USED IN SPONTANEOUS METALINGUISTIC PROBLEM SOLVING

The paper is focused on gestures which accompany the speech of the interlocutor in the process of spontaneous solving metalanguage problems. Two experimental studies of gestures related to various difficulties which arise in the course of speech testify to a greater significance of pragmatic gestures as compared to the representational ones and may indicate the importance of the speaker's predisposition for interactivity (even if imaginary) in case of an increased cognitive load.

Key words: metalanguage problems; gestures; representative gestures; pragmatic gestures; simultaneous translation.

В исследовании выявляется роль жестов, сопровождающих речь говорящего, который спонтанно решает задачи метаязыкового характера. К подобным задачам мы отнесли, во-первых, задачи синхронного перевода с одного языка на другой и, во-вторых, задачи неподготовленного пояснения различий между близкими синонимами одного (родного) языка. Таким образом, решение метаязыковых задач предполагает поиск эквивалентов языковых единиц как в разных языках, так и внутри одного языка – т. е. межъязыкового или внутриязыкового перекодирования. Подобного рода

речевая деятельность как бы направлена на саму себя и на объект, которому подыскивается альтернативный языковой эквивалент, поэтому в тех жестах, которые ее сопровождают, естественно ожидать активное употребление движений рук, иконически репрезентирующих свойства референта (например, когда слово *линия* сопровождается соответствующим жестом прочерчивания), в то время как жесты интерактивные (обращения, выражение интенций, ментальных состояний и др.) отходят на задний план.

Для проверки данного предположения было проведено два исследования. В первом случае 20 синхронных переводчиков с разным опытом осуществляли перевод аудиозаписи Ted Talk с английского языка на русский и наоборот (данный вид метаязыковой деятельности характеризуется наименьшей интерактивностью). Во втором случае испытуемым (14 студентам-лингвистам) предлагались пары близких синонимов на русском языке для пояснения различий между ними (например, *огонь* – *пламя*; *битва* – *схватка*; *чепуха* – *ерунда*; *кара* – *наказание*; *идеал* – *совершенство*, и др.). Здесь наблюдалась бóльшая интерактивность, поскольку решение метаязыковой задачи предполагало пояснение различий между лексемами для конкретного собеседника.

В обоих исследованиях велась видеозапись; материалы обрабатывались с помощью программы ELAN (Институт психолингвистики Макса Планка в Неймегене, Нидерланды). При аннотировании жестов использовалась классификация К. Мюллер и А. Ченки, в которой жесты делятся на биты (подчеркивают ритм речи); адаптеры (жесты касания себя или окружающих объектов); репрезентирующие жесты (жесты иконически передают свойства объекта); прагматические жесты (жесты передают интенции говорящего, его когнитивные и эмоциональные состояния); дейктические жесты (жесты указания) [3; 6]. В нашем исследовании рассматривались только жесты, сопровождающие различные затруднения в речи (заполнители пауз, заикания, самоисправления, конструкции с неопределенной референцией и др.). Полученные видео материалы подвергались количественному и качественному анализу.

Анализ аннотированных видеозаписей двух эмпирических исследований показал, что несмотря на то, что метаязыковые задачи обладают пониженной интерактивностью (особенно перевод из синхронной кабины), говорящие, наряду с адаптерами, весьма часто употребляли прагматические жесты (42 % у переводчиков и 36 % у студентов-лингвистов; за 100 % принималось общее количество жестов у соответствующих групп испытуемых в момент затруднений).

Если частотность адаптеров объясняется наличием когнитивной нагрузки, свойственной спонтанному решению проблемы, то активное употребление

прагматических жестов для двух типов метаязыковых задач, по-видимому, может объясняться действием разных факторов. Синхронный перевод сопровождался прагматическими жестами, выражающими обращение к воображаемой аудитории. Данный вид метаязыковой деятельности представляет собой особую «вторичную» коммуникацию, для успешности которой, по-видимому, важна способность совмещать точки зрения (а значит – и интенции) переводчика и коммуниканта, речь которого он переводит.

Что касается задачи пояснения различий между синонимами, то здесь преобладали рекуррентные прагматические жесты колебания, циклических движений и так называемые жесты PUOH (ладони, повернутые вверх) [1; 2; 5]. Данные жесты несут в себе значение неопределенности, неуверенности [4]. Также, вопреки ожиданиям, было замечено, что репрезентирующие жесты оказались не столь частотными в анализируемых видеоматериалах (в среднем от 13 до 23 %); кроме того, некоторые репрезентирующие жесты также реализовывали вспомогательную прагматическую роль.

Таким образом, проведенное исследование показало, что для решения спонтанных метаязыковых задач весьма значимыми оказываются не столько репрезентирующие жесты, сколько жесты прагматические, что может указывать на важность установки говорящего на интерактивность (пусть даже и воображаемую) при повышенной когнитивной нагрузке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М. : ЯСК, 2017.
2. Bressem J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // *Body – Language – Communication: An international hand- book on multimodality in human interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 1575–1591.
3. Cienki A. Image schemas and gesture // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics.* New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 421–442.
4. Iriskhanova O. K., Prokofyeva O. N. Markers of uncertainty in speech and gesture: some cognitive implications for Grice's maxims // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2020. № 4. С. 18–25.
5. Ladewig S. The cyclic gesture // *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1605–1618.
6. Müller C. *Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking. A Cognitive Approach to Metaphors in Language Use.* Berlin : Freie Universitat, 2005.

*В. Ю. Клейменова, д. филол. н.
Российский государственный педагогический университет,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru*

*V. Y. Kleimenova, Doctor of Sc. (Philology)
Russian State Pedagogical University, St-Petersburg, Russia
e-mail: victoria.kleimenova @yandex.ru*

СЕМАНТИКА COVID-НЕОЛОГИЗМОВ

Рассматриваются неологизмы и квазинеологизмы тематической группы «COVID-19 Pandemic», а также изменения, которые происходят в семантической структуре этих лексических единиц.

Ключевые слова: неологизм; семантическая структура; квазинеологизм; коннотации; термин.

SEMANTIC OF COVID-NEOLOGISMS

The paper deals with neologisms and quasineologisms which belong to the thematic group «COVID-19 Pandemic». The changes in the semantic structure of the above vocabulary units are described.

Key words: neologism; semantic structure; quasineologism; connotations; term.

Пандемия COVID-19, как любое социально-экономическое или политическое потрясение, послужило триггером процесса создания неологизмов в английском языке, поскольку коммуникация в условиях кардинально изменившегося образа жизни оказалась невозможной без номинативных единиц, называющих явления новой реальности, их взаимосвязи и отношение людей к ним. Целью данного исследования, выполненного на материале англоязычных словарей, является анализ семантической структуры неологизмов, которые относятся к тематической группе «COVID-19 Pandemic». Использование методов дефиниционного и контекстуального анализа позволило установить, что вариативность семантической структуры новых номинативных единиц рассматриваемой тематической группы определяется следующими факторами: продолжительность использования и соотношение новизны формы и содержания.

На основании критерия «продолжительность использования» слова, относящиеся к тематической группе «COVID-19 Pandemic» и воспринимаемые современным языковым сообществом как новые, можно разделить на две группы: *квазинеологизмы* и *истинные неологизмы*.

Квазинеологизмы – это традиционные номинативные единицы, которые существуют в лексической системе английского языка на протяжении нескольких десятилетий, однако с началом пандемии приобрели в глазах

языкового сообщества коннотацию новизны. К этой группе в первую очередь относятся термины, например, *COVID-19*, которые благодаря социальной значимости означаемого и высокой частотности употребления переходят в разряд общеупотребительной лексики. Такой процесс становится возможным, поскольку термин, по мнению Л. А. Манерко, вписывается в динамические границы отрасли знания, так как является динамической единицей когнитии, номинации и коммуникации [2, с. 721]. В рассмотренных случаях детерминологизации речь не идет о метафорической экспансии. Квазинеологизмы по-прежнему представляют собой вербализованный результат научного осмысления действительности, отражают когнитивно-коммуникативную деятельность языкового сообщества, однако их семантическая структура претерпевает следующие изменения: интенционал значения сохраняется, но происходит потеря научной точности (нейтрализация гипосем), стилистическая коннотация исчезает, появляются эмоциональная и оценочная коннотации, формируется новый негимпликационал.

Истинные неологизмы в данном исследовании рассматриваются как новые лексические единицы или новые значения традиционных лексических единиц, которые используются для номинации обусловленных пандемией фрагментов реальности. Эти слова прошли процесс узуализации и вошли в состав лексической системы английского языка. Свидетельством устойчивости этих семантически емких лексических единиц, которые характеризуются функциональной целесообразностью и соответствуют структурно-семантическим моделям словообразования в английском языке, является их зафиксированность в электронных версиях фундаментальных лексикографических источников, таких как: Cambridge English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Collins English Dictionary и т. д.

В соответствии с классификацией, которая основана на принципе соотнесенности новизны формы и содержания, эти неологизмы можно разделить на собственно неологизмы, трансноминации и семантические инновации [1, с. 17]. Наиболее востребованы современным языковым сообществом собственно неологизмы и семантические инновации, которые подразумевают наличие нового означаемого.

Дальнейшие перспективы исследования следует определить как изучение семантического потенциала квазинеологизмов и истинных неологизмов, что позволит реконструировать концептуальные метафоры, репрезентирующие семантическое поле «COVID-19 Pandemic» в медийных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заботкина В. И. Новая лексика английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 126 с.
2. Манерко Л. А. Когнитивное терминоведение как отражение антропоцентрического и конструирующего взгляда на терминосистемы и специальный дискурс // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. С. 720–725.

*М. Л. Ковшова, д. филол. н.
Институт языкознания РАН, Москва, Россия
e-mail: kovshova_maria@list.ru*

*M. L. Kovshova, Doctor of Sc. (Philology)
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: kovshova_maria@list.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В работе делается утверждение о том, в современной лингвистике на фоне дифференциальных процессов происходит стихийное сближение антропологически ориентированных дисциплин. Определяется роль лингвокультурологии на данном этапе.

Ключевые слова: лингвокультурология; антропологическая лингвистика; комплексные дисциплины; знаки языка и культуры; культурные смыслы.

LINGUACULTURAL STUDIES IN THE CONTEMPORARY ANTHROPOLOGICAL PARADIGM OF SCIENCE

The paper asserts that, while modern linguistics has seen differentiation of fields, it now manifests growing convergence of anthropologically oriented fields. The author seeks to define the role of linguacultural studies at this stage.

Key words: linguacultural studies; anthropologic linguistics; complex fields of science; signs of language and culture; cultural meanings.

Современная лингвистика изучает языковой знак как антропологический феномен, существующий во взаимосвязи с разными сторонами бытия человека, физического и духовного, с его мышлением, сознанием, коммуникацией, культурой. Начавшийся со второй половины XX в. процесс дифференциации лингвистических дисциплин привел к образованию множества «других лингвистик» [1, с. 45], количество которых продолжает расти: социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвофольклористика, этнопсихолингвокультурология и др. Множественность дисциплин и направлений обуславливает изменчивый образ языка, смена парадигм создает новую лингвистическую реальность [6]. Разработка приемов и методов исследования осуществляется на разных научных платформах, и языковые данные предстают в разных ракурсах, описываются с акцентуацией на разных аспектах. В изучении языка каждая дисциплина или направление работают со своим объектом, ибо, согласно Ф. де Соссюру, именно «точка зрения создает самый объект» [5, с. 46]. Системы, сформировавшиеся в рамках той или иной лингвистики со своими приемами, методами, понятиями и терминами, иначе видятся с позиции других лингвистик. При этом, несмотря на то, что множественность потенциальных лингвистик продолжает расти, намечается потребность в усилении интегративного процесса, который должен привести к систе-

матизации всех наблюдений, сделанных с разных позиций, разработке единой лингвистической методологии и метаязыка описания. Стремление к объединению подходов у близких, но не тождественных дисциплин, таких как когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, проявляется в междисциплинарном характере исследований, в которых применяются методы разных лингвистик, сопоставляются полученные в результате данные и делаются общие выводы; см., например [2; 4; 7]. В современных работах активнее используются данные из других гуманитарных наук, усиливаются контакты лингвистики с нелингвистикой. Тем самым, стихийно зарождается новый, дифференциально-интегративный, этап, обращенный на создание в разных лингвистиках единого инструментария для исследования языкового знака как целостного феномена. На этом, антропологическом, этапе особенно важно настаивать на поиске точных методов исследования, ибо «именно “точные” методы дают нам возможность уловить “неточные” структуры» [3, с. 9], к которым сейчас смело обратилась лингвистика. Так, лингвокультурология изучает язык в русле культуры как коллективного мозга человечества (по Ю. М. Лотману).

Определяющая роль в будущей, антропологической, лингвистике принадлежит лингвокультурологии. В центре лингвокультурной парадигмы находится не языковой знак, а человек – субъект языка и культуры, его речемыслительные и коммуникативные процессы, его участие в символизации мира. На основе лингвистического описания языкового материала, с применением психолингвистических методик, проведением фреймового и концептуального анализа, с привлечением этимологических и этнолингвистических разысканий лингвокультурология выявляет культурно-исторический фон, на котором воспринимается языковой знак, реконструирует рефлексию субъекта – носителя языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
2. Ковшова М. Л. Языковой знак в обретении смыслов культуры // Когнитивные исследования языка: Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памяtnому юбилею Вероники Николаевны Телия. 2021. Вып. 2 (45). С. 71–85.
3. Лотман Ю. М. Искусство на пересечении открытых и закрытых структур // Труды по русской и славянской филологии, вып. III: К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту : Tartu Ulikooli Kirjastus, 1993. С. 9–29.
4. Орлова О. С. Принцип непрямо́й номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти: автореф. дисс.... канд. филол. наук : 10.02. 01 / М. : Институт языкознания РАН, 2021. 22 с.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
6. Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М. : изд-во РГГУ, 1995. С. 7–34.
7. Харитончик З. А. Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит: «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Когнитивные исследования языка: Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памяtnому юбилею Вероники Николаевны Телия. 2021. Вып. 2 (45). Тамбов : Издательский дом «Державинский». С. 181–190.

В. В. Корнева, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: kornevavalentina@mail.ru

Д. Б. Тузикова, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: dina_menyilova@mail.ru

V. V. Korneva, Doctor of Sc. (Philology),
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: kornevavalentina@mail.ru

D. B. Tuzhikova, Cand. Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: dina_menyilova@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРОНИМА MONTE 'ГОРА' В ИСПАНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

Выявляются категориальные признаки горы как элемента ландшафта и описываются особенности реализации семантического потенциала топоосновы *monte* 'гора' в испанской топонимии. Делаются выводы о значимости отдельных признаков в исследуемых языковых единицах.

Ключевые слова: топонимы; ойконимы; ономаσιологический базис; семантика; испанский язык.

SEMANTIC POTENTIAL OF ORONYM MONTE 'MOUNTAIN' IN SPANISH GEOGRAPHICAL PLACE NAMES

The authors reveal categorial features of "mountain" as part of landscape and describe the peculiarities of semantic potential of "mountain" in the Spanish toponymy. The authors highlight some specific features in the investigated linguistic units.

Key words: toponyms; oikonyms; onomasiological basis; semantics; Spanish.

Известно, что названия природных реалий составляют древнейший пласт любого языка и что при формировании топонимии любого региона важную роль играет естественно-природный принцип номинации. Испания является высокогорной страной, а потому ороним *monte* 'гора' занимает особое место в сознании испанского этноса [1], что находит отражение не только в разных типах дискурса, но и в названиях населенных пунктов – ойконимах. В частности, ороним *monte* 'гора' является вторым по частотности среди испанских ойконимов с топоосновой (ономаσιологическим базисом) «природные реалии» (см. подробнее [2]).

Целью нашего исследования является выявление тех признаков горы, присущих испанскому языковому сознанию, которые запечатлены в географических названиях населенных пунктов. Для достижения поставленной

цели были использованы разные типы испанских словарей – толковые, топонимические и ассоциативные [3; 4; 5]. Материалом для исследования ойконимов послужили данные топонимического словаря П. Селдрана [4], из которого методом сплошной выборки было извлечено 79 названий населенных пунктов с топоосновой *monte* ‘гора’. При их анализе использовалась комплексная методика, включающая метод наблюдения, компонентный анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Согласно анализу словарных дефиниций категориальными признаками горы как элемента рельефа являются высота, размер, а также форма [6]. Кроме того, гора в сознании испанского этноса представлена такими признаками, как материал, цвет и наличие / отсутствие флоры, а также оценка и пространственная локализация [1; 2]. Сказанное означает, что ороним *гора* обладает большим семантическим потенциалом, который достаточно своеобразно реализуется в географических названиях Испании.

Проведенное нами исследование позволило прийти к следующим выводам. В испанской ойконимии за исключением признака «материал» представлены все указанные выше признаки горы. Кроме того, наблюдается расширение семантического потенциала обозначения данной природной реалии за счет таких признаков, как оценка, пространственная локализация, принадлежность и фауна. Все выявленные признаки горы по-разному проявляются в испанских ойконимах. По частотности они распределились следующим образом: цвет – 18 топонимов, форма – 15, оценка – 13, пространственная локализация – 11, флора – 10, принадлежность – 7, размер и фауна – по 6 (см. подробнее [2]). Относительно низкая частотность признака «размер» в ойконимах с топоосновой *monte* ‘гора’, возможно, объясняется тем, что признак «большой размер» входит в интенционал данной лексемы, тогда как отсутствие признака «материал» обусловлено тем, что он не является компонентом семантической структуры соответствующего слова. Появление же и высокая частотность в испанских ойконимах с топоосновой *monte* ‘гора’ таких признаков, как «оценка» и «принадлежность», суть проявление антропоцентричности языка, в то время как реализация признака «пространственная локализация» связана, на наш взгляд, с функциональной спецификой изучаемых языковых единиц – топонимов.

Представляется, что предлагаемая нами методика может быть использована при изучении этих и других видов топонимов как в отдельных языках, так и при их сопоставлении в разных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнева В. В. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 16–23.
2. Тужикова Д. Б. Ойконимы в испанской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Воронеж, 2013. 24 с.

3. Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2001. Vol. 1, 2. 2448 p.
4. Celadrán P. Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios : 5ª edición. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2009. 1059 p.
5. Санчес Пуиг М. и др. Ассоциативные нормы испанского и русского языков / Пуиг М. Санчес, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. Москва – Мадрид : Азбуковник, 2001. 496 с.
6. Корнева В. В. Категоризации возвышенности в испанской и русской лингвокультурах // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 60–72.

УДК 811.11

*И. А. Краева, к. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: irinakraeva@linguanet.ru*

*I. A. Kraeva, Cand. Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: irinakraeva@linguanet.ru*

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ ПРИ ПОМОЩИ АНГЛИЙСКИХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Рассматриваются основные подходы к изучению имплицитности. Подчеркивается роль контекста при интерпретации высказывания, тесная взаимосвязь языковых и речевых явлений.

Ключевые слова: имплицитность; теория речевых актов; теория интерпретации; лексическое значение; инференция.

SPECIFICITY OF EXPRESSING IMPLICITNESS WITH THE HELP OF ENGLISH RELATIVE ADJECTIVES

The main approaches to the study of implicitness are reviewed. The role of context in the interpretation of an utterance, close relationship of language and speech phenomena are emphasized.

Key words: implicitness; theory of speech acts; theory of interpretation; lexical meaning; inference.

Понятие имплицитности изучается в лингвистике в течение долгого времени, особенно актуальным оно всегда было для стилистических исследований. В теоретической литературе имплицитность трактуется по-разному в зависимости от того, что, по мнению исследователя, лежит в ее основе и на каком языковом уровне она проявляется (см., например, [1]). В наиболее общем плане под имплицитностью в речи понимают наличие скрытого

смысла высказывания, который выводится участниками коммуникативного акта из эксплицитно выраженной информации с привлечением фоновых знаний.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что имплицитность тесно связана с понятием *значения* языковой единицы. Одним из первых, кто обосновал и сформулировал проблему соотношения формы и значения, был, как известно, Эмиль Бенвенист, который отмечал в этой связи: «Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избавиться от ее коррелята – значения. Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» [2].

Важно, что Э. Бенвенист, рассматривая значение с точки зрения того, что языковая единица имеет смысл, она значима, и с точки зрения того, *каково* это значение, полагал, что именно второе значение «имплицитно, оно внутренне присуще языковой системе и ее составным частям» [2].

В ходе дальнейшего развития лингвистики, особенно в связи с развитием философии языка, теории речевых актов и теории интерпретации, проблема имплицитности в языке и речи продолжала изучаться, и в настоящее время данный вопрос по-прежнему находится в центре внимания лингвистов. Большой вклад в разработку общей теории интерпретации (ее основ и приложений в вычислительной лингвистике) внес В. З. Демьянков (1985, 1994, 2006 и др.).

В свете когнитивных исследований стало еще более очевидным, что план содержания гораздо шире плана выражения, не случайно поэтому в современных исследованиях справедливо подчеркивается роль контекста, который способен делать имплицитное ощутимым, дать возможность адресату в ходе процесса инференции «расшифровать» смысл высказывания. Как отмечает В. З. Демьянков, «значения не существуют сами по себе, не «содержатся» в словах и предложениях и не «извлекаются» из них, а «вычисляются» интерпретатором на основе свойств речи и её контекста» [3, с. 49].

Представляется важным в этой связи мнение ученых о том, что и разграничение имплицитных и эксплицитных значений, и разделение имплицитности на языковую и речевую довольно условно. Каким бы плодотворным и продуктивным ни было такое разделение, не следует, по их мнению, забывать о тесной взаимосвязи языковых и речевых явлений, о речевой реализации языковой семантики.

В ходе нашего исследования, исследуя семантику и функционирование английских прилагательных, в частности относительных прилагательных, употребляемых в качественных значениях (например, *academic* ‘академический’, *atmospheric* ‘атмосферный’, *British* ‘британский’ и др.), мы уделяем особое внимание изучению их способности передавать имплицативные смыслы в высказывании, т. е. выступать в качестве средств выражения имплицит-

ности. Подобные смыслы довольно сложно выявить, это требует от адресата дополнительных интерпретативных усилий и необходимых фоновых знаний, особенно если в тексте нет на этот счет никакой дополнительной эксплицитно выраженной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е. Г., Мартемьянов Ю. С. Имплицитность в языке и речи. М. : Языки русской культуры, 1999. 200 с.
2. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 129–140.
3. Демьянков В. З. О техниках понимания имплицитной речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Материалы межд. науч. конф., 15–17 сентября 2005 г. Калининград; Светлогорск : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 34–52.

УДК 81'37

*Н. А. Красовская, д. филол.н.
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru*

*N. A. Krasovskaya, Doctor Sc. (Philology)
Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru*

СЕМАНТИКА ДВИЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ

Анализируются некоторые данные, связанные с реализацией семантики движения в рассказах Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского. Основным методом рассмотрения стал метод построения семантического поля.

Ключевые слова: семантика движения; русские писатели; лексические единицы; семантическое поле.

SEMANTICS OF MOTION IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS: SOME DATA

Some data related to the implementation of the semantics of movement in the stories of L. N. Tolstoy, N. S. Leskov, F. M. Dostoevsky. The main method of consideration was the method of constructing a semantic field.

Key words: semantics of movement; Russian writers; lexical units; semantic field.

Рассмотрение семантики движения в произведениях русских писателей представляется весьма актуальной проблемой. Ее решение во многом связано

с понимаем художественного дискурса отечественных авторов, с проблемами перевода произведений русской литературы, с пониманием категории движения.

Основная цель исследования – выявить особенности и закономерности в реализации семантики движения в некоторых произведениях Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского.

Материалом для проведения исследования стали прозаические произведения малого жанра, а именно нами анализировались рассказы Л. Н. Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», рассказ Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», сказ Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом Левше и стальной блохе».

Основным методом исследования стал метод построения семантического поля, которое имеет определенную структуру, по нашему мнению, способную отразить особенности реализации семантики движения в дискурсе того или иного автора. Помимо этого, нами использовался метод семантического анализа, который позволил уточнить особенности понимания некоторых лексических единиц, включенных авторами в тексты произведений.

Основными результатами исследования стало выявление закономерностей и некоторых особенностей репрезентации семантики движения в произведениях малого жанра, принадлежащих перу русских писателей.

Было установлено, что при рассмотрении такой разновидности движения, как физическое движение, связанного с перемещением в пространстве, центр семантического поля «движение» составляют глаголы с корнями *-ход-*, *-бег-*, *-езд-*, *-ид-*. К ближней периферии семантических полей, которые выстраивались на материалах указанных выше рассказов, нами также были отнесены глаголы, которые указывают на движение, но не связаны с перемещением в пространстве. В данном случае мы можем наблюдать проявление довольно значительного разнообразия таких глаголов в текстах произведений разных авторов. Это может быть движение с помощью рук, волнообразное движение, активное движение тела, движение, связанное с реализацией мелкой моторики. Проанализировав эти зоны полей, можно, например, заметить, что у Л. Н. Толстого движение больше связано с ходьбой, а у Н. С. Лескова – с передвижением при помощи чего-то, с ездой [3]. В рассказах Л. Н. Толстого движение ассоциируется с преодолением себя, с работой над собой, когда физическое движение соединяется с движением духа, со стремлением к пониманию чего-либо [2, с. 22]. В сказе Н. С. Лескова мы наблюдаем несколько иную картину: активное движение приводит к негативным последствиям. Перемещение героев, их поездки в итоге приближают их к смерти или потерям, наоборот, практически полное отсутствие внешнего движения, а наличие, видимо, только движения духа ведет к положительным изменениям. В рассказе Ф. М. Достоевского [1] мы отметили значительное отличие глаголов, входящих в зону ближней периферии, по выражаемой семантике: в первой части рассказа преобладают

единицы деструктивного характера, а во второй части рассказа – единицы, которые не имеют отрицательной или негативной семантики. Зона дальней периферии во всех проанализированных произведениях позволяет уточнить репрезентацию семантики движения: можно наблюдать указания на ее интенсивность, характер осуществления, место движения и т. д.

Перспективами представленного исследования может стать дальнейшее рассмотрение семантики движения в иных произведениях указанных авторов, а также привлечение для более широкого анализа иных произведений русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Мальчик у Христа на елке. URL: <https://malchik-uazbyka.ru/fiction/-xrista-na-elke/> (дата обращения: 03.06.21).
2. Красовская Н. А. «Народные рассказы» Л. Н. Толстого: семантическое поле движения // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2020. Вып. 4 (36). С. 12–23.
3. Лесков Н. С. Левша. URL: <https://ilibrary.ru/text/986/p.2/index.html>. (дата обращения: 05.06.21).

УДК 81'42

*А. А. Кретов, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru*

*A. A. Kretov, Doctor of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru*

ЯЗЫКОВОЙ ТАКТ И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В докладе вводится понятие *языкового такта*, трактуемое как центральное базовое понятие в теории лингвистики. Рассматриваются его составляющие: *говорящий-текст-слушающий*, их внутренняя организация и взаимоотношения.

Ключевые слова: бифункциональная сущность языка; опредмечивание мысли; распредмечивание текста; языковая деятельность; речевая и аудитивная деятельность; языковой такт.

LANGUAGE TACT AND ITS COMPONENTS

The report introduces the concept of language tact, which is interpreted as a central basic concept in the theory of linguistics. Its components are considered: speaker-text-listener, their internal organization and relationships are discussed.

Key words: the bifunctional essence of the language; objectification of thought; subjectification of text; language activity; speech and auditive activity; language tact.

Европейская лингвистическая традиция текстоцентрична. Поэтому теория языка в этой традиции уделяет большое внимание речевой деятельности,

т. е. деятельности по порождению текста. А вся работа по пониманию и истолкованию текста отдаётся на откуп филологии (включая литературоведение и критику) и герменевтике.

Между тем считать, что функционирование языка ограничивается речевым или языковым актом, примерно то же самое, что ограничивать товарно-денежные отношения превращением товара в деньги. Сравним формулы: «товар-деньги-товар», «мысль-текст-мысль». Экономистам проще: продавец не может ничего продать без покупателя – продажа и покупка происходят одновременно, – почти, как при устном общении: в норме речь обращена к слушающему. Однако с изобретением письма создание и прочтение текста принципиально разнесены во времени и пространстве. В результате текст предстаёт перед читателем как данность, а деятельность писателя завершается созданием текста.

На протяжении трёх тысячелетий письменной истории сформировалась стойкая иллюзия, будто язык нужен только для создания текста (устного или письменного). Однако, если мы признаём, что главная функция языка – это общение, передача информации от говорящего к слушающему, то следует признать и ту очевидную вещь, что эта функция языка выполняется только после восприятия и понимания / прочтения текста слушающим / читателем. А для этого необходимо, чтобы у говорящего и слушающего был один и тот же язык. Более того, язык должен отработать в двух различных режимах: опредмечивания мысли и распредмечивания текста. При этом целесообразно различать процессы оязыковления концептов говорящим и разъязыковления значений слушающим.

Процесс оязыковления – это процесс перехода от концептов (квантов смысла, записанных в *универсальном предметном коде* по Н. И. Жинкину) к языковым значениям, а от них (означаемым) – к означающим. А процесс опредмечивания – это переход от акустических образов означающих к реальным звукам. Соответственно, процесс распредмечивания звучащей речи состоит в переходе от реальных звуков к акустическим образам означающих, а процесс разъязыковления – в переходе от акустических образов означающих к означаемым языковым знакам, а от них – к концептам, хранящимся в долговременной (не оперативной!) памяти.

Таким образом можно различить *языковую* деятельность, связанную с кодировкой (оязыковлением, т. е. переходом от означаемых к означающим – у говорящего) и декодировкой (разъязыковлением, т. е. переходом от означающих к означаемым – у слушающего), *речевую* деятельность, связанную с переходом от образов означающих к реальным звукам (у говорящего) и *аудитивную* деятельность, связанную с переходом от реальных звуков к образам означающих (у слушающего).

Только цикл разнонаправленных работ – сочетание оязыковления-опредмечивания мыслей говорящим и распредмечивания-разъязыковления

текста слушающим обеспечивают переход от мыслей говорящего к мыслям слушающего, т. е. реальный обмен информацией через текст – выполнение языком его коммуникативной функции. Вот почему термин Дж. Остина *речевой акт* является, во-первых, однобоким, а во-вторых, дезориентирующим. От расширительного употребления и понимания этого термина следует отказаться в пользу термина *языковой такт*, который, как и всякий такт, состоит из сильной доли – оязыковление-опредмечивание мысли говорящим и слабой доли – распредмечивание-разъязыковление речи говорящего слушающим.

Обобщённо изложенное можно представить следующей схемой (см. Рис. 1).

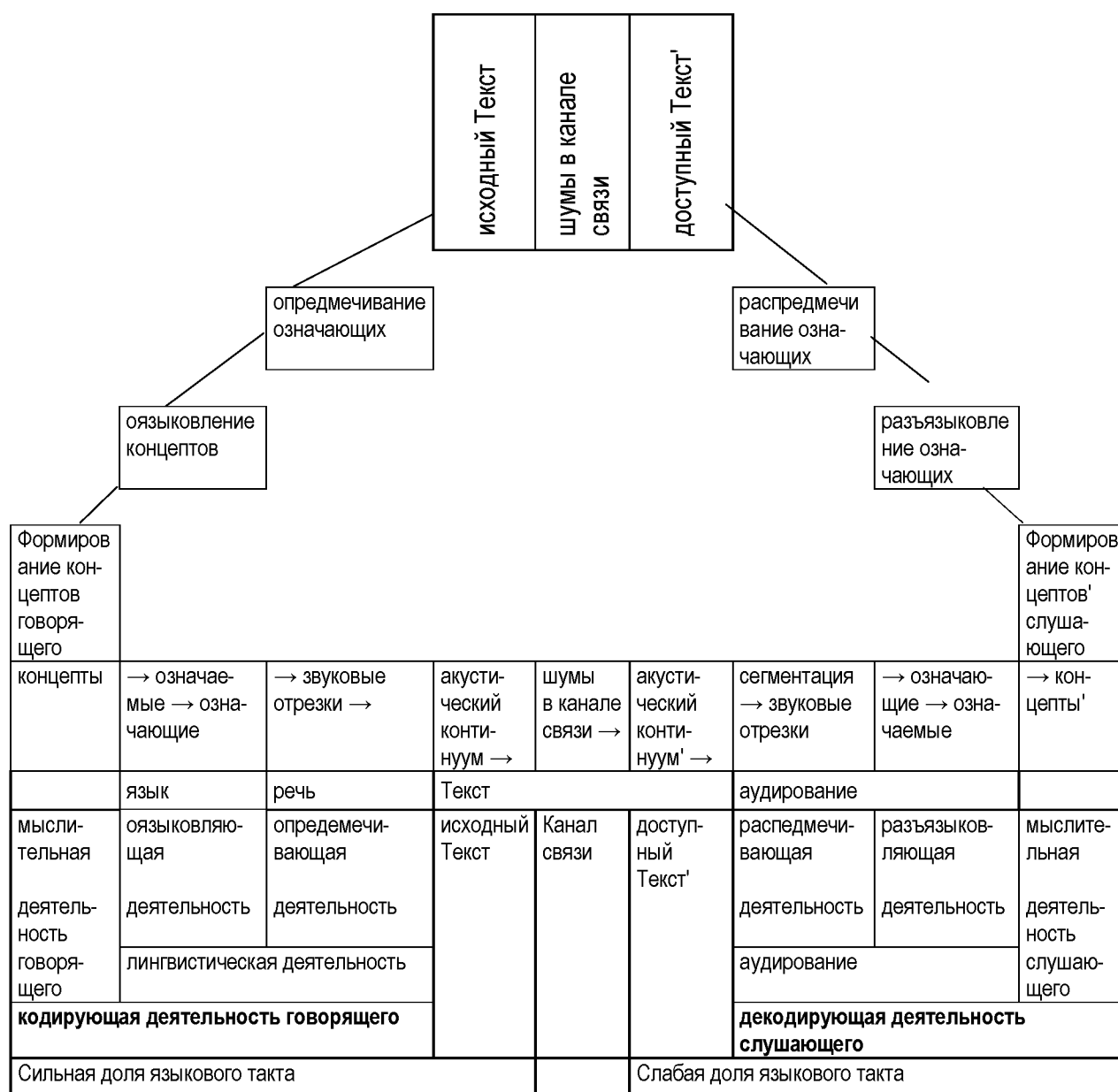

Рис. 1. Схема речевого такта

*Л. В. Лаенко, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: lvlaenko@mail.ru*

*L. V. Laenko, Doctor of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: lvlaenko@mail.ru*

ЛИНГВОПЕРЦЕПТОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Описываются цели и задачи лингвоперцептологии как новой области науки о языке, обосновывается её предмет исследования – перцептивная семантика и анализируется терминологический аппарат.

Ключевые слова: лингвоперцептология; перцепция и язык; перцептивная семантика.

LINGUOPERCEPTOLOGY AS A RESEARCH FIELD OF PERCEPTUAL SEMANTICS

Goals and research objectives of linguoperceptology as a new field in studying language are described, perceptual semantics as its subject is argued as well as its terminology system.

Key words: linguoperceptology; perception and language; perceptual semantics.

Проблема восприятия всегда находилась в центре научного поиска, осознавалась как актуальная для установления общих закономерностей познания действительности и для поиска методологических основ в отдельных областях науки.

Начало изучения перцептивных процессов в лингвистике восходит к работам, посвященным проблемам соотношения языка и мышления. Возросший в лингвистике нашего времени интерес к когнитии, к тем особенностям познания, которые проявляются в языке, повернул внимание ученых к психологическому феномену восприятия. Когнитивная лингвистика с ее стремлением к реконструкции универсальных механизмов формирования и развития языковых значений, категорий, процессов признала восприятие тем познавательным параметром, который задает ракурс осмысления и пути репрезентации в языке очень многих категорий бытия и сознания: пространства, времени, реальности, состояния, души, противопоставления внутреннего внешнему и т. п. В работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, А. Вежбицкой, А. В. Кравченко, Е. С. Кубряковой, Е. В. Падучевой и многих других ученых отчетливо прозвучала мысль о том, что, поскольку язык в своем строении, системных связях и основных своих категориях продуцируется процессами познания действительности, то именно в нем как нельзя более тонко и дифференцированно отражается вся простота и сложность начального познавательного

этапа, которым является восприятие, и поэтому квалификация и дифференциация многих лингвистических феноменов невозможна без учета особенностей чувственного познания, так как восприятие тесно связано с другими когнитивными способностями человека и другими когнитивными процессами.

Интенсивность исследований обозначений восприятия настолько велика, что учёные в начале XXI в. заговорили об особой отрасли науки о языке, которую предлагается назвать лингвоперцептологией. Последняя определяется как «область языкознания, изучающая бессознательное чувственное восприятие с точки зрения отражения в семантике перцепции когнитивного опыта различных языковых коллективов и отдельной языковой личности» [1, с. 7].

Вопрос обозначения предметной области исследования решается в лингвоперцептологии неоднозначно. Наиболее употребительными являются «лексика чувственного восприятия», «перцептивная лексика», реже – «сенсорная лексика». Предпочтительным представляется термин «перцептивная лексика», так как, во-первых, он является более компактным по сравнению со словосочетанием «лексика чувственного восприятия», во-вторых, позволяет построить необходимую рабочую терминосистему: *перцепция* – восприятие как физиологически обусловленный процесс познавательного взаимодействия человеческой психологии с окружающей действительностью, осуществляющийся в одной из форм чувствительности (зрения, слуха и т. д.) или в их совокупности; *перцептивное значение* – прямое значение лексемы, связанное с чувственным восприятием; *перцептивный компонент значения* – компонент значения, связанный с чувственным восприятием; *перцептивная семантика* – совокупность языковых значений (полноценных лексических значений, их компонентов, функционально-смысловых приращений, смысловых компонентов содержания грамматических категорий и т. д.), в которых репрезентируется психологический процесс восприятия. Именно перцептивная семантика маркирует области описания в лингвоперцептологии. Известно, что Семантика, занимая особое место в лингвистике, пронизывает все уровни языка и одновременно тяготеет к междисциплинарности. Однако предмет семантики при этом – значение различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи – не размывается, а, напротив, углубляется, так как видится в многомерном пространстве гуманитарных наук.

Актуальность и значимость исследования перцептивной семантики заключается в том, что человек как существо социальное в процессе восприятия формирует знания об окружающем мире (когнитивная сторона перцепции), испытывает определённые эмоции (аффективная сторона перцепции), учитывает опыт предшествующих поколений и свой собственный прежний опыт (рефлексивная сторона перцепции). Содержание перцепции основывается на состоянии индивида (установки, эмоции, внимание, волевой компонент), на его психических образованиях (перцептивный опыт, умения, навыки), на свойствах личности (перцептивные способности, черты харак-

тера, направленность) [2, с. 6]. Всё это тем или иным образом репрезентировано в перцептивной семантике разных языковых единиц при соответствующих условиях её реализации.

Видятся следующие задачи лингвоперцептологии: 1) выявление круга значений, составляющих перцептивную семантику, анализ их иерархии и специфики проявления на разных уровнях языковой системы; 2) обоснование категориальной природы отражения восприятия в языковой системе; 3) изучение специфики лексической репрезентации процесса восприятия; анализ взаимодействия и взаимовлияния лексических и грамматических факторов реализации перцептивных значений в ЛСГ и ЛЕ; 4) изучение специфики синтаксического продуцирования разных аспектов перцептивной семантики; анализ связи этих процессов с общими закономерностями языковой концептуализации восприятия; 5) определение эстетического потенциала перцептивной семантики, направлений ее художественной актуализации и связи с категориями художественного текста.

Есть в таком случае основания говорить сегодня о категории перцептивности, которая оказалась на пересечении интересов лексикологии, лексикографии, системно-языковой грамматики, семантики, грамматики и прагматики текста, и необходимости продолжать изучать её сообразно насущных целей и задач науки о языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Елец, 2011. 368 с.
2. Барабанщиков В. А. Восприятие и событие. СПб. : Алетейя, 2002. 512 с.

УДК 811'161

*А. Э. Левицкий, д. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: andrelev@list.ru*

*A. E. Levitsky, Doctor of Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: andrelev@list.ru*

ЧТО ТАКОЕ АБСУРД? (ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)¹

Рассматривается семантика лексемы *абсурд* в лексикографических источниках на русском языке и в студенческом социуме ходе опроса информантов-носителей русского языка. Сопоставляются данные, полученные, как в ходе анализа языковых, так и речевых материалов.

Ключевые слова: лексическая семантика; опрос информантов; абсурд; русский язык.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

WHAT DOES ABSURDITY MEAN? (SEMANTIC ANALYSIS)

Semantic analysis of the lexeme, which means 'absurdity' in Russian has been undertaken on the ground of dictionaries and interviews with the speakers of this language. The results of language and speech analysis are treated on the comparative plane.

Key words: lexical semantics; informants' reviews; absurdity; Russian.

Вопросы лексической семантики относятся к одним из наиболее важных в современной лингвистике. Целью данного исследования является выявление сходств и отличий в объеме семантике лексемы *абсурд* на материале лексикографических источников и опроса информантов-носителей русского языка. Метод семантического анализа позволил достичь поставленной цели и выявить изоморфные и алломорфные особенности в трактовке семантики *абсурда* как с позиций языковой нормы (анализ словарных дефиниций), так и с позиций языкового сознания (опрос носителей соответствующих языков). Информантами выступили 53 студента 1–3 курсов в возрасте 16–23 лет, обучающиеся на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия).

В результате опроса были выявлены реакции респондентов на стимульную единицу абсурд; показано понимание семантики данной лексической единицы; раскрыты цели и последствия использования абсурда в процессе общения; выявлены аксиологические параметры абсурда, а также приведены примеры абсурда в языке и речи.

В ходе опроса информантам было предложено закончить следующие предложения: *Абсурд – это ...; Абсурд возникает с целью ...; В результате абсурда люди ...*. Таким образом, участники эксперимента определили свое понимание абсурда, очертили возможные причины его возникновения в процессе коммуникации и выделили последствия абсурдных вербальных и невербальных действий.

Для определения абсурда мы воспользовались толковыми словарями:

АБСУРД: «Нелепость, бессмыслица. Довести мысль до абсурда» [2]; «бессмыслица, нелепость» [1].

Приведем примеры понимания абсурда информантами, которым во время опроса нельзя было пользоваться справочной литературой. Респонденты считают, что абсурдными могут быть явления, образы, ситуации, происшествия, поступки, высказывания, действия и сравнения. В их оценке превалирует противоречие реальности, здравому смыслу, норме или логике. Вместе с тем абсурд имеет отношение к веселости и смеху.

Целью использования абсурда респонденты называют развлечение, искажение информации, реагирование на некие стимулы, стремление доказать нечто, в том числе сбить кого-то с толку, обмануть, запутать, высмеять, вызвать или выказать раздражение, смущение, удивление, конфуз, шок или выделиться. Однако целый ряд информантов отметили отсутствие какой-либо цели в абсурдных действиях и высказываниях.

Информанты считают, что в результате абсурдных действий и высказываний люди переоценивают некие нормы, делают определенные выводы, проясняют для себя ситуацию, достигают понимания, учатся многому, привлекают к себе внимание, смеются, шутят, что является безусловно позитивным. Хотя абсурд способен привести и к отрицательным последствиям, таким как вызвать отрицательные эмоции, злость, шок, недовольство, недоумение, дискомфорт, страдание, смятение; начинают ссориться, разрушают устоявшиеся контакты. В то же время абсурд может остаться без видимых последствий: люди спокойно пьют чай, продолжают разговор.

В ходе анализа лексемы *абсурд* была отмечена маркированность употребления данного понятия для демонстрации несоответствий определённым нормам (логическим, этнокультурным, бытовым, языковым или речевым). Данные отклонения явно привлекают внимание лингвосоциума. В случае осознанного использования абсурд маркирует активность лингвокреативной деятельности индивида.

Для оценки понимания абсурда в социуме был проведен опрос информантов. Российские студенты сфокусировали свое внимание на комизме абсурда и продемонстрировали образные ассоциации (*мир, философский камень, НЛО, магия, божественные чудеса, призраки*). Перспективным представляется продолжение опроса информантов, представляющих разные культуры, что позволит выявить в них сходные и отличительные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь / под ред. С. Н. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова онлайн. 2008–2017. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.09.2021).

УДК 81'37

*Л. М. Леущёва, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: lescheva09@gmail.com*

*L. Liashchova, Doctor of Sc (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: lescheva09@gmail.com*

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Рассматривается сущность концептуализации и моделирование этого процесса в работах Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, М. Тернера, Р. Джэкендоффа и др., отмечаются сильные и слабые стороны существующих гипотез концептуализации.

Ключевые слова: концептуализация; концептуальная метафора; концептуальная интеграция; теория параллельных структур; номинация.

ISSUES OF CONCEPTUALIZATION IN COGNITIVE LINGUISTICS

The essence of conceptualization and modeling of this process in the works by G. Lakoff, J. Fauconnier, M. Turner, and R. Jackendoff are reviewed, strengths and weaknesses of conceptualization hypotheses are considered.

Key words: conceptualization; conceptual metaphor; conceptual integration; theory of parallel structures; naming.

Цель лингвистики как когнитивной науки, определяемая Н. Хомским и разделяемая представителями разных ее научных школ, состоит в выявлении сущности языкового знания, его истоков, способов усвоения, характера хранения и использования, связи с другими когнитивными способностями человека. Данная цель предполагает, прежде всего, рассмотрение сущности процесса концептуализации – формирования концептов как дискретных ментальных образований, хранящих результаты познавательной деятельности человека о вычленяемом его сознанием объекте.

Попытки моделирования данного скрытого от непосредственного наблюдения ментального процесса предпринимаются в рамках разных научных теорий, наиболее известными из которых являются теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, теория концептуального смещения Ж. Фоконье и М. Тернера и теория концептуальной семантики Р. Джэкендоффа.

Как известно, Дж. Лакофф придает особое внимание концептуальной метафоре как важнейшему средству концептуализации. В частности, она рассматривается как средство формирования абстрактных концептов, и в целом абстрактного мышления, на основе более конкретных концептов, обусловленных перцептивно. В свою очередь, конкретные концепты сформированы на основе образов-схем, или имидж-схем (*'image-schemas'*), таких как схема 'контейнер', схема 'источник / путь / цель', ориентационные схемы 'верх / вниз', 'вперед / назад', 'центр / периферия' и др., структурирующих опыт человека с функционированием собственного тела на доконцептуальном, а также в целом его физический опыт. Об этом, с его точки зрения, свидетельствуют результаты анализа соответствующих названий концептов, отражающих, как зеркало, ментальные процессы концептуализации.

Хотя гипотеза создания абстрактных концептов на основе конкретных вызывает ряд серьезных вопросов, теория концептуальной метафоры представляет интерес как один из современных методов изучения лексического значения, понимаемого в широком смысле, как приближенное к содержанию концепта, и где основное внимание уделяется функциональным и конститутивным признакам.

Абстрактный концепт может быть создан на основе нескольких более конкретных концептов. Теория ментальных пространств и концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, известная также как теория концептуального смещения, или блендинга, объясняет процессы концептуализации

и появления новых концептов сложными когнитивными процессами проекции и смещения, происходящими в сознании, которые, опять-таки, отражаются в номинации новых концептов и их описании.

В обеих теориях остается, однако, непонятным, каким образом образуется именно такой абстрактный концепт, поскольку вариантов его образования на основе концептуальной метафоры или смещения концептов бесконечное множество. Недостаточно понятным оказывается и механизм влияния лингво-культурологических особенностей языка на определенную концептуальную метафору или же полное ее отсутствие в одном из языков при наличии соответствующего концепта.

Процесс концептуализации рассматривается в современной лингвистике и на иных философско-методологических принципах. Так, Р. Джэкендофф, оставаясь наиболее тесно связанным среди когнитивных лингвистов с теорией генеративной грамматики Н. Хомского, при рассмотрении вопроса о сущности концептуализации, не отвергая значимость первичного сенсорно-моторного опыта, подчеркивает необходимость учета определенных врожденных механизмов и принципов работы всего человеческого сознания. Он считает, что, подобно глубинным синтаксическим структурам, концептуализация включает работу аппарата врожденной языковой способности, в частности, концептуальные правила формирования корректных понятий ('Conceptual Well-Formedness Rules'), заложенные в человеческом разуме от рождения и тесно взаимодействующие с лингвистическими и другими когнитивными структурами. Согласно его теории параллельных структур ('Theory of Parallel Structures'), конкретные и абстрактные концепты конструируются этим механизмом параллельно. Параллелизм созданных таким образом концептов проявляется в схожей номинации и вербальной дескрипции их структурных и функциональных характеристик.

В докладе отмечаются сильные и слабые стороны рассматриваемых гипотез концептуализации, а также из значения для дальнейшего развития когнитивной лингвистики.

УДК: 811.16"371

*И. А. Меркулова, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: igell@yandex.ru*

*I. A. Merkulova, Doctor of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: igell@yandex.ru*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Приводятся результаты исследования лексики 14 славянских языков методом параметрического анализа словаря в рамках нового направления сопоставительных исследований – лексической нуклеологии. Полученные данные расширяют и углубляют

имеющиеся представления о близости славянских языков в области лексики. Подсчет количества совпадений в ядрах позволяет оценить силу связи славянских словарей и визуализировать лексико-семантическое пространство.

Ключевые слова: славянские языки; ядро лексики; квантитативные методы; лексико-семантическая типология.

IMAGING OF THE LEXICAL-SEMANTIC SPACE OF THE SLAVIC LANGUAGES

The paper presents the research of the lexicon of the 14 Slavic languages by parametric analysis of the vocabulary in the framework of a new direction of contrastive research, lexical nucleoli. These data broaden and extend the existing view of the proximity of Slavic languages in the sphere of vocabulary. The number of matches shows the strength of connection between lexical systems of the Slavic languages and visualize the lexical and semantic space.

Key words: Slavic languages, lexico-semantic nucleus, quantitative methods, lexico-semantic typology.

Лексико-семантическая система языка организована концентрически – по принципу «матрешки» – ядро в ядре, поэтому последовательное описание этих ядер дает наиболее полное представление о системе и служит основой лексико-семантической макротипологии языков. Именно такое описание было предложено в монографии [3]. Подсчитав (для всех пар языков) количество бинарных совпадений дефиниций в ядрах, получим коэффициенты связи ЛСЯ славянских языков. Используя эти коэффициенты, можно выделить лексически наиболее тесно и менее тесно связанные языки.

Т а б л и ц а 1

Сила связи славянских языков по КТБ (крайние позиции)

<i>Язык</i>	<i>Наиболее тесная связь</i>	<i>Наименее тесная связь</i>
белорусский	русский	хорватский
русский	белорусский	словенский
украинский	белорусский	сербский
болгарский	белорусский	словенский
македонский	сербский	кашубский
сербский	македонский	украинский
словенский	македонский	верхнелужицкий
хорватский	сербский	украинский
верхнелужицкий	белорусский	словенский
кашубский	верхнелужицкий	хорватский
нижнелужицкий	македонский	словенский
польский	верхнелужицкий	болгарский
словацкий	русский	хорватский
чешский	словацкий	словенский

Наибольшие значения КТБ представлены в следующих парах: *белорусский-русский, болгарский-белорусский, кашубский-верхнелужицкий, македонский-русский, хорватский-сербский, польский-верхнелужицкий, русский-белорусский, сербский-македонский, словацкий-русский, словенский-македонский, украинский-белорусский, верхнелужицкий-белорусский, нижнелужицкий-македонский, чешский-словацкий*.

По данным, содержащимся в таблице 1, с помощью компьютерной программы, разработанной М. В. Катовым, была построена карта лексико-семантического пространства славянских языков.

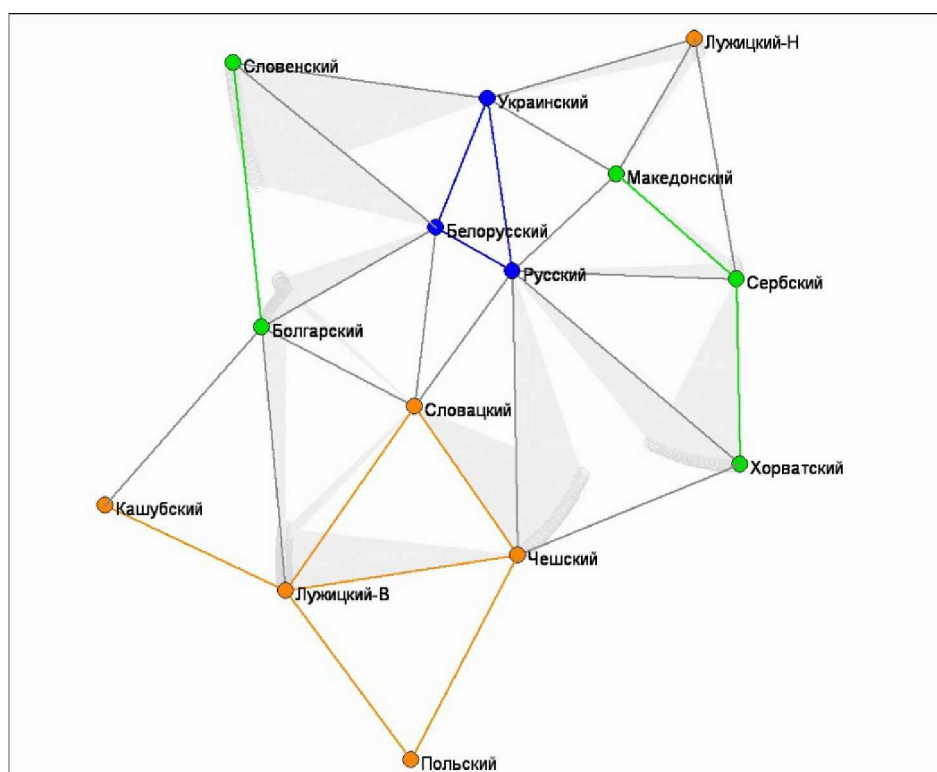

Рис. 1. Нуклеарная лексико-семантическая карта славянских языков

Лексико-семантическое пространство славянских языков ориентировано на групповое родство и южно-, восточно- и западнославянские языки в общем и целом образуют три континуума, представляющие собой неровный прямоугольник (западнославянские языки) треугольник (восточнославянские языки), трапецию (южнославянские языки). При этом южнославянские языки показывают неравномерность связей, так как оторванными на большое расстояние оказывается словенский и хорватский. Оторванным от своих собратьев оказался и нижнелужицкий язык. Самым компактным является восточнославянский континуум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркулова И. А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте: монография. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. 255 с.

*Н. Б. Мечковская, д. филол. н.
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com*

*N. B. Mechkovskaya, Doctor of Sc. (Philology)
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com*

ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ В УРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА: ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ

Показано, что свойства воспроизводимости и идиоматичности языковых единиц представлены на разных языковых уровнях в разной мере. Эти различия расширяют эвристические возможности уровневой модели языка.

Ключевые слова: воспроизводимость; идиоматичность; мотивированность; лексемы; фраземы; паремии; фразеологизированные модели предложений; свобода генерирования высказывания.

REPRODUCIBILITY AND IDIOMATICITY OF LANGUAGE AND SPEECH UNITS IN THE LANGUAGE LEVEL MODEL: TELEOLOGIC INTERPRETATION OF QUANTITATIVE DISTINCTIONS

It is shown that the properties of reproducibility and idiomaticity of linguistic units are presented at different levels to a different extent. These differences extend the heuristic capabilities of the language level model.

Key words: reproducibility; idiomaticity; motivation; lexemes; phrasemes; paremias; phraseological models of sentences; freedom in utterance generating.

1. Воспроизводимые единицы существуют в языковом сознании как готовые к употреблению компоненты речи. Так, все лексемы, представленные во фразе *Второй месяц сидим на чемоданах, ждем визы*, относятся к воспроизводимым единицам; воспроизводимым, кроме того, является словосочетание *сидим на чемоданах* (в отличие от свободных словосочетаний, ср.: *сидим на стульях, оставили сумки на чемоданах*). Все воспроизводимые словосочетания – это фраземы, при этом свойство воспроизводимости – это единственно обязательное свойство фразем. Что касается приведенного высказывания, то оно относится к свободным, в отличие, например, от пословиц (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*), речевых формул (*Была не была!*) и крылатых фраз (*Быть или не быть!*). Относительное количество воспроизводимых единиц уменьшается в направлении от лексики, в составе которой почти все единиц воспроизводимы, за исключением «потенциальных» слов и авторских неологизмов, к уровню словосочетаний и далее к уровню предложений. Свойство идиоматичности представлено на всех уровнях значащих единиц, однако в разной мере.

2. Вся лексика, в сравнении с фразеологией, тем более в сравнении с бесчисленным множеством высказываний, обладает наибольшей идиоматичностью. Однако степень идиоматичности лексем разных структурных классов различна: она максимальна у непроеводных слов, существенно ниже у аффиксальных дериватов и еще ниже у сложений. По языкам мира непроеводные слова, т. е. полностью идиоматичные, составляют 25–30 % словарного запаса. Соответственно, произвеодные слова (70–75 % словаря) мотивированы, это частичная идиоматичность. Если сопоставлять степень идиоматичности единиц двух номинативных уровней – класса лексем и в классе фразем, есть основания утверждать, что, в силу абстрактного логико-грамматического (а не наглядно-образного) характера мотивированности произвеодных слов, их идиоматичность выше, чем идиоматичность образных идиом. Понять образную связь дословного и переносного значения образной идиомы (*делать из мухи слона*) легче, чем понять логику связей между словами внутри гнезда, например, глагола *бегать* с его субстантивными дериватами *бегун, бегунок, беглец, беженец, перебежчик* и др.

3. На уровне воспроизвеодимых словосочетаний, т. е. фразем, градация по уменьшению степени идиоматичности имеет следующий вид: 1) полная идиоматичность фразеологических сращений (*точить лясы, собаку съел*); 2) частичная необразная идиоматичность фразеологических сочетаний (*високосный год*); 3) частичная образная идиоматичность фразеологических единств (*держат камень за пазухой*); 4) слабая, иногда нулевая идиоматичность фразеологических выражений (*литературный язык*).

4. Вопрос о количественном соотношении основных классов фразем далек от надежных ответов, однако очевидно, что меньше всего сращений и сочетаний: это считанные единицы, уходящая натура. Количество образных идиом – примерно 4–5 тысяч, однако количество фразеологических выражений огромно; в разных языках они составляют основную массу воспроизвеодимых наименований. Это не только специальные, «терминологические» обозначения, но и общепринятые и основные номинации всех известных вещей, часть общенародного словаря.

5. Класс клишированных воспроизвеодимых фраз в наименьшей мере насыщен идиоматическими единицами. Здесь не может быть полной идиоматичности, поскольку такое высказывание стало бы смысловым провалом, дырой в разговоре. Ср.: *Хорошо. Баш на баш*. Частичная идиоматичность высказываний связана с одним или с двумя семантическими механизмами: 1) фразеологизированность той модели предложения (*Вот так клюква!*); 2) переносно-образное или расширительное понимание дословного смысла (*Знает кошка, чье мясо съела*).

6. «Гений языка» (или телеология его саморазвития) отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств – от практически 100-процентной воспроизвеодимости и идиоматичности слов до максимальной свободы говорящих в порождаемых высказываниях.

*О. Б. Полянчук, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: bollona@mail.ru*

*O. B. Polyanchuk, Doctor of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: bollona@mail.ru*

СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАНЦУЗСКИХ КОМПЛЕКСНЫХ ЗНАКОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ПРЕФИКСАМИ

Рассматриваются способы актуализации семантического потенциала французских многозначных производных слов с отрицательными префиксами в языке и речи. Указывается на системную взаимосвязь между моделью концептуальной интеграции и способом репрезентации семантики отрицания, представленной комплексным знаком.

Ключевые слова: модель концептуальной интеграции; концептуализируемый признак; степень идиоматичности; словообразовательное и лексическое значение; полисемия.

ACTUALIZATION MEANS OF THE SEMANTIC POTENTIAL OF FRENCH COMPLEX MARKS WITH NEGATIVE PREFIXES

Methods of actualization of semantic French polysemantic derivative words with negative prefixes in language and speech are considered in this paper. The systemic liaison between the conceptual integration model is pointed out.

Key words: model of conceptual integration; conceptualized feature; degree of idiomatichity; word-formation and lexical meaning; polysemy.

Работа посвящена анализу одного из аспектов процесса развития многозначности на основе производного слова. Цель настоящей статьи заключается в исследовании взаимосвязи между процессом концептуальной интеграции и связанного с ним процесса семантической интеграции на базе производного слова (иначе комплексного знака, далее КЗ). В частности, в наши задачи входит установить взаимосвязь между функциональным аспектом концептуализируемого признака, дальнейшим направлением процесса семантической деривации и его следствием: реализацией тех или иных потенциальных признаков при развитии полисемии. Объектом исследования послужили французские КЗ с префиксами *dé-* и *in-*, развивающие полисемию, анализ которых проводился в двух планах, исследование языкового материала (ЛСВ многозначных КЗ путем компонентного анализа словарных дефиниций) и анализ речевого материала (изучение соответствующего материала из художественных текстов). В результате проведенного исследования было обнаружено наличие ряда регулярных моделей концептуальной и семантической интеграции, актуализация которых по-разному отражает семантический потенциал КЗ. В частности, при развитии полисемии по

типу 1 [1] концептуализируемый признак, соотносится с концептом-аналогом производящей основой, что позволяет реализовывать семантику, имплицитную в производящей основе, при сохранении регулярного значения префикса. В результате вербализации такой модели концептуальной интеграции появляется ЛСВ2 с типизированным, обобщенным значением префикса. Например, *déraciner* – 1) ‘вырвать (удалить) с корнем’ и 2) ‘удалить суть проблемы’. При развитии полисемии по типу 2 [1] концептуализируемый признак экстерииоризирует те свойства концепта, которые проявляются при высокой степени концептуальной интеграции, т. е. является результатом фузии концепта – аналога префикса и концепта – аналога производящей основы. Например, *démonter* – 1) ‘вышибить из седла’ и 2) ‘сделать растерянным, удивить’. В данном случае модель семантической деривации объективирует не регулярную семантику отрицания, а индивидуализированные признаки, ранее находившиеся на периферии концепта. Словообразовательное значение при этом становится имплицитным, а семантика отрицания, индуцируемая префиксом, репрезентируется как компонент лексического значения. Анализ словарных дефиниций и проведенный затем количественный анализ показал, что соотношение производных от комплексного знака ЛСВ типа 1 и типа 2 представлено 40 % и 60 % соответственно. Однако при исследовании КЗ путем сплошной выборки из новелл А. Моруа было установлено существенное преобладание типа 2 (80 %). Таким образом, синтагматические и прагматические условия, созданные средствами художественного текста, эксплицируют те признаки концепта, которые не отражены в словарных дефинициях. При этом преобладает тип 2. Например: *C’était l’effet de causes diverses et convergeantes, une nonchalance naturelle, une curiosité instable, une sorte d’impuissance à vouloir* [2]. В данном случае существительное *impuissance* (ЛСВ 1 ‘немощь’) трактуется в контексте как ‘ступор, остановка деятельности, паралич воли’. Полученные данные подтверждались способом анализа переводов на русский язык. Выявлен целый ряд таких контекстуальных сем, как например, недопонимание, невежество, презрение, неприятие, неспособность действовать и т. п.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам: а) механизм выбора концептуализируемого признака определяет тип развития полисемии; б) художественный текст оказывается тем «катализатором», который в наивысшей степени способствует объективации концептуального и семантического потенциала производного слова. Предлагаемое направление исследования может в дальнейшем быть применено в перспективе анализа имплицитных смыслов в художественном тексте, а также в аспекте перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полянчук О. Б. Динамические аспекты анализа производного слова : монография. Воронежский гос. ун-т, Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. 199 с.
2. Maurois A. Nouvelles. М. : Просвещение, 1966. 176 с.

*А. А. Романовская, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: Alla_Rom@tut.by*

*A. A. Romanovskaya, Doctor of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: Alla_Rom@tut.by*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНТИЧНОГО СИМВОЛА КАК ОСОБОГО ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Рассматриваются основные подходы к определению символа как особого языкового знака. Представлены лингвистические характеристики и семантические особенности античных символов.

Ключевые слова: античный символ; мифологическое содержание; мотивированность; конденсационность; резервность.

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE ANCIENT SYMBOL AS A SPECIAL LANGUAGE SIGN

The main approaches to the definition of a symbol as a special language sign are considered. The linguistic characteristics and semantic features of ancient symbols are presented.

Key words: ancient symbol; mythological content; motivation; condensation; reserve capacity.

Символ как языковой и культурный феномен многократно становился объектом обсуждения разных наук, в том числе и лингвистики. Однако, несмотря на продолжающиеся дискуссии, однозначного толкования природы символа, его содержания и функциональных возможностей в целом до сих пор нет, а понятие *символ* остается одним из самых сложных и противоречивых. Определение лингвистических характеристик символа представляет важную исследовательскую задачу в контексте изучения символической реальности языка.

Знаковая природа символа обусловлена его онтологической связью с такими категориями, как образ и метафора. Означающее символа, которое устанавливается посредством референции символа к мифу как тексту, репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа. Символ обозначает объект, персону мифа, как реалию, наделенную символической функцией, которая содержится в самой реалии. Мифологические реалии: *Афина* (дочь Зевса), *Антигона* (дочь Эдипа), *Психея* (царская дочь, супруга Эрота), *Елена* (спартанская царица). Символы: *Афина* – символ мудрости, мастерства, справедливости, силы; *Антигона* – символ любви, храбрости; *Психея* – символ красоты, любви; *Елена* – символ красоты.

Означающее античного символа мотивировано по отношению к означаемому, с которым у него устанавливается естественная связь. С особенностями символа как мотивированного языкового знака связана актуализация

вопроса о его внутренней форме. Внутренняя форма античного символа имеет две составляющие – синхронную и диахронную. При рассмотрении вопроса об особой мотивированности символа необходимо учитывать его синхронную внутреннюю форму, осознаваемую как мотивированность значения мифологическим текстом, также необходимо учитывать образ или идею, положенные в основу номинации.

Синхронная внутренняя форма символа коррелирует, но не отождествляется с диахронной (этимологической) внутренней формой мифологического имени. Эта корреляция обеспечивает определенный уровень мотивированности значения символа: чем выше уровень мотивированности значения, тем яснее проступает внутренняя форма на поверхности языкового сознания, и, следовательно, символ наиболее готов к употреблению. Внутренняя форма, осознаваемая как мотивированность значения античного символа, и внутренняя форма мифологического имени собственного, являются фактами синхронии и диахронии в описании античного символа. *Одиссей* – символ ума, находчивости, силы, ловкости, храбрости, безупречности, дружелюбия; символ страдания, хитрости, обмана, мести, жестокости, вражды, предательства, разрушения.

Сущность античного символа как особого языкового знака заключается в особой конденсационности его означаемого. Конденсационными символами называются потому, что в них осуществляется аккумуляция исторического, культурного, художественного прошлого. Слово становится символом в силу проникновения в его означаемое глубинного, конденсированного содержания.

Символы, связанные с античной культурой, во многом имеют специфический характер. Это архаические знаки в смысле осознания далеких эпох. Античные символы в малой степени отвечают потребностям повседневного общения, имеют ограниченное по частотности употребление. Важная особенность символа состоит в диспонибельности (по Г. Гугенейму, *disponibilité* – наличность, или резервность). Знаки античной культуры находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи. Диспонибельность – резервность, наличие в сознании говорящих таких языковых единиц, которые, вне зависимости от их частотности, характеризуются готовностью к употреблению всякий раз, когда в них возникает необходимость.

Символическая диспонибельность обеспечивается коллективной памятью, которая формируется по прошествии значительного времени при отсутствии вещи прошлого. Степень диспонибельности не является постоянной величиной. Она соотносится со степенью закреплённости античного образа в социуме, с тем, насколько инвариант восприятия образа входит в когнитивную базу носителей языка, какие ассоциации вызывает; диспонибельность определяется конкретными интересами говорящего и слабо или совсем не взаимосвязана с частотностью. Диспонибельность является условием для характеристики символа как коммуникативного знака.

Античный символ – это особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его

иконического отражения в форме вербально выраженного означающего. Означающее символа – наименование мифологической реалии. Означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа.

Исследование античного символа как особого языкового знака обусловлено необходимостью лингвистического истолкования через античный символ соотношения русской литературно-художественной практики и античного основания современной культуры: описания онтологической природы античных символов как языковых знаков, установления их константной организации и анализа семантико-прагматических функций, что связано со смыслообразующей ролью, которую символы играют в литературном тексте.

УДК 81'22

О. А. Сулейманова, д. филол. н.

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

e-mail: olgasoul@rambler.ru

М. А. Фомина, к. филол. наук

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

e-mail: FominaMA@mgpu.ru

O. A. Suleimanova, Doctor of Sc. (Philology)

Moscow City University, Moscow, Russia

e-mail: olgasoul@rambler.ru

M. A. Fomina, Cand. Sc. (Philology)

Moscow City University, Moscow, Russia

e-mail: FominaMA@mgpu.ru

СЕМИОТИКА МЕТРО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОДА

Семиотика городского пространства представлена в различных форматах и жанрах, в частности, в системе метрополитена. Как особая семиотическая система она требует специального рассмотрения.

Ключевые слова: семиотика; городское пространство; лингвокультурный; мультимодальный.

METRO SEMIOTICS AS A FORMATION MEANS FOR NATIONAL AND CULTURAL CODE

City semiotics is represented in a variety of formats and genres, e.g. in the metro linguistic content. As a specific semiotic system it calls for special investigation.

Key words: semiotics; city space; linguo-cultural; multimodal.

Мультимодальная семиотика города формируется при участии факторов различного уровня и манифестируется в рамках различных систем.

Предмет данного исследования составляет семиотика метро г. Москвы как отражение лингвокультурного ландшафта города, и проведенный анализ может рассматриваться как основа для изучения сходных систем других мегаполисов. Семиотика города в целом неоднократно служила предметом анализа, в том числе в работах одного из авторов [1; 2] однако лингвокультурные основания номинации станций метро не служили предметом специального исследования.

В связи с этим **целью** работы является анализ оснований номинации станций в их соотношении с языковой политикой в актуализации национальных культурных ценностей. Были проанализированы названия станций московского метро на базе двух групп критериев: во-первых, учета даты открытия станций и связи названия с общим культурным контекстом, во-вторых, лингвистических особенностей рассматриваемых единиц.

Было **предложено** выделять четыре этапа развития метро в рамках данного событийного фрейма, с учетом ключевых событий – начальный период развития метро до конца Великой Отечественной войны (1935–1945 гг.), восстановительный период (до 1960-х гг.), период застоя (до 1990-х гг.) и до настоящего времени.

Основные результаты исследования: выделены свойственные каждому периоду принципы номинации: называние по имени выдающейся личности – писателя (*Маяковская, Пушкинская*), политического деятеля (*Войковская, Кропоткинская*), на основе «географического» принципа, причем по крайней мере двух типов: на базе «розы ветров», или обозначения направления движения от Москвы (*Курская, Белорусская*), а также по названию близлежащего объекта городской навигации (*Площадь Революции* – здесь в системе номинации задействована также аллюзия к политически значимому событию) или ранее находившегося в непосредственной близости от места проживания объекта (*Черемушкинская, Свиблово*) и ряд других.

В различные периоды акцент смещается в сторону доминирующей идеологической установки – например, может актуализироваться политическая организация (*Комсомольская*), или название объектов, символизирующих технический прогресс (*Аэропорт, Динамо*).

В целом названия станций метро служили и продолжают служить в качестве своеобразной «мягкой силы» в обществе, продвигая актуальные идеологические ориентиры и способствуя вместе с тем сохранению национально-культурного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Suleimanova O. A., Kholodova D. Моделирование лингвогеографического образа города. URL: <http://books.openedition.org/pup/11658> (дата обращения: 11.07.2020).
2. Сулейманова О. А., Зоц И. А. Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 4. С. 134–150.

Л. А. Тарасевич, д. филол. н
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: tarassew@yandex.ru

L. A. Tarasevich, Doctor of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tarassew@yandex.ru

О ПРИРОДЕ КАТЕГОРИЗУЮЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ПРЕДЛОГОВ

В работе представлены результаты исследования компонентов семантики пространственных предлогов, обеспечивающих их способность формировать нетаксономические категории. Установлена неравноположенность разных типов компонентов в формировании категоризирующего потенциала предлогов.

Ключевые слова: семантика; локативные предлоги; категоризация; пространственные отношения.

ON THE NATURE OF THE CATEGORIZING ABILITY OF PREPOSITIONS

The paper presents the results of the study of the components of the semantics of spatial prepositions that ensure their ability to form non-taxonomic categories. The unequal position of different types of components in the formation of the categorizing potential of prepositions is established.

Key words: semantics; locative prepositions; categorization; spatial relations.

В работе анализируются компоненты семантики локативных предлогов, определяющие их категоризирующую способность. Под категоризирующей способностью, или категоризирующим потенциалом, предлогов понимается их свойство, употребляясь с именами физических объектов, выступающих ориентирами в пространстве, т. е. являющихся локализуемыми объектами, «приписывать» им пространственные характеристики, например фронтальную сторону (*стоять перед деревом*), внутреннее пространство (*жизнь в капле клея*), протяженность (*вдоль окна*) и т. д. Выявлено, что не все типы признаков, представленных в структуре семантики пространственных предлогов, в равной степени связаны с их категоризирующей способностью. Облигаторными для семантики всех локативных предлогов являются три типа признаков: признаки, передающие информацию о регионе локализации – области размещения локализуемого объекта относительно локализуемого объекта в пространстве (внутренняя, наружная, верхняя, нижняя и т. д.); признаки, несущие информацию о дистанции между объектами, соотносимыми в пространстве; признаки, сообщающие об отношении локализуемого объекта к движению: находится ли этот объект в состоянии покоя или перемещается в регион локализации, задаваемый предлогом.

Установлено, что категоризирующий потенциал предлога определяют признаки, связанные с регионом локализации, который предполагает те или

иные пространственные характеристики локализирующего объекта (наличие внутреннего пространства, фронтальной стороны и др.). Способность предлогов выступать маркером категоризации объектов по их пространственным свойствам (вместилища, вытянутые объекты и под.) и формировать нетаксономические категории присуща не всем предлогам в равной степени. Она определяется характером региона локализации, задаваемого этими языковыми единицами. Маркером языковой категоризации объектов могут выступать предлоги, в семантике которых представлены регионы, связанные со свойствами формы объектов (*in / в, vor / перед, entlang / вдоль* и др.). Передавая информацию о размещении локализуемого объекта в таком регионе, предлог профилирует то качество формы локализирующего объекта, которое релевантно для данного пространственного отношения.

УДК 81'42

О. В. Трунова, д. филол. н.

Московский государственный университет спорта и туризма Москва, Россия

e-mail: lachesis47@mail.ru

O. V. Trunova, Doctor of Sc. (Philology)

Moscow State University of Sport and Tourism, Moscow, Russia

e-mail: lachesis47@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ДИСКУРСЕ ИСКУССТВА

Возможность толкования искусства как особого типа дискурса обусловлена его широким пониманием. Приемы и частные методики художественного моделирования мира зависят от формы художественного представления объекта, но основные характеристики создаваемых моделей универсальны.

Ключевые слова: аксиология мировосприятия; ценности и оценка; художественные универсалии.

ARTISTIC UNIVERSALS IN ART DISCOURSE

The notion of discourse alongside with verbal forms of intercourse embraces other types among which arts are rightly lodged. With all the specificity of particular artistic world modeling, the basic expressive means and formulae are presumably universal.

Key words: world perception axiology; values and assessment, artistic universals.

Опыт освоения мира человеком складывается в определённую целостную картину представлений о мире, как мозаика — в разной цветовой и звуковой гамме, в ощущениях и переживаниях воспринимаемого. Основной мыслительной операцией рационального познания является сравнение. Рациональное мироосмысление осуществляется в ракурсе эпистемических суждений, определяемых дихотомией «знать — полагать».

Одним из способов отражения и отображения действительности является искусство [1]. Мир многогранен. Отношения человека с миром многогранны. Столь же многогранны и создаваемые в искусстве его портреты – в стихах и в прозе, живописные и музыкальные, в танце, в скульптуре, в архитектуре, апеллируя к разуму и чувствам, к рациональному и эмоциональному. В художественном представлении мира более важным фактором является оценочное отношение к воспринимаемому (явлению, факту, действию, ситуации) [2]. Здесь значимость приобретает аксиологическая оценка соответствия, выявляемая в преломлении объекта и его свойств к абсолютным оценочным предикатам «хорошо – плохо». Эта аксиологическая платформа составляет основу формирования всех выразительных средств в искусстве.

Наиболее демонстративно это проявляется в художественном тексте: в эпитете (*piercing cry, burning eyes*), сравнении (*she carried herself unwittingly like a goddess of Victory*), оксюморе (*terrible hope, sweet shock*), метафоре (*they had had their experiences, and very rich and varied they had been, but now was the time for harvest*), антитезе (*a curious picture of bad painting and good intentions*), зевгме (*she was not getting younger, had a dead-end job and no man in sight*). Оценочны по своей природе аллюзии (*that fraudulent rich Earl of Essex*), поскольку, отсылая к объекту, подразумевают сравнение.

Художник Бэзил Холлуорд объясняет свой отказ выставлять портрет Дориана в галерее тем, что «вложил в него слишком много самого себя». Глубинный смысл этого утверждения Оскара Уайльда состоит в том, что любое творческое произведение есть отражение мира сквозь призму авторского (субъективного) мировосприятия. Это субъективное ощущение, субъективная оценка всегда проявляется в творчестве автора в любом виде искусств. Парадоксальность мировосприятия, например, характерны для живописи сюрреализма. Концептуально метафоричны живописные полотна импрессионистов, архитектура Антонио Гауди и Нормана Фостера, скульптуры Эрнста Неизвестного. Художественный приём метонимии характерен для жанра натюрморта (например, В. Хед «Завтрак с ежевичным пирогом») и не только.

К художественным универсалиям относятся также гротеск, полифония, создание юмористического эффекта, интертекстуальность, аллюзия [3]. Распознавание этих приёмов может вызвать затруднения в силу, в первую очередь, недостаточного уровня знания мировой культуры. Аллюзия как художественный приём характерна и для полотен российских передвижников (XIX в.), и для европейских сюрреалистов (XX в.). Это универсальный приём и далеко не новый: аллюзия, вообще говоря отличает, например, работы Иеронима Босха (XV в.). Отдавая должное теоретику постструктурализма Юлии Кристевой, которая ввела к методологический аппарат научного исследования понятие интертекстуальности, следует отметить, что и этот приём не является исключительно прерогативой вербального художественного произведения. Блестящим примером его использования могут служить музыкальные пьесы Альфреда Шнитке, например, «Moz-Art».

Универсальный характер художественных приёмов подтверждает единство художественного пространства, создаёт предпосылки к созданию креолизованных жанров и позволяет использовать в их изучении идентичных аналитических процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beltin H. World Art. A new Panorama. URL: <http://whatsnext.net/011> (дата обращения: 06.06.2021).
2. Crossic G., Kaszynka P. Understanding the value of Art and Culture : Arts&Humanities Research Council, 2016. 204 p.
3. Беседина В. А. Аллюзия и интертекстуальность. Смежность понятий. URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=4424&pdf=1> (дата обращения: 11.07.2021).

УДК 81'37

З. А. Харитончик, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: zkharitonchik@mail.ru

Z. A. Kharitonchik, Doctor of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: zkharitonchik@mail.ru

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИЛИ СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

В центре работы – лексические средства создания словесного портрета человека, использование которых диктует актуализацию потенциальных компонентов их семантики, извлекаемых под влиянием контекста из знания объектов окружающего мира и их атрибутов.

Ключевые слова: словесный портрет; семантический потенциал; знание; контекст; актуализация.

ON THE SEMANTIC POTENTIAL OF LEXICAL UNITS, OR THE VERBAL PORTRAIT OF A HUMAN BEING IN THE MIRROR OF THE ENVIRONMENT

The paper is centered on lexical means of the human verbal portrait creation the contextual use of which necessitates the actualization of their potential semantic components out of the wealth of knowledge of the environment and its attributes.

Key words: verbal portrait; semantic potential; knowledge; context; actualization.

Дескрипция человека в ответ на потребности социального взаимодействия в самых разных его областях с древнейших времен является важнейшей составляющей практики повседневного общения. Наиболее совершенные свои формы она приобрела в литературе в виде словесного портрета,

направленного как на описание внешности человека, так и раскрытие его внутреннего мира. Сложившиеся к настоящему времени стратегии словесного портрета в соответствии с его разными функциями (идентифицирующей, характеризующей, аналитической и т. д.), ориентированы на выработанные схемы-фреймы дескрипции (например, внешний облик, включающий описания фигуры, лица, одежды и другие поведенческие характеристики (движения, жесты, манеры и под.), моральные свойства и пр. в художественной литературе; ср. также разработанную в криминалистике и широко используемую систему описания внешности человека, которая включает анатомические (общезыические), функциональные признаки, особые приметы и др.). В соответствии с фреймами описания стандартных и индивидуальных характеристик человека в языковых системах сложились наборы лексических средств, позволяющих с большей или меньшей точностью и глубиной отразить внешние и внутренние свойства личности. В центре этих наборов – собственно наименования тех или иных признаков, характеризующих человека, его внешность в целом или отдельные ее аспекты, типа имен прилагательных-цветообозначений, используемых для описания цвета глаз в русском языке (*голубые, черные, зеленые, карие* и т. д.), формы и размера носа (*прямой, вогнутый, большой, малый* и др.), длины, формы, цвета волос (*длинные, короткие, прямые, курчавые, русые, рыжие, чёрные* и под.) и иных свойств внешнего облика человека.

В фокусе нашего внимания – семантический потенциал лексических единиц, хранящих в своих значениях огромное богатство латентных, потенциальных семантических компонентов, актуализируемых в разных семантических и синтаксических контекстах и позволяющих необозримо расширить палитру языковой дескрипции человека, сделав ее наиболее точно отражающей индивидуальные характеристики человека. Опираясь на знание мира в поиске адекватных описаний тех или иных характеристик человека, художники слова апеллируют к окружающей действительности – известным личностям (родителям, актерам, политикам и т. д.), животным, артефактам, природным объектам, веществам и под., путем явного или скрытого сравнения с которыми высвечиваются необходимые для словесного портрета искомые свойства. Так, цвет глаз позволяют уточнить отсылки в той или иной форме к сущностям, салиентным признаком которых является их цвет: живым существам (***глаза** зелёные, змеиные; **глаза**, чуть зеленоватые, как у лягушки; феноменально зелёные, тигриные глаза; **глаза** твои голубиные*); веществам (*чёрные, как бархатный уголь, **глаза**; взглянула в **глаза** Полине Ивановне и где-то, в их каменноугольной черноте; темно-шоколадные **глаза**; тёмно-коричневые, «шоколадные» **глаза**; цинковые строгие глаза; её большие, голубые, эмалевые глаза; **глаза** смелые и светлые, как вода), растениям и их плодам (***глаза** его темно-виноградного цвета; **глаза** были отнюдь не тихие медовые, а черносмородиновые*), природным явлениям (*И **глаза** у него были грозового, голубиного цвета*) и т. д. (Прим. Здесь и далее приведены в сокращенной форме примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка). Аналогичным образом получают уточнение и форма глаз,*

и их положение на лице, и выражаемое в глазах состояние человека (ср.: *глаза старика смотрели в разные стороны и были круглыми, как у карася; несколько косо, по-кошачьему, расставленные глаза; пуча по-рыбьи глаза; зеркалом души – мутные глаза снулой рыбыны; глаза у него были, как у очень умной собаки; голодные глаза Шейнина* и др.).

Специфика описываемых признаков у тех или иных компонентов портрета диктует и своеобразие классов лексических единиц, используемых для словесной дескрипции. Для описания формы носа в русском языке, например, характерны сравнения с формой клюва птиц (*длинный птичий нос, длинный нос* клювиком, *нос* выгнулся *клювом орла, желтоватый ястребиный нос, орлиный носик* при ней, *маленький голубиный носик* и под.), плодов растений, грибов (*нос* корявой *картофелиной, висячий, бульбою, нос, нос с грушу, тяжелый нос* сливой, *нос* брюквой, *грибовидный его нос*), обуви (*нос* башмаком, *нос – туфлей*), известных литературных персонажей (*нос* как у *Буратино*) и др.

Подобная стратегия часто позволяет выразить в синкретичной форме не только информацию о каком-то одном свойстве описываемого портрета, но одновременно о целой гамме его свойств (цвете, форме, размере и т. д.). Создание таким способом более целостной картины портрета по сравнению с отдельной характеристикой ставит порою перед декодирующими задачу самим разрешать семантическую неопределенность подобных отсылок, как это наблюдается в следующих контекстах: *глаза-то у вас батюшкины; его аленделоновские глаза; бодлеровские глаза; глаза как большие чёрные вишни; спокойные ореховые глаза; ореховые круглые глаза; волчьи глаза доцента; глаза, как у жабы; глаза ... у него были острые, быстрые, мышинные; нос его походил на песчаную дюну, огромный нос, похожий на обломок скалы; головка репкой; нос трубой, телеса крепенькие, как брюква, мозги жидкие, как вокзальные цы и под.*

Очевидно, что для успешного распознавания выражаемых смыслов требуется знание атрибутов объектов окружающего мира, хранимое в концептуальных структурах нашего сознания и актуализируемое под влиянием контекстуальных условий бесчисленных коммуникативных ситуаций. Налицо также гибкая приспособляемость (*flexible adaptability*) лексических единиц, значения которых никоим образом не исчерпываются семантическими компонентами их словарных дефиниций. Огромный семантический потенциал (*meaning potential*) языковых форм, заложенный в связываемых с ними концептуальных структурах, обеспечивает не только экономию и безграничное богатство языковой лексической системы, но закладывает основания для успешного конструирования [1, с. 79] конкретного смысла языкового выражения в контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fauconnier G., M. Turner. Polysemy and conceptual blending // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. Ed. Brigitte Nerlich, Zazie Todd, Vimala Herman, David D. Clarke. Berlin-New York : Mouton de Gruyter, 2003. P. 79–94.

*И. А. Щирова, д. филол. н.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: schirova@yandex.ru*

*I. A. Schirova, Doctor of Sc. (Philology)
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: schirova@yandex.ru*

СИНКРЕТИЗМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ

Формулируется понятие и предлагается схема анализа синкретичного художественного текста как целостной системы, интегрирующей и объединяющей разнородные текстовые элементы и детерминирующей их взаимосвязи и взаимодействие, согласно авторской интенции.

Ключевые слова: синкретичный текст; разнородные элементы; сложность; системный подход; целостность; авторская интенция.

SYNCRETISM OF A FICTIONAL TEXT AS AN INTEGRAL SYSTEM

The notion of a syncretic fictional text and the scheme of its analysis are proposed, the text being understood as an integral system, that, realizing the author's intention, combines heterogeneous text elements and determines the nature of their interrelations and interactions

Key words: syncretic text; heterogeneous elements; complexity; system approach; integrity; the author's intention.

Особенности современного социокультурного развития обуславливают научный интерес к категории сложного. Глобализация социальных процессов, принципиально новые формы общения и объемы знания, усложнение человека (ср. личность как «супер-сверхсложная система», по М. Кагану) и художественных форм закономерно встраивают сложное в проблемное поле познания. Изучение сложного обретает значимость для философии, методологии и прогресса науки.

Концептуальным фокусом исследования выступает сложное явление синкретизма в его экстраполяции на художественный текст, чья сложная сущность и многомерная организация подтверждается обилием объясняющих их теоретических построений.

Целью исследования является характеристика синкретичного текста как целостности, требующей системного научного описания.

Методология изучения текстового синкретизма учитывает его сложную природу и актуальность идей холизма и интегративных исследований в современной науке. Важную роль для осмысления природы синкретичного

текста играла комплексная методика, включавшая сравнительно-сопоставительный метод, метод моделирования и метод научной рефлексии, а также компонентный, лингвостилистический и контекстуальный анализ.

Под синкретизмом текста (текстовым синкретизмом) предлагается понимать органическое сочетание в иерархически организованном текстовом целом *дифференциальных характеристик* (семантико-структурных, функционально-коммуникативных и т. д.), репрезентирующих *элементы разной качественной определенности* в едином проблемном поле осмысления текста: *тексты*, дискурсы, текстотипы, типы дискурсов и пр. (ср. слияние разнородных характеристик, репрезентирующих типологическую специфику мифологического, сказочного и художественного дискурса в тексте фэнтези). Специфика разнородности и сочетания дифференциальных характеристик детерминируются интенцией креативного субъекта на создание целостного текстового смысла, который репрезентирует авторское мировидение, объективируется в тексте как языковой данности и художественной модели мира и адресуется читателю.

Общие принципы системного описания синкретичного текста как целостности можно сформулировать следующим образом.

1. Взаимосвязи и взаимодействия дифференциальных характеристик в целостной системе синкретичного текста реализуют единство его многообразия в двух направлениях: а) интегрируемые текстом инородные элементы, не принадлежащие тексту как текстотипу, реализуя авторскую интенцию на конструирование целостного текстового смысла и становясь его ингерентной составляющей, актуализируют качественно новые смысловые приращения и обретают новую функциональную направленность. Пример – использование научной терминологии в тексте научной фантастики не для передачи точной и достоверной интеллективной информации, а для создания эффекта правдоподобия фикции; б) текст, интегрирующий инородные элементы, обретает новую качественную определенность – «синкретичный текст». Так, текст психологического детектива органично сочетает в себе элементы разнородных дискурсов: событийного детективного и «бессобытийного» психологического. Психологизация повествования, не являющаяся характеристикой текстотипа детектива как инварианта, придает ему новую качественную определенность и трансформирует в вариативную реализацию детектива – психологический детектив

3. *Слияние, взаимопроникновение и взаимодействие* дифференциальных характеристик синкретичного текста охватывает области прагматики, интенциональной семантики и семантики (содержания) текста и реализуется: а) в плане реальной коммуникативной ситуации и реальных коммуникативных инстанций на уровне реальности как объекта языкового и художественного моделирования (**синкретизм реальности**); б) в плане абстрактной коммуникативной ситуации и абстрактных коммуникативных инстанций на уровне интенциональной семантики текста, авторской интенции и авторского

программирования (**синкретизм авторской интенции**); в) в плане изображенной коммуникативной ситуации (семантика текста) на уровне актуализированной художественной модели и обеспечивающих актуализацию языковых средств (синкретизм языковой и художественной модели).

Результатом исследования можно назвать уточнение понятия текстового синкретизма и разработку схемы описания синкретичного художественного текста как цельности и сложной системы. Перспективным представляется выявление художественной специфики, когнитивных механизмов и языковых форм реализации текстового синкретизма в разных типах текста и дискурса, мультимодальных текстах, а также выстраивание корреляций между жанровым и текстовым синкретизмом.

УДК 811.161

М. Яхьяпур, канд. филол. н.
Тегеранский университет, Тегеран, Иран
e-mail: myahya@ut.ac

Дж. Карими-Мотакхар, канд. филол. н.
Тегеранский университет, Тегеран, Иран
e-mail: myahya@ut.ac.ir

Г. В. Токарев, д. филол. н.
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия
e-mail: grig72@mail.ru

M. Yahyapour, Ph. D of Philology
University of Tehran, Tehran, Iran
e-mail: myahya@ut.ac

J. Karimi-Motahhar, Ph. D of Philology
University of Tehran, Tehran, Iran
e-mail: myahya@ut.ac.ir

G. V. Tokarev, Doctor of Sc. (Philology)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
e-mail: grig72@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ОКАЯННЫХ ДНЕЙ» И. А. БУНИНА

В работе рассматриваются лексико-семантические особенности «Окаянных дней» И. А. Бунина. По мнению Бунина, Октябрьская революция нарушала нормы культуры страны, вследствие чего появлялись новые слова и выражения, которые чужды автору.

Ключевые слова: И. А. Бунин; Октябрьская революция; Россия; послереволюционные дни; лексико-семантические доминанты.

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE NOVEL «CURSED DAYS» BY I. A. BUNIN

The paper is centred on lexico-semantic peculiarities of by I. A. Bunin, The October revolution in Bunin's opinion broke the cultural norms of the country and as a consequence there appeared new words and expressions alien to the author.

Key words: I. A. Bunin; the October revolution; Russia; post-revolutionary days; lexical and semantic dominants.

«Окаянные дни» Ивана Бунина (1870–1953), русского поэта и писателя XX в., произведение, жанр которого до сих пор не определён, освещает события периода после Октябрьской революции в России (1918 и 1919 гг.). В этот период мы видим нарушающие нормы слова и фразы, которые, по мнению автора, выражают угрозы, несправедливость, убийства и уничтожение культурных ценностей России. Произведение написано в страшные дни жизни писателя, который, несмотря на любовь к родине, «испив чашу несказанных страданий, эмигрировал за границу» (Бунин, 1988, т. 6, с. 544).

«Окаянные дни» И. Бунина имеют литературные, политические, исторические, социальные, криминальные, критические и документальные характеристики и созданы в форме дневника. Слова, используемые в произведении, взяты из речи разных в социальном и культурном плане слоев общества (*рабочий, генерал, буржуа, писатель, журналист, студент* и т. п.).

И. Бунин считает, что Октябрьская революция привела к упадку нравственности народа, русского языка и литературы и к социокультурным аномалиям. И соответственно слова и фразы можно разделить на две категории: язык революционеров и язык контрреволюционеров.

Для лексического строя «Окаянных дней» И. А. Бунина характера яркая оценочность, эмотивность, экспрессивность. Среди оценочных слов преобладают пейоративные. «*Кончился этот проклятый год*» (1 января 1918 г.). Прагматическое наполнение семем отражает архетипическую оппозицию «свой vs. чужой», столь важную для русского мировоззрения. Данный архетип выступает в роли принципа формирования концептуального пространства анализируемого текста. Всё, что связано с революционными преобразованиями, Бунин относит к чужому хронотопу, которому даёт отрицательную оценку. Новое летоисчисление, переход на другую систему написания Бунин воспринимает как чужое. В этом плане характерно употребление разговорной формы местоимения *их ихний* (запись от 5 февраля 1918 г.), подчёркивающего презрительное отношение к новой власти, её чуждость лирическому герою.

Чужому пространству противопоставлено своё. Свой мир изображается в «Окаянных днях» Бунина как духовный, светлый, спокойный и упорядоченный, предстающий, как видение в сумасшествии реальной жизни: «*В доме напротив нас молебствие, принесли икону “Нечаянной Радости”, поют священники*» (24 февраля 1918 г.).

Картины своего пространства и времени даются по принципу контраста с чужим.

Рисуя картины чужого, революционного пространства, Бунин сосредоточивается на нескольких аспектах. Первый из них – новые, революционные личности. Писатель даёт несдержанную отрицательную оценку вождю революции – В. И. Ленину, отождествляя его с животным: «*О, какое это животное!*» (28 февраля 1918 г.).

Второй аспект рефлексии – устройство новой жизни. Семантическими доминантами здесь являются уничтожение, растление, хаос, бедность, убогость. Для выражения данных смыслов Бунин использует слова *растление, унижение, шабаш, балаган, издевательство*: «*Миллионы русских людей прошли через это растление, унижение за эти годы*» (15 мая 1918 г.). Отражение в воде символов революции – красных флагов – ассоциируется у писателя с реками крови. Реалии жизни революционного времени – экономия света – воспринимается лирическим героем как погружение в безнравственную тьму: «*Сейчас все дома темны, в темноте весь город...*» (19 апреля 1918 г.).

В новой жизни, по Бунину, нет настоящего, всё, что происходит, имитация: «*имитация какого-то будто бы нового строя, нового чина и даже парада жизни*» (24 апреля 1918 г.).

Идейную атмосферу времени передают контекстуальные синонимы *бред, ложь, самоодурманивание*.

Третий аспект – реакция культуры на происходящее. Бунина волнует судьба русской литературы. Он с презрением характеризует поэтов и писателей, поддержавших революцию: Блока, Брюсова, Горького, Маяковского, считая их либо бездарными, либо предателями. Литераторам, поддерживающим революцию, Бунин даёт нравственную оценку с опорой на слово *низость*: «*Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда...*» (2 марта 1918 г.) Оценка литературы в тексте «Окаянных дней» репрезентирована словами *лживо, отвратительно, словоблуды*. Революционная литература характеризуется как *заборная* (9 мая 1918 г.)

«Окаянные дни» отражают способы самоидентификации, самопонимания личности. Бунин рассматривает себя в кругу писателей предшествующей поры, цитирует Толстого, пытается взглянуть на происходящее глазами Пушкина: *Шли ночью по Тверскому бульвару: горестно и низко клонит голову Пушкин под облачным с просветами небом, точно опять говорит: «Боже, как грустна моя Россия!»* (7 марта 1918 г.). Автор позиционирует себя как человек, чуждый революционным преобразованиям, интеллигент, приверженец традиции, старой России, ценитель красоты и защитник культуры.

Таким образом, лексика «Окаянных дней» И. А. Бунина отражает следующие семантические доминанты: распад, разложение, уничтожение, темнота, смерть, бесчеловечность, ложь, шутовство, глупость.

*M. Garcarz, PhD (Philology)
University of Wrocław, Wrocław, Poland
e-mail: michal.garcarz@uwr.edu.pl*

*М. Гаргаш, д. философии (лингв.)
Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша
e-mail: michal.garcarz@uwr.edu.pl*

LANGUAGE OF BUSINESS NEGOTIATION: THE CODE OF BUSINESS AND LANGUAGE ETIQUETTE

The author describes the linguistic mechanisms used in business negotiations to strengthen the rhetoric of exchanging text messages, to show which strategies of language communication in business (based on linguistic data) are the most effective, and to show that the general code of the language is business etiquette.

Key words: business and language etiquette; business discourse; negotiation strategy; language manipulation; language negotiation skills.

ЯЗЫК ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ: КОДЕКС ДЕЛОВОГО И ЯЗЫКОВОГО ЭТИКЕТА

Автор описывает лингвистические механизмы, используемые в деловых переговорах для укрепления риторики обмениваясь текстовыми сообщениями, чтобы показать, какие стратегии языкового общения в бизнесе (на основе лингвистических данных) являются наиболее эффективными, и показать, что общий код языка — делового этикета.

Ключевые слова: деловой и языковой этикет; деловой дискурс; стратегия ведения переговоров; языковая манипуляция; навыки ведения языковых переговоров.

Business negotiation is a duel of two competitive forces that opt for achieving the same goal – to get the full, high-stakes business contract and advantage over the other party, but only one of them can eventually feel victorious and satisfied, at the end of the negotiation session. The key issue in such fast-paced and dynamic business contacts is to respect the code of professional meetings, that is the business etiquette, of which the most natural emanation is the language employed in business meetings.

Business negotiation is a typical game of influence; the said one is always realized by codified negotiation strategies. Negotiation partners put them in force to defend their interests and to maximize the benefits for their company, in the first place, but simultaneously they also act toward achievable solutions which would bring them closer to a judicious compromise satisfactory to both sides according to the code of business etiquette. In so many words, business negotiation can be successful only when in the end the negotiators reached consensus on the final deal with and they are willing to cooperate again in the future.

That being said, the present paper outlines the general business language negotiation strategies optimizing communication in a professional business environment where vulnerable balance between “to have” (to reach aimed negotiation goals) and “to be” (to keep decent relationship with the people we negotiate with) can only be uphold when all participants of the negotiation act respect the business etiquette code, as setting the negotiation agenda, welcoming and establishing rapport, making proposals, expressing priorities, bargaining, or concluding. To keep a clear semantic charge of an addressed business text message, the sender and the receiver have to have at least a good command of business discourse, especially on the level of lexis. The author of this paper focuses on linguistic mechanisms employed in business negotiation to enhance the rhetoricity of exchanged text messages, to show which language communication strategies in business (backed up with linguistic evidence) are utmost effective, thus which fall into the general code of language-business etiquette to become; this way, it may become a must for each and every business maker.

УДК 81'42

*J. Szerszunowicz, Habilitated Doctor
The University of Bialystok, Bialystok, Poland
e-mail: j.szerszunowicz@uwb.edu.pl*

*Я. Шершунович, д. филол. н
Белостокский государственный университет, Белосток, Польша
e-mail: j.szerszunowicz@uwb.edu.pl*

LINGUISTIC BLUNDERS IN PUBLIC DISCOURSE AS CULTUREMES

The aim of the paper is to analyse how a blunder made in public discourse can develop into a cultureme of complex nature and rich stylistic potential. The issue is discussed on the example of a case study of a Polish mistake made by a politician Witold J. Waszczykowski in 2018.

Key words: cultureme; figurative language; intertextuality; linguistic blunder; public discourse.

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ КАК КУЛЬТУРЕМЫ

Целью работы является анализ того, как грубая ошибка в публичном дискурсе может развиваться в культуру сложной природы и богатого стилистического потенциала. Вопрос обсуждается на примере случая польской ошибки, допущенной политиком Витольдом Вашиковски в 2018 году.

Ключевые слова: культура; образный язык; интертекстуальность; лингвистическая ошибка; публичный дискурс.

From a linguo-cultural perspective, a verbal cultureme can be defined as a linguo-cultural unit, word or multiword expression, which has a culture-embedded

meaning [1, p. 295]. Culturemes tend to express complex semantic notions and evoke cultural connotations. Many of them originate from the broadly understood cultural background: history, traditions, customs and other suchlike areas. However, new units, including culturemes, may also come into existence as a result of a linguistic blunder made in the process of communication [2], as it is the case with those occurring in various forms of public discourse.

The speaker who makes a statement in public is exposed to stress, thus it can be expected that mistakes may occur, especially in live communication, in situations when the utterances are produced *ad hoc*, not read. The mistakes which for some reason draw attention of the audience can be retained in the lexicon. It can be assumed that in some cases such items can develop their own properties and become culturemes.

From a Polish perspective, one of such linguistic blunders is the invented name *San Escobar* which was coined by Witold Jan Waszczykowski who served as the Minister of Foreign Affairs from 2015 to 2018. The politician used it in an interview after his visit to the UN in New York in 2017. In his statement *Mamy dobre stosunki z San Escobar* [lit. We have good relations with San Escobar], Waszczykowski used the name of a non-existent country, *San Escobar*. In fact, the politician intended to refer to Saint Kitts and Nevis, as clarified in his and Joanna Wajda's, the Foreign Affairs Ministry spokeswoman, clarification. The source of the blunder may be an incidental association of the aforementioned toponym with the name of Pablo Escobar, the Colombian drug baron. As a result of a contamination [3, p. 54], the speaker produced the fictitious place name.

The fake toponym was immediately identified and commented on by native speakers of Polish. *Inter alia*, it is attested by the fact that Waszczykowski was presented with the Silver Mouth award in 2017. It is annually awarded by Radio Station 3 for original, awkward or funny public statements. Listeners vote for the candidate utterances and the one with the majority of votes is given the Silver Mouth. Thus, *San Escobar* gained a special status in the modern Polish language.

It can be concluded that the toponym *San Escobar* became part of the linguistic-cultural lexicon: it began to be used in online communication, for instance, in many memes. Some of them feature the politician who coined the name, while others employ the proper name in various ways, without references to its origin. On the Internet, it has gained great popularity, for instance, Internauts created a map presenting the location and geographical features of *San Escobar*, with its capital *San Subito*. They also developed the concept further, proposing its own flag and currency. From a linguistic perspective, the cultureme is also interesting in terms of word formation. Almost 300 invented place names are found on the map of *San Escobar*. They are jocular and carry semantic references to Polish politics, voicing the mocking and critical attitudes to the authorities [3].

To sum up, it should be emphasized that the case study shows that public discourse blunders may have gained linguo-cultural importance, evoke cultural connotations and become culturemes. They can develop rich semantic, stylistic and discoursal potential, which makes them attractive for language users who employ them in a variety of contexts, often in an original and creative way.

REFERENCES

1. Szerszunowicz J. Kulturem we frazeografii dwujęzycznej. In: Edukacja dla przyszłości. Białystok : Wydawnictwo Wyższej Szkoły Finansów i Zarządzania, 2010. P. 295–306.
2. Villers D. In: Reproducible Multiword Expressions from a Theoretical and Empirical Perspective / University of Białystok. Białystok : University of Białystok Publishing House, 2020. P. 109–125.
3. Liashchova L. M. Phraseological Errors in a Foreigner's Talk Discourse and Their Reasons. In: Applied Linguistics Perspectives on Reproducible Multiword Units: Foreign Language Teaching and Lexicography. / University of Białystok. Białystok : University of Białystok Publishing House, 2020. P. 49–64.
4. Badyda, E., Warda-Radys L. W żartach, ale na serio – odwołania do polskiej rzeczywistości politycznej w toponimii fikcyjnego kraju San Escobar // Język Polski. 2018. № 98/3. P. 49–64.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

УДК 372.881.161.61

В. И. Абрамова, к. филол. н.

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

Тула, Россия

e-mail: istinijobraz@mail.ru

V. I. Abramova, Cand. Sc. (Philology)

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

e-mail: istinijobraz@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ «АД» И «РАЙ» В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Рассматриваются символические значения лексем «ад» и «рай» в русской лингвокультуре (на примере компонентов устойчивых языковых единиц).

Ключевые слова: лингвокультура; языковой знак; символ; рай; ад.

SEMANTIC POTENTIAL OF THE LEXEMES “HELL” AND “PARADISE” IN THE SPACE OF THE RUSSIAN LINGUOCULTURE

The paper considers symbolic meanings of the lexemes «hell» and «paradise» in the Russian linguoculture (using the example of components of stable linguistic units).

Key words: linguoculture, linguistic sign, symbol, paradise, hell.

Лексические единицы в пространстве лингвокультуры часто приобретают особое значение, превращаясь в языковые символы. В трудах В. Н. Телия находим следующее рассуждение: «...в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на сущность символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некую идею» [2, с. 243].

В роли языковых символов в русской лингвокультуре могут выступать лексемы «ад» и «рай».

Компонент «ад» в русских фразеологизмах и поговорках символизирует:

1) Мучение, невыносимые условия существования. Формирование символического значения основано на ассоциации ада и мучений. Например: *И в аду люди живут. И в аду обживешься, так ничего. Лучше с умным в аду жить, чем с дураком в раю. Суций ад.* В Национальном корпусе русского языка находим следующий пример употребления лексемы «ад»

в данном символическом значении: *Это был, поверьте на слово, сущий ад: крики взрослых, визг детей, рев бьющихся в клетках багажного отделения медведей...* [Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016, НКРЯ].

2) Нечто ужасное. Формирование символического значения основано на ассоциации ада и страшного места, где черти мучают грешников. Например, в устойчивом выражении *кромешный ад*: *В начале 1945 года Мемель под бомбежками и обстрелами превратился в кромешный ад.* [Владимир Нырков. Город раздора // «Совершенно секретно», 2003.09.01, НКРЯ].

3) Грех. Формирование символического значения основано на ассоциации ада и греха. Например: *Пусти душу в ад, будешь богат. В аду не быть, богатства не нажить.*

Компонент «рай» в русских устойчивых единицах символизирует:

1) Блаженство, счастье. Формирование символического значения основано на ассоциации рая и вечного блаженства. Например: *С милым рай и в шалаше.*

2) Идеальное место. Формирование символического значения основано на ассоциации рая и прекрасного сада. Например: *Земной рай. Город царство, а деревня рай. Москва царство, а наша деревня рай.*

Тогда это был мандариново-мимозный земной рай, мечта озябшего жителя северной метрополии: чайки, колыхающиеся в струях воздуха, идущих от студенистой морской воды; женщины как одна в черных чулках и с опущенными долу глазами; кучки бездельников, прохаживающихся по набережной или галдящих на гортанном наречии, сгрудившись в одном месте; старики на скамейках вдоль променада. [Николай Климонтович. Далее – везде (2001), НКРЯ].

3) Отсутствие забот. Формирование символического значения основано на представлениях о рае. Например: *Без ума житье – рай.*

4) Гармоничные взаимоотношения. Формирование символического значения основано на представлениях о рае. Например: *В любви жить, раем жить. От любви прочь, от раю прочь.*

5) Нечто недостижимое. Формирование символического значения основано на представлениях о рае как месте пребывания безгрешных душ. Например: *И рад бы в рай, да грехи не пускают. Но рай – место избранных, и не каждому суждена блаженная жизнь: «Не всем в раю быть – кого Бог помилует», «Иной и рад бы в рай, да грехи не пускают».* [Владимир Панков. Земля блаженных // «Родина», 1996, НКРЯ]

6) Идеальные условия для существования кого-либо. Формирование символического значения основано на представлениях о рае. Например: *Это был рай для преферансистов, которые не терпят всей этой рулеточной трескотни, всех этих “блэк-джеков” и покеров, в которых не надо думать,*

не надо ничего просчитывать, где побеждает тот, у кого толще кошелек и кто может брать на понт. [Преферанс его жизни // «Криминальная хроника», 2003.06.10, НКРЯ].

ЛИТЕРАТУРА

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 07.06.2021).
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

УДК 81'42

***В. Р. Абреу-Фамлюк**, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: vikyfam90@gmail.com*

***V. R. Abreu-Famliuk**, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: vikyfam90@gmail.com*

РОЛЬ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В СИТУАЦИЯХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ

В работе моделируются варианты ситуаций гармонизации понимания между собеседниками с учетом использования в них такого специфического класса речевых действий, как интерпретирующие речевые акты.

Ключевые слова: интерпретирующий речевой акт, регулирование понимания, интерпретация, ментальное представление.

ROLE OF INTERPRETIVE SPEECH ACTS IN SITUATIONS OF UNDERSTANDING CONTROL

Different variants of situations of harmonization of understanding between interlocutors are modeled, taking into account the use of such a specific class of speech actions as interpretive speech acts.

Key words: interpretive speech act; understanding control; interpretation; mental representation.

Настоящая работа посвящена рассмотрению ситуаций регулирования понимания между собеседниками и анализу востребованности в них особого коммуникативного явления – интерпретирующих речевых актов (далее ИРА). Цель работы состоит в выделении основных типов ситуаций, требующих преодоления речевыми партнерами коммуникативных затруднений, и анализе роли интерпретирующих речевых актов в разрешении таких затруднений. Основными методами исследования выступают методы контекстуаль-

ного и сопоставительного анализа. Материалом исследования послужили стенограммы устных научных и политических дискуссий на русском, английском и французском языках (около 1200 контекстов, включающих ИРА).

Результаты проведенного анализа демонстрируют определенную вариативность ситуаций, в которых у слушающего возникает сомнение в правильности понимания высказывания говорящего. В процессе общения у участников диалога формируется некоторое ментальное представление, отражающее собственное видение обсуждаемой проблемы. В режиме активного речевого взаимодействия ментальные представления коммуникантов непрерывно взаимодействуют и претерпевают ряд изменений, ввиду чего весьма вероятными становятся сбои в их согласовании.

Варианты соотношения ментальных представлений могут быть представлены двумя типами ситуаций: в одном случае адресат в целом воспринимает результат смысловой обработки сообщения как понимание, а в другом – как непонимание. В каждом из двух типов ситуаций роль интерпретационных механизмов различна. Так, если реципиент полагает, что сообщение было понято, и участники диалога имеют схожие или приемлемые взаимопредставления о ситуации, то возможны два сценария развития диалога: при отсутствии сомнений в корректности своей интерпретации речевое взаимодействие продолжается (без применения коммуникативных приемов регулирования понимания), а при наличии таковых интерпретатор может счесть необходимым осуществить мониторинг правильности своего понимания, используя ИРА:

– *Правильно ли я понимаю, что с принятием этого закона судьям будет запрещено заниматься защитой диссертаций, поскольку публичное обсуждение?*

– *Для судей чётко прописано. Вы же сами знаете.*

– *Я уточняю.*

При этом взгляды интерпретатора на обсуждаемую проблему в целом довольно гармонично укладываются в рамки той когнитивной репрезентации, которая транслируется говорящим, однако некоторые ее фрагменты требуют детализации. Возможен и переход от понимания к непониманию: если интерпретационная гипотеза слушающего отклоняется, то ментальные представления собеседников о предмете речи расходятся и требуют дальнейшего согласования.

Во втором типе ситуаций слушающий осознает факт непонимания более существенных элементов высказывания собеседника, что препятствует формированию у него ясного ментального представления касательно обсуждаемого вопроса. В ряде случаев адресат сообщения может отдавать себе отчет в том, что сообщение не понято или понято не в полном объеме, однако по тем или иным причинам принимает решение не обсуждать их. Факт непонимания остается незамеченным и никак не эксплицируется ни одним из речевых партнеров. В случае альтернативного варианта развития диалога

реципиент сигнализирует о факте непонимания сообщения и может прояснить возникшее недопонимание при помощи ИРА, которые в данных условиях направлены не столько на подтверждение / опровержение интерпретационной гипотезы адресата, сколько на получение им более подробных разъяснений мнения и позиции собеседника.

Перспективой исследования может стать рассмотрение особенностей использования ИРА в ситуациях регулирования понимания в рамках других дискурсивных практик.

УДК 81'42

Т. В. Аникеева, аспирант

Минский государственный лингвистический университет,

Минск, Республика Беларусь

e-mail: tatsiana.anikeyeva@gmail.com

T. V. Anikeyeva, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus

e-mail: tatsiana.anikeyeva@gmail.com

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ МАТРИЦА СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «РЕЛИГИЯ» СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В работе рассматриваются вопросы структурной организации прецедентных единиц современного художественного текста в виде особой системы-матрицы, отражающей основные особенности ее заимствования, синтагматической и признаковой адаптации в пространство современного художественного текста.

Ключевые слова: прецедентный феномен; прецедентная матрица; субсферальный компонент; современный художественный текст.

PRECEDENT MATRIX OF THE SOURCE "RELIGION" IN MODERN RUSSIAN LITERARY TEXT

The paper deals with the problem of structural and system representation of modern literary text precedent phenomena. The system is portrayed as one reflecting the main linguistic peculiarities of their functioning, syntagmatic and semantic adaptation into the body of modern literary text.

Key words: precedent phenomenon; precedent matrix; sub-spherical component; modern literary text.

Исследование феноменов современного художественного текста с необходимостью предполагает выявление, структурирование и системное описание единиц когнитивно-кумулятивного характера и способов их репрезентации в современном текстовом пространстве. Одним из типов феноменов,

вербализуемых в данном пространстве, является прецедентная текстовая единица, к которой апеллируют разнотипные по своему наполнению и способам текстового представления единицы информации. Помимо структурного описания подобных единиц, методологическая основа исследования подобных феноменов предполагает исследование когнитивно-семантических особенностей их структурирования и функционирования в художественном тексте в целях выявления их признакового и аксиологического потенциала.

Прецедентный феномен как особая, объективируемая в текстовом пространстве единица, может обладать различными апеллятивными механизмами своей текстовой репрезентации. Неоднократно отмечаемым учебными и устоявшимся в среде исследователей является тот факт, что прецедентный феномен служит репрезентацией особого, лежащего в основе его бытования инварианта восприятия того или иного факта или события действительности, что ведет к многообразию способов его индивидуального освоения и вербализации [1, с. 90]. Тем не менее, системное представление подобных феноменов, предполагающее их развертывание и интеграцию в языковой системе, до сих пор представляет собой проблемную область, в том числе, из-за разноуровневости их интеграции и вариативного характера репрезентации. Создание модели или схемы, позволяющей репрезентировать настолько разнородные явления, должно отвечать иерархичности их репрезентации в языке и сознании человека. В качестве подобной модели может выступать матричная организация прецедентных феноменов [2, с. 57], отражающая их сферальную принадлежность и позволяющая уточнить особенности вертикализации указанных феноменов. Прецедентная матрица представляет собой многоуровневую систему, где основными компонентами, формирующими ее базовую структуру, являются номинативные и номинативно-ассоциированные комплексы, соответствующие прецедентным именам и наименованиям. Обладающие кумулятивным семантическим, аксиологическим и оценочным потенциалом, прецедентные имена репрезентируют узлы матрицы, которые могут быть использованы как отправные точки для выстраивания вокруг них других фразеологизированных, прецедентных или прецедентно-ассоциированных комплексов на основании признаковой или аксиологической связи. Формирование вокруг прецедентного имени признаковой и аксиологической составляющей прецедентных высказываний и ситуаций осуществляется как реализация антропоцентричности как основного подхода к когнитивно-ориентированным единицам, и, соответственно, отражает одну из наиболее существенных характеристик языковой системы. Особое место в структуре прецедентной матрицы занимают цитационные и иконически-ориентированные компоненты, которые формируют признаковое взаимодействие с каждым из указанных узлов. Прецедентная матрица, формируемая на основе прецедентных феноменов современного художественного текста и референциально отражающая сферу-

источник «Религия», носит характер трехуровневой системы, где промежуточными сферами надструктурного и субсферального знания служат ассоциативно формируемые сферы «Апостолы», «Пророки», «Ветхий Завет», «Евангелие».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Томск : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Держвина, 2014. 236 с.

УДК 811.111-26

*О. Г. Артемова, к. филол. н.
Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия
e-mail: olgaartemova65@yandex.ru*

*O. G. Artemova, Cand. Sc. (Philology)
Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia
e-mail: olgaartemova65@yandex.ru*

МАРКЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ XVII–XX ВЕКОВ

Рассматриваются результаты формализованного комплексного содержательного анализа языка английской художественной прозы XVII–XX веков. Представлены возможности маркемологического подхода к исследованию художественного текста.

Ключевые слова: маркема; ключевое слово; содержательный анализ; формализованный анализ; язык английской художественной прозы.

MARKEME ANALYSIS OF ENGLISH FICTION PROSE OF XVII–XX CENTURIES

The results of complex meaningful analysis of English fiction prose of XVII–XX centuries are reviewed. The possibilities of the markemological approach to a literary text study are presented.

Key words: markeme; key word; meaningful analysis; formalized analysis; English fiction prose language.

Исследование осуществлено в русле маркемологического подхода на доступных в электронном виде текстах 128 английских писателей, представляющих 8 полувековых срезов.

Основной *метод* исследования – *метод маркемного анализа*, позволяющий учесть системный вес слова по его частоте и оценить информативность каждого слова по его длине в тексте.

В ходе исследования установлено:

1. Ключевыми маркемами языка английской художественной прозы XVII–XX вв. являются *understanding*, *disappointment*, *responsibility*, *satisfaction*, *consideration*, *consciousness*. Доминантной маркемой исследуемого периода является *understanding*, вице-доминантной маркемой – *satisfaction*.

2. Сквозными *интегральными* маркемами являются *understanding*, *satisfaction*, *consideration*, *imagination*, *confidence*.

3. При рассмотрении языка английской литературы в *статике* и *динамике* в каждом срезе и на всем полигоне исследования стабильно представлены семь семантических блоков маркем: ментально-перцептивных, эмоциональных, социальных, качественных, морально-этических, межличностные отношения, фундаментальные понятия.

4. Результатом *маркемной стратификации* (сравнения каждого автора с каждым) является следующее распределение 128 авторов по классам в порядке убывания маркемной типичности – от максимальной (у *нуклеаров*) до минимальной (у *маргиналов*): класс нуклеаров – 30 авторов; класс медиаров – 73 автора; класс маргиналов – 22 автора; класс супермаргиналов – 3 автора.

5. Визуализация предпочтительных (максимально сильных) маркемных связей текстов английских авторов каждого срезе позволила объединить их в ориентированные графы по числу центров аттракции. Количество ориентированных графов в срезе можно считать косвенным показателем и мерой ценностной интеграции или дезинтеграции английского общества на разных этапах его развития.

6. Применение той же процедуры к наборам срезовых маркем позволило выявить три ориентированных графа, соответствующих *трем этапам развития языка английской литературы*: **становление** (формирование маркемного состава) – XVII – первая половина XVIII века, **расцвет** (оформление маркемного состава) – вторая половина XVIII–XIX век, **увядание** (деградация маркемного состава) – XX век.

Опора на доминантные маркемы (с учетом вице-доминантных) позволила уточнить это членение, дав ему содержательное наполнение с выделением четырех эпох: 1) **эпоха удовлетворенности** (*satisfaction*) – XVII век; 2) **эпоха понимания** (*understanding*) – первая половина XVIII века (в Срезе 17-2 и 18-2 *understanding* является вице-доминантой маркемой); 3) **эпоха разочарования** (*disappointment*) – вторая половина XVIII – вторая половина XIX века и 4) **эпоха ответственности** (*responsibility*) – XX век. Фактически эти наименования эпох даны им самим английским обществом в языке английской художественной прозы.

7. Стратификация интегральных маркем демонстрирует преобладание в языке английской художественной прозы устойчивых маркем (29), равномерно востребованных во всех срезах. Количество изменчивых маркем, демонстрирующих периоды усиления и ослабления к ним внимания со стороны авторов разных срезов, равно 21.

8. Фундамент маркемного фонда языка английской художественной прозы заложен в первой половине XVII века, давшей 24 интегральных маркемы. Из них во второй половине XX века в языке английской литературы сохранилось 12 маркем.

9. Визуализация *ретроспективных* маркемно-генеалогических связей авторов демонстрирует наличие **МГ-рода Шерли**. Визуализация *проспективных* МГ-связей демонстрирует наличие трех **МГ-родословий** – **Голдинга, О’Брайана, Силлитоу**.

10. Маркемная траектория языка английской художественной прозы свидетельствует: с XVII по XIX в. происходило сложение и обогащение маркемного состава языка английской художественной прозы, достигшее своего пика в Срезе 19-2. В обоих срезах XX века наблюдается последовательное обеднение маркемного состава языка, что свидетельствует о вступлении маркемного состава языка английской художественной прозы в период кризиса и упадка.

УДК 81’373

*А. Д. Бакина, к. филол. н.
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия
e-mail: heart-anna@yandex.ru*

*A. D. Bakina, Cand. Sc. (Philology)
Oryol state university named after I. S. Turgenev, Oryol, Russia
e-mail: heart-anna@yandex.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Рассматривается специфика семантики английских библейских фразеологизмов. Представлены специфические характеристики и выявлен семантический потенциал английских фразеологизмов библейского происхождения.

Ключевые слова: библейский фразеологизм; фразеологизм библейского происхождения; семантика; фразеологическое значение; семантическое приращение; семантическое преобразование.

SEMANTIC POTENTIAL OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS OF BIBLICAL ORIGIN

The specificity of biblical phraseological units is reviewed. Specific features and semantic potential of English phraseological units of biblical origin are identified.

Key words: biblical phraseological unit; phraseological unit of biblical origin; semantics; phraseological meaning; semantic augment; semantic transformation.

Исследование библейских фразеологических единиц (БФЕ) **актуально** вследствие неисчерпаемости фразеологического источника, множествен-

ности толкований его содержания и расширения их функционального пространства. Одним из «константных» вопросов продолжает оставаться проблема описания семантических свойств, специфичных как в силу неоднозначности фразеологического значения как такового, так и в связи с этимологией рассматриваемых нами единиц. Вслед за проф. Т. Н. Федуленковой, мы определяем фразеологическую единицу библейского происхождения как «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением, возникшее на основе библейского прототипа и восходящее к тексту Библии или библейскому сюжету» [2, с. 31].

Целью настоящей статьи выступает выявление специфики семантики фразеологизмов библейского истока.

Отбор языкового **материала** осуществлялся методом сплошной выборки из словаря «Лепта библейской мудрости» [4] и толкового словаря идиом [6]. Дополнительно мы обращались к «Словарю библейской традиции в английской литературе» [5].

Методами исследования послужили метод фразеологической идентификации проф. А. В. Кунина, компонентный анализ, семный анализ, контекстуальный анализ.

В отношении специфичности фразеологического значения наблюдается редкое единодушие мнений лингвистов, согласно которому оно представляет собой «инвариант информации, выраженной семантически осложненными, разнооформленными единицами языка, не образующимися по структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов» [1, с. 122]. В связи с этим, в наши **задачи** входило выяснение причин и видов семантической сложности БФ.

В результате анализа 100 английских библейских фразеологизмов были выделены базовые факторы, обуславливающие специфику семантики БФ: 1) наличие библейского источника; 2) образование и развитие библейских фразеологизмов; 3) представленность БФ разноструктурными типами; 4) семантическое преобразование БФЕ; 5) расширение состава коннотативного компонента в структуре значения БФ; 6) выделение «характеризующей тематики» в семантике БФ.

С учетом вышеизложенных факторов констатируем следующее.

1. Будучи фразеологическими единицами, источник которых не утрачен, БФ имеют в структуре своего значения *«семантическое приращение»*, вследствие связи с породившим их текстом. К сожалению, не все БФ ассоциируются в сознании носителя с Библией. Вместе с тем, большая часть БФЕ дополнительно семантизируется посредством изначального контекста. Это «семантическое приращение» актуализируется во вторичном контексте.

2. Процесс образования БФ включает первичную фразеологизацию (3 ступени): а) переменное словосочетание (или предложение), образованное

по порождающей структурно-семантической модели; б) потенциальный фразеологизм (оборот переосмыслен); в) фразеологическая единица. Как правило, переосмысление возникает как *окаzionale семантическое преобразование прототипа* будущего фразеологизма, так как он находится еще в своей потенциальной стадии и не является единицей языка. Развитие БФЕ осуществляется за счет процесса структурно-семантического преобразования (см. также далее).

3. Исходя из возможности быть представленными дву- и поликомпонентными словосочетаниями, а также предложениями, грамматический макрокомпонент в структуре значения БФ подвергается изменениям.

4. В результате семантического преобразования исконная форма БФ наполняется новым содержанием, что происходит за счет двойной актуализации или буквализации. Структурно-семантические преобразования БФ включают лексическую, грамматическую замену; усечение и добавление компонентов БФ.

5. Мультиаспектность коннотативного макрокомпонента значения БФ включает ингерентные признаки образности, оценочности, экспрессивности, а также способность фиксировать «культурную коннотацию» в структуре фразеологического значения БФ [3]. Данные коннотативные элементы могут «активизироваться» и «затухать» в зависимости от контекстных условий.

6. Принадлежность БФ к специфической характеризующей тематике обуславливает их семантику, содержащую характеристики свойств, качеств, эмоций человека, а также явлений и ситуаций. Большинство БФ носят назидательный, поучающий, предостерегающий и наставляющий характер.

Дальнейшую **перспективу** исследования мы видим в расширении ряда факторов, обуславливающих особенности значения БФЕ, отсюда и возможности мультиаспектного описания специфики семантики БФ, исследовании ингерентных семантических свойств в сопоставлении БФЕ в разных языках, изучении *окаzionale* и *узуального* структурно-семантического преобразования БФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996. 381 с.
2. Федуненкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пособие. М. : Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 146 с.
3. Фразеология в контексте культуры / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. Проблем. группа «Общ. фразеология»; Отв. ред. В. Н. Телия. М. : Яз. рус. культуры, 1999. 333 с.
4. Лепта библейской мудрости: в 2 т. – Т. 1 : А–О / авт. сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. 288 с.
5. A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature. Mich.: Eerdmans, 1992. 960 p.
6. Cowie A. P., Mackin R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Oxford : Oxford University Press, 1997.

*И. М. Басовец, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: basovets@list.ru*

*I. M. Basovets, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: basovets@list.ru*

СТЕПЕНЬ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ – ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ)

Определена степень референциальной прозрачности субъектов – источников информации в англоязычных газетных статьях. Выявлены корреляции между референциальным типом субъекта и его восприятием адресатом.

Ключевые слова: референциальная прозрачность субъектов; референтные и нереферентные субъекты; референциально прозрачные, затемненные и непрозрачные субъекты; гипотетическая референция.

THE DEGREE OF REFERENTIAL TRANSPARENCY OF SUBJECTS – INFORMATION SOURCES (IN ENGLISH NEWSPAPER TEXTS)

The degree of referential transparency of subjects – information sources in English newspaper texts has been defined. Correlations between the subject reference type and its decoding by the recipient have been identified.

Key words: referential transparency of subjects; referential and non-referential subjects; referentially transparent, vague and non-transparent subjects; hypothetical reference.

Степень прозрачности субъектной референции источников информации газетного текста, установление которой является целью данной работы, определяет способность адресата соотнести референциальные типы текстовых единиц с субъектами реального мира. В качестве материала данной работы были использованы две статьи онлайн-версий двух англоязычных газет The Telegraph и The Economist: Gavin Williamson and Ofqual divided over A-level exam grades (The Telegraph, 17 August, 2020) и 'Elites in Beijing see America in decline, hastened by Trump' (The Economist, June 11, 2020). Анализ материала позволил выделить три типа субъектов – источников информации: референциально прозрачные, затемненные и непрозрачные. Установлено, что референциальная прозрачность присуща субъектам с конкретной референцией, в то время как нереферентные субъекты референциальной прозрачностью не обладают. Для читателя прозрачны для понимания те источники информации, которые соотносимы с индивидуальным или конкретным коллективным субъектом, к примеру, *the Education Secretary, Gavin*

Williamson; the Trump administration, что коррелирует с конкретной референциальной отнесенностью. Представляется, что в отношении восприятия реципиентом конкретного субъекта – источника информации однозначная референция обеспечена наличием референтных знаний об актуализированном в тексте реальном субъекте.

Затемненными референтами предстают субъекты с нереферентным обобщенным субъектом, к примеру: *Chinese netizens, Mr Trump's supporters*. Сигнификативный ряд именной группы *Mr Trump's supporters* ‘сторонники г-на Трампа’ весьма широк: это могут быть последователи взглядов г-на Трампа внутри страны или за ее пределами, либо какие-то иные группы поддержки. Если круг потенциальных референтов подобной номинации четко не очерчен, то его референция затемнена, что позволяет говорить о гипотетической номинативной референции. Аналогично в именной группе *Chinese netizens* актуализированное референтное пространство является размытым, поскольку номинация *netizens* ‘пользователи Интернета’ сводится фактически к гипотетическому реконструированию возможного круга референтов, а кажущаяся референтность данной именной группы, ограниченной детерминантом «китайские», обманчива и не соотносится с конкретным коллективным субъектом. За номинацией «китайские пользователи интернета» стоит широкий потенциальный круг референтов, а декодирование читателя представляет собой расширение и / или сужение гипотез относительно собственной результирующей интерпретации в отношении того, кого причислить к этой группе.

Гипотетичность референции при восприятии источников информации адресатом относится и к субъектам с нереферентным неопределенным статусом, которые предстают перед читателем как референциально непрозрачные: *some members, a second source, a number of senior conservative figures*. «Нащупывание» референтного пространства подразумеваемого субъекта, как в примере устраненным субъектом речи *is praised* (а до этого контекстуально предшествующий данной конструкции субъект являлся референциально неопределенным: *a number of senior conservative figures*), представляется наиболее затруднительным ввиду его неизвестности и невозможности идентификации. Референция подразумеваемого источника информации в подобных случаях представляется наиболее сложной, поскольку реконструирование потенциального круга референтов гипотетично в зависимости от индивидуальной трактовки определенным читателем и интерпретативно, поскольку сопряжено с двояким прочтением. Подразумеваемый субъект речи в конструкции *is praised* может быть соотнесен с ранее упомянутым нереферентным субъектом «ряд значимых деятелей-консерваторов» либо рассмотрен отдельно как подразумеваемый максимально широкий круг лиц.

Итак, тип референции субъекта детерминирует степень референциальной прозрачности / непрозрачности субъектов: конкретные субъекты предстают референциально прозрачными, нереферентные обобщенные являются затемненными и нереферентные неопределенные определяются как непро-

зрачные. У затемненных и непрозрачных субъектов – источников информации актуализированное референтное пространство является размытым и сводится фактически к гипотетическому реконструированию возможного круга референтов. Произведенный анализ степени референциальной прозрачности субъектов – источников информации демонстрирует лингвистически перспективные идеи и требует дальнейшего изучения.

УДК 81.42

*А. М. Бахова, аспирант
Воронежский Государственный Университет, Воронеж, Россия
e-mail: dushkova.aleksandra@mail.ru*

*A. M. Bakhova, Postgraduate Student
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: dushkova.aleksandra@mail.ru*

ЛИКИ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Анализируются известные в современной лингвистической литературе понимания Наблюдателя в соотношении с номинациями других типов субъектов, выделяемых в художественном тексте, сопоставляется их смысловое содержание с целью выделения актуальных для категории Наблюдателя признаков.

Ключевые слова: Наблюдатель; типы субъектов; признак; художественный текст.

REPRESENTATION OF OBSERVER IN LITERARY TEXT

The understanding of the Observer in modern linguistic literature is analyzed in relation to the nominations of other types of subjects that are identified in the literary text. The semantic content is compared in order to highlight the features that are relevant for the Observer category.

Key words: Observer; types of subjects; feature; literary text.

В последнее время категория Наблюдателя (далее – Н), введенная Ю. Д. Апресяном [1, с. 117] и понимаемая им как говорящий, слушающий или любое другое лицо, не участвующее в коммуникации, т. е. функционирующее как «субъект за кадром», активно входит в исследовательские практики лингвистов, получает различные личностные трактовки и термины, понятийное содержание которых либо полностью, либо частично коррелирует с сущностью Н в тексте, в том числе и художественного.

Так, в современной лингвистике при изучении различных аспектов текста осмысление категории Н наблюдается в соотношениями с другими текстовыми категориями и позиционируется непосредственно или опосредованно в других терминах: Субъект сознания (Е. В. Падучева), когнитивный Субъект и Субъект познания (Т. Л. Верхотурова), Субъект речи (Б. О. Корман), Перцептор (А. В. Бондарко), Перцептивный субъект (Т. Л. Верхотурова), Экспериенцер (Г. И. Кустова), Проанализируем такие корреляции и далее

определим, насколько содержательный объем таких терминов соотносится с категорией Н, т. е. насколько они синонимичны / не синонимичны, при каких условиях и в каких ситуациях Н принимает лики других их участников.

Итак, **Н vs Субъект восприятия.** В определении ниже выделяются следующие признаки Субъекта восприятия. По мнению Т. Л. Верхотуровой, *Субъект восприятия* – 1) лицо, воспринимающее окружающий мир посредством пяти органов чувств – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, при этом 2) восприятие опосредовано языковой способностью человека, выступающего в роли субъекта речи [2, с. 185]. Все отмеченные признаки свойственны и Н. Исходя из этих общих посылов, можно заключить, что Н = Субъекту восприятия в том смысле, что Н – воспринимающий субъект. Именно из этих соображений можно мыслить термины Н и Субъект восприятия как синонимы.

Н vs Субъект сознания vs когнитивный Субъект vs Субъект познания. В своей работе Т. Л. Верхотурова не разграничивает термины **когнитивный Субъект (Субъект сознания)** и **Субъект познания**. Мы разделяем позицию Т. Л. Верхотуровой, т.к. Субъект познания по определению означает, что он (Субъект) обладает необходимыми когнитивными (познавательными) способностями. Лингвист определяет когнитивного Субъекта (Субъекта сознания) или Субъекта познания как человека, познающего мир и систематизирующего знания о мире в своем когнитивном пространстве: он 1) обладает воспринимающим устройством, благодаря которому 2) получает информацию о мире, 3) хранит ее в памяти и 4) преобразует в знания [3, с. 15]. Перечисленные признаки свойственны и Н по причине того, что он – субъект воспринимающий, который получает информацию, наблюдая за кем / чем-либо, но актуализируются такие признаки в ситуациях нахождения Н «за кадром». Признаки 3 и 4 характеризуют Н-гностика и сообщают нам о том, что Н осведомлен о той или иной ситуации, происходящей или произошедшей в определенный отрезок времени.

Н vs Перцептор vs Перцептивный субъект. А. В. Бондарко предлагает термин *Перцептор*, представляя его главным субъектом перцептивности (восприятия) со всем набором каналов чувственного восприятия [4, с. 281]. При осмыслении категории Налюдателя Т. Л. Верхотурова вводит также понятие *Перцептивного субъекта*, определяя его как лицо, воспринимающее окружающий мир посредством пяти органов чувств – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, при этом восприятие опосредовано языковой способностью человека, выступающего в роли субъекта речи [3, с. 17]. Исходя из таких соображений, полагаем, что термины Н, Перцептор, Перцептивный субъект синонимичны в силу того, что в пространстве художественного текста перцептивный субъект – это не только воспринимающее лицо, но и автор, интерпретирующий увиденное / услышанное и облекающий результаты интерпретации в художественные образы. Представляется, что способность к актуализации отмеченных выше свойств присуща и Н, который, однако, проявляет их в определенных условиях, что находит выражение в соответствующих языковых средствах.

Н vs Экспериенцер. Г. И. Кустова, вводя понятие Экспериенцера, также затрагивает категорию Н. Под *Экспериенцером* ею понимается семантический падеж, обозначающий лицо, находящееся в определенном состоянии, в процессе деятельности и т. п., например, *Я* в предложении *Я мерзну* [5, с. 211]. По мнению автора, человек всегда является Экспериенцером, поскольку он всегда что-то ощущает, чувствует, видит, слышит и т. д. [5, с. 214], а Экспериенцер, наряду с другими участниками ситуации, например, Н, Субъектом и Объектом восприятия, может включаться в семантику глаголов из семантического поля восприятия, т. е. перцептивных предикатов. Полагаем, что Н как субъект воспринимающий, а потому – ощущающий, по определению может принимать на себя лик Экспериенцера, но в определенных условиях перцептивной ситуации. Он может присутствовать в качестве семантического компонента (семи) в семантической структуре перцептивного предиката.

Н vs Субъект речи. Как отмечает Б. О. Корман, одним из основных средств раскрытия авторской оценки изображаемых людей и событий является речь повествователя. Под *Субъектом речи* он понимает того, кто «изображает и описывает» [6, с. 78], т. е. рассказчика / повествователя. Тогда Н является Субъектом речи в том случае, что он 1) не только воспринимает, но и рассказывает про воспринятое, 2) не выражен в перцептивных ситуациях в тексте, однако возможна переадресация Наблюдателем пункта наблюдения другому лицу/персонажу. В таком случае Н повествует со стороны о том, что воспринимает другой.

Итак, как показало наше исследование, категория Н в лингвистике понимается в различных терминах. У одних лингвистов определение Н по смыслу совпадает, только номинировано иначе, у других же – частично совпадает, т. е. ученые выделяют лишь один значимый аспект категории Н. В таком случае Н может принимать лики других участников перцептивной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 289 с.
3. Верхотурова Т. Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2/3. С. 14–26.
4. Бондарко А. В. Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура // К вопросу о перцептивности: сб. статей в честь Арутюновой. М.: Издательство «Языки славянской культуры», 2004. С. 277–282.
5. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.

*Е. А. Беликова, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: ekaterina.belav@gmail.com*

*Е. А. Belikova, Postgraduate Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ekaterina.belav@gmail.com*

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ С КУМУЛЯТИВНЫМ ОТРИЦАНИЕМ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В работе анализируются особенности функционирования конструкций с кумулятивным отрицанием в монологических и диалогических жанрах в русскоязычном научном дискурсе.

Ключевые слова: кумулятивное отрицание; научный дискурс; экспрессивность; монологические жанры; научная дискуссия.

GENRE PECULIARITIES OF CUMULATIVE NEGATION FUNCTIONING IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The paper deals with the functional peculiarities of the cumulative negation in monologic and dialogical genres in the scientific discourse.

Key words: cumulative negation; scientific discourse; expressiveness; monologic genres; scientific discussion.

Как известно, даже в рамках одной дискурсивной практики актуализация семантики разнообразных языковых единиц обнаруживает определенную зависимость от жанрового критерия. Закономерно предположить, что такой интересный феномен, как кумулятивное отрицание, также отличается дискурсивной спецификой реализации. Несмотря на то, что множественное отрицание не раз становилось объектом внимания лингвистов, жанровые и дискурсивные особенности его функционирования изучены недостаточно [1; 2]. Цель нашего исследования – выявить семантико-прагматические характеристики кумулятивного отрицания в монологических и диалогических жанрах научного дискурса. Исследование проводилось на материале 1000 отрицательных конструкций, отобранных из научных статей и монографий, и 1000 отрицательных конструкций из научных дискуссий, в ходе анализа которых использовался метод контекстуального анализа.

Рассмотрение функционирования конструкций показывает как общие, так и специфические особенности их функционирования в монографии / статье, с одной стороны, и в научной дискуссии, с другой стороны.

В обоих типах жанров кумулятивное отрицание акцентирует разные аспекты описываемой ситуации (например, отсутствие субъекта, объекта или

его признака, локативный, темпоральный или количественный аспект) и при этом выполняет интенсифицирующую функцию, придавая высказыванию определенную степень экспрессивности и категоричности, ср.:

*Об отсутствии общепринятого решения свидетельствует и то, что нам **не встретилось ни одной** работы, автор которой написал бы, что в работе другого автора дано правильное решение парадокса Гиббса (В. Н. Игнатович. Парадокс Гиббса); Эволюцию **никто не отменял**, она продолжается не только у вирусов (Жизнь с вирусами).*

При этом функционирование конструкций с кумулятивным отрицанием обнаруживает интересные количественные и качественные различия. Количественные различия связаны с тем, что в научной дискуссии их употребительность более чем в два раза превышает аналогичные показатели для статьи и монографии (из общего количества отрицательных конструкций). Как показал анализ, на долю кумулятивного отрицания в научных дискуссиях приходится 13 % всех отрицательных конструкций, а в научном монологе – 6 %. Это можно объяснить тем, что научная дискуссия предполагает непосредственное взаимодействие коммуникантов, речевое поведение которых характеризуется большей степенью эмоциональности и экспрессивности, относительной спонтанностью, полемической направленностью.

Что же касается качественных различий, то наиболее выразительной особенностью конструкций с кумулятивным отрицанием в научном диалоге является многообразие и вариативность их сочетания с разнообразными экспрессивно-стилистическими средствами, что в силу их концентрации создает эффект подчеркнутой выразительности, ср. комбинации отрицательных конструкций с такими средствами, как: а) синтаксический параллелизм: *Это классический *institutional bias*, институциональный наклон: здесь не существует ничего, кроме автора, здесь нет текстов. В России нет текстов, их **никто не пишет**, их **никто не читает** (Спутники Земли: от искусственного до естественного); б) инверсия: **Ничего** я пока **не могу сказать** вам больше, потому что сам не знаю... (О топологии веревок, неевклидовой геометрии...); в) риторический вопрос: *На первый вопрос я ответила. А вы **никогда не встречаетесь** с людьми, которые просто перерабатывают воздух, пищу и не отдают себе отчета в том, зачем они что-то делают?* (Язык и сознание: что делает нас людьми?) и под.*

Таким образом, в научном диалоге с его повышенной эмфатичностью и полемичностью наиболее ярко проявляется прагматический потенциал кумулятивного отрицания, который усиливается при взаимодействии с другими экспрессивными языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 354–355.
2. Петрова Е. С. Риторика множественного отрицания // Риторика монолога. СПб., 2002. Гл. 9. С. 179–195.

*А. А. Биюмена, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: a-mesyats@tut.by*

*A. A. Biyumena, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: a-mesyats@tut.by*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСЕМ СОВЕТСКОГО ТРУДОВОГО МЕДИАДИСКУРСА

Рассматривается семантика лексических единиц в советском трудовом медиадискурсе. Отмечается насыщение семантики слов идеологическими компонентами.

Ключевые слова: трудовой дискурс; медиадискурс; идеология; семантика; идеологический компонент.

IDEOLOGICAL COMPONENTS IN THE SEMANTICS OF THE SOVIET LABOR MEDIA DISCOURSE LEXEMES

Semantics of lexical units in the Soviet labor media discourse is considered. Saturation of word semantics with ideological components is revealed.

Key words: labor discourse; media discourse; ideology; semantics; ideological component.

Медиатекст является результатом специализированных профессиональных практик и техник, основанных на конкретных социальных отношениях, и особенно на отношениях власти [1, р. 204]. Институциональность медиадискурса базируется на его тесной связи с идеологией – системой «социальных значений, способствующих самоопределению общества в целом и его отдельных членов в частности» [2, с. 48].

Для построения советского государства требовался самоотверженный труд населения страны, поэтому одной из ведущих тем, регулярно освещавшихся в медиа советского периода, была тема труда и трудящихся. Статьи, посвященные данной тематике, нередко занимали около половины текстового пространства тех или иных изданий, а массив таких публикаций складывался в единый гипертекст о труде. По нашему мнению, трудовой дискурс можно рассматривать как особую разновидность дискурсивной практики, объединенную темой трудовой деятельности, имеющую собственные топосы, объекты и систему языковых средств.

Публичный дискурс советского периода характеризовался высокой степенью ритуализации и десемантизации, которая обычно манифестировалась в потере какой-то части смысла и одновременном приобретении других

семантических составляющих, чаще всего, оценочных, а также в сведении сложной сигнификативной структуры к бинарной [3]. В советских СМИ ряд лексических единиц приобретали новые, идеологически обусловленные семантические компоненты.

Так, для экспликации идей трудового энтузиазма и творческого вдохновения работников, а также добровольности повышенных обязательств и перевыполнения плановых показателей в прессе использовались такие лексемы, как *воодушевление, почин, поход, энтузиазм, инициатива, начинание, подъем, азарт, порыв, обязательство, стремление, вдохновение: Патрыятычны ўздым* («Звезда», 1953, 29 крас.); *Их трудовой азарт невольно захватывал, хотелось стать такой же быстрой, умелой* («Советская Белоруссия», 1983, 2 нояб.).

Примечательна семантика лексемы *поход* в текстах трудовой тематики. В словаре отмечены следующие ее значения: 1. Передвижение войск или флота с какой-н. целью; 2. Массовая организованная прогулка с определенной целью; 3. Военные действия против кого-н.; 4. *перен.* Организованное выступление, действия против кого-чего-н. или для борьбы за что-н. [4, с. 854]. На наш взгляд, в советском трудовом дискурсе данное существительное приобретает новое идеологически «нагруженное» значение, вытекающее из четвертого словарного значения ‘организованная трудовая деятельность коллектива по достижению заранее запланированной цели’: *У спаборніцтва калгасных брыгад, трактарных атрадаў, у паход імя таварыша Гікало за лён, за соцыялістычную жывёлагадоўлю павінны быць уцягнуты новыя тысячы людзей соцыялістычнай вёскі* («Звезда», 1935, 8 ліп.).

Таким образом, трудовой медиадискурс советского периода характеризуется «приращением» идеологически обусловленных компонентов к значениям ряда слов для осуществления идеологического воздействия на адресата и акцентирования определенных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fairclough N. Media Discourse. London; N.Y; Sydney; Auckland : E. Arnold, 1995. 214 p.
2. Богданов К. А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
3. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. М. : Рус. учеб. центр МС, 1994. С. 233–244.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000, терминов и фразеологических выражений; под ред. проф. Л. И. Скворцова : 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс; Мир и Образование, 2009. 1360 с.

*М. Г. Богова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: bomaya@gmail.com*

*M. G. Bogova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: bomaya@gmail.com*

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Работа ставит целью показать актуальные проблемы новой области научного знания – лингвоэкологии. Уточнение терминологии и круга задач исследования свойственны для периода становления, они отражают характерные черты современности.

Ключевые слова: лингвоэкология; экологическая лингвистика; экология языка; экология коммуникации; культура речи; критерии оценки здоровья языка.

LINGUOECOLOGY: PROBLEMS AND TASKS

This paper aims to show the actual problems of a new field of scientific knowledge – linguoecology. Definition of terminology and the range of research tasks are distinctive for the new science formation period, terms and research objectives reflect the outstanding characteristics of modernity.

Key words: linguoecology; ecology of linguistics; language ecology; communication ecology; speech culture; criteria for assessing language health.

Лингвистическая наука развивается безостановочно. Исследователи обращают внимание на ранее не рассматриваемые аспекты языка и подходят к их анализу с новых позиций. Примером служит возникновение новой дисциплины – лингвоэкологии. Само это название еще не устоялось и требует уточнения, как и его значение, сфера исследования, используемая терминология, методы, а также аспекты изучения.

При отсутствии общепринятой дефиниции – «лингвоэкология», «эколингвистика», «экология языка», «экология речи», «экология коммуникации» – ряд лингвистов (М. И. Дойникова, Н. А. Крашкина, А. П. Сковородников) склоняются к разграничению терминополья: так лингвистическая экология (синоним – экология языка) относится к сфере экологии, занимается проблемами «здоровья языка» и имеет такие целевые трансформации, как критический анализ экологического дискурса (Е. В. Иванова, М. В. Расинская), экология перевода (Л. В. Кушнина, Е. М. Пылаева), педагогическая лингвоэкология (Е. А. Сущенко), этическая лингвоэкология (К. А. Андреева, Н. Н. Дзида, Л. Я. Зятькова) и лингвоэкология эмоций (В. П. Шаховский). В то же время эколингвистика относится к сфере лингвистики и ее следует рассматривать как раздел лингвистики, отталкивающейся от лингвистических фактов и языковых знаков.

«Лингвоэкология» и «культура речи» – взаимодополняющие дисциплины, но не идентичные, их также следует разграничить. Лингвоэкология представляет собой развитие культуры речи. Когда мы говорим о культуре речи, на первый план выходят нормативность в противовес отклонению от нормы; тогда как лингвоэкология фокусируется на концептуальных оценочных оппозициях: вредно или полезно, перспективно или бесперспективно, ретроспективно, совсем безнадежно.

Задачи лингвоэкологии, которые призваны выполнить ученые, были обозначены в 176 статьях электронного научного издания «Экология языка и коммуникативная практика» Сибирского федерального университета (2013–2017 гг.) и охватывают такие разрушительные явления, как агрессивное вторжение чужеродной лексики в русский язык, обеднение словарного запаса, десемантизация слов, вербальная вседозволенность, речевая грубость, засорение, загрязнение и криминализация, коммуникативное поведение с отклонениями и зоны риска, угрозы языку, включая языковую русофобию, и другие факторы вредного воздействия на функционирование языка, а значит, и на языковое сознание социума. Характерно, что лингвоэкология не только выявляет, например, лингвотоксины, к которым относятся, в частности, неоправданные иноязычные заимствования (в терминах Ю. А. Крижанича «чужебесие»), неудачное словотворчество или порождение клеймящих ярлыков (А. П. Сковородников, Г. А. Копнина), но и обращает внимание на обогащение языка – поиск, фиксирование и пропагандирование всех удачных результатов речевого творчества носителей языка, будь то писателей, политиков или простых пользователей интернета.

Отдельным вопросом является разработка критериев оценки языкового творчества пользователей. Самые общие формулировки пересекаются с определением ценности результатов любого творчества – способности дать миру новейшие ценные знания, содержание, понимание, нормы, которые выходят за существующие рамки, но усваиваются и становятся неотъемлемой частью культуры. Новые языковые единицы должны обозначать новые явления и понятия, заполнять смысловые лакуны.

Подходя с человековедческих ценностей, можно сразу выставить негативную оценку большому распространению обценной, да и грубой лексики, в том числе среди образованных людей и молодежи. Эти выражения нельзя оценивать как экспрессивные или образные. Их появление на страницах книг и публицистике в попытке зафиксировать «живую» «естественную» речь нарушает экологию речи, более того – определенным образом пропагандирует повсеместное употребление сквернословия.

Очевидно и загрязнение родного языка словами, к примеру, *шопинг*, *ребрендинг*, *форчекинг*, *коачинг* и др.; суффикс *-инг* стал весьма продуктивным с явным юмористическим оттенком: *покупинг*, *магазининг*, *деньготрапинг* и т. д.

Не способствуют здоровью языка и имеют сомнительную ценность такие креативные речезыковые факты, которые отмечены в речи молодых русскоговорящих пользователей соцсетей, как широкоупотребительные слен-

гизмы, например, *спойлер*, *сиквел*, *игнорить*, *запостить* или такие узкопрофессиональные сленгизмы «айтишников», как *винт*, *матерь*, *болванка*, *забаванный*. При нашем опросе половина анкетированных возрастной группы испытывали трудности с их пониманием, но отмечали, что где-то уже слышали эти слова.

В этой связи, считаем целесообразным включить в список ценностей, определяющих экологичность новых лексических единиц, критерий их прозрачности.

УДК 811.111

*Е. В. Богоявленская, к. филол. н.
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
e-mail: helen.bog58@mail.ru*

*Н. Bogoyavlenskaya, Cand. Sc. (Philology)
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
e-mail: helen.bog58@mail.ru*

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ

В работе рассматривается семантико-прагматический потенциал фразеологических синонимов. Внутренняя форма фразеологизма может играть важнейшую роль в становлении гендерного компонента фразеологического значения. Синонимический ряд способен интегрировать гендерно маркированные и интергендерные фразеологизмы.

Ключевые слова: фразеологический синоним; коннотация; прагматический потенциал; гендерный компонент; образная подоснова; внутренняя форма.

SEMANTIC AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL SYNONYMS

The paper analyses English phraseological synonyms and their semantic and pragmatic potential. The inner form of phraseological synonyms is essential in the formation of their gender component of meaning. A set of phraseological synonyms can integrate gender marked and intergender idioms.

Key words: phraseological synonym; connotation; pragmatic potential; gender component; image-forming base; inner form.

Одной из важнейших проблем современной фразеологии является изучение семантико-прагматического потенциала фразеологизмов и его реализации. Фразеологические единицы представляют собой коммуникативные раздельнооформленные единицы языка, которые служат для образно-экспрессивной характеристики окружающей действительности. Специфичность фразеологического значения, его синтетичность определяют более сложную семантическую структуру фразеологизмов по сравнению с лексическими единицами. Коннотативный аспект значения играет ведущую роль в семан-

тической структуре фразеологизмов, удельный вес коннотации очень высок. Хотя коннотация по своей природе субъективна, она объективируется как компонент содержательной структуры фразеологизма в системе языка и имеет материальную форму воплощения. Коннотативные характеристики закрепляются за языковой единицей как обработанная социальным коллективом, единая для всего говорящего коллектива информация, которая может получить соответствующую регистрацию в словарях. Традиционно, в качестве компонентов коннотативного аспекта фразеологического значения выделяются интенсивность, эмотивно-оценочная модальность, образность, стилистическая маркированность, экспрессивность. Коннотация является прагматически окрашенным компонентом содержания фразеологизма, сосредоточением прагматически релевантной информации в фразеологических единицах. Именно при переплетении компонентов коннотации возникает требуемый прагматический эффект, фразеологизм функционирует как средство обогащения коммуникации в эмотивно-экспрессивном плане. Различный коммуникативно-прагматический потенциал членов фразео-синонимического ряда предполагает выбор единицы с учетом мотива и целевой установки говорящего, правильное понимание и оценку образного использования языка слушающим, позволяет найти наиболее адекватное выражение мыслей и чувств, придать речи нужную окраску. Так, прагматический аспект значения, т. е. информация об участниках коммуникации и условиях коммуникации, указание на коммуникативный регистр, тесно связан с зоной стилистической маркированности: стилистические пласты фразеологии в целом соответствуют тональности общения / регистрам. Образность и мотивирующая ее внутренняя форма могут имплицитно служить источником гендерных смыслов. Образность фразеологизмов базируется на столкновении двух смысловых планов – значения фразеологической единицы и значения ее прототипа, основная предпосылка создания образности фразеологизма – это его внутренняя форма. Внутренняя форма является имплицитным компонентом фразеологического значения и может эксплицироваться в словарном толковании значения фразеологизма. Анализ словарных толкований значения фразеологических синонимов показывает, что один и тот же фразео-синонимический ряд может интегрировать гендерно маркируемые фразеологизмы и фразеологические синонимы с интергендерной референцией. Так, анализ словарных толкований фразеологических структурных синонимов со значением «*reject a suitor*», «отказать ухажеру» показал, что они имеют различный статус гендерного компонента значения. Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина дает следующее словарное толкование данных структурных синонимов: *to give smb the air, gate, mitten* – «отказать жениху». В дефиниции имеется прямое указание на лицо мужского пола – «жених», очевидна ролевая схема «субъект – женщина, объект – мужчина». Сегодня структурный синоним *to give smb the mitten* сохраняет данную гендерную референцию, субъект-женщина, объект-мужчина. Живая внутренняя форма данной идиомы послужила источником данного гендерного смысла. Этимоло-

лого-культурный комментарий указывает на женский пол субъекта действия: «In the nineteenth century the word mitten also referred to fingerless gloves (often silk) worn by proper young ladies, and it was with them that men were rebuffed». В данном случае очевидно влияние внутренней формы фразеологизма на его гендерную маркированность – в 19 веке порядочные юные леди носили шелковые перчатки без пальцев (в русском языке есть слово *митенки*, имеющее ту же этимологию что и *mitten*). Отвергнутый ухажер, просивший руки дамы сердца, вместо согласия (руки) получал перчатку (отказ). Согласно словарным толкованиям значения фразеологизма *to give smb the air*, данная идиома также имеет гендерную референцию «субъект-женщина, объект-мужчина». Этимологические изыскания показали, что компонент *air* в данной идиоме может означать «высокомерие» (если проводить параллель с идиомами *give oneself airs*, *put on airs*, означающими вести ‘себя высокомерно’). Таким образом, внутренняя форма данной идиомы может вызывать ассоциации с высокомерным поведением женщины, отвергающей ухажера. Однако ролевая схема «женщина – субъект, мужчина – объект» может быть нарушена. Так, анализ большого количества иллюстративных примеров употребления фразеологического синонима *to give smb the gate* показывает, что анализируемый фразеологизм является интергендерной идиомой, то есть, и субъект, и объект могут относиться к мужчине и женщине в равной степени. Дело в том, что внутренняя форма данного фразеологизма не содержит никаких ассоциаций, влияющих на гендерную маркированность. Словарные толкования указывают: «This idiom uses gate in the sense of exit», то есть данную идиому можно сравнить с русским фразеологизмом *указать кому-нибудь на дверь*. Кроме того, нейтрализация гендерной дифференциации может быть вызвана социально-культурными изменениями в современном мире, что станет предметом наших дальнейших исследований.

УДК 811.113.2'373

П. С. Бранавец, магистр
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
e-mail: branavets@bsu.by

P. Branavets, MA (Philology)
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: branavets@bsu.by

РЭАЛІЗАЦЫЯ СЕМАНТЫЧНАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ ЭТЫМАЛАГІЧНАГА КОРАНЯ *LIK- ВА ЎКРАЇНСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

Абмяркоўваецца магчымасць аналізу семантыкі этымалагічнага кораня на фразеалагічным матэрыяле. Разглядаецца рэалізацыя семантыкі славянскага *lik- ва ўкраінскіх фразеалагізмах.

Ключавыя словы: лексічная семантыка; фразеалагізм; фразеалогія; семантычнае развіццё; украінская мова; этымалагічнае гняздо.

REALISATION OF ETYMOLOGICAL ROOT *LIK- SEMANTIC POTENTIAL IN UKRAINIAN PHRASEOLOGY

The possibility of etymological root semantics analysis based on phraseology material is discussed. The realisation of Slavic *lik- semantics in Ukrainian idioms is considered.

Key words: lexical semantics; idiom; phraseology; semantic development; Ukrainian; etymological word-family.

Нароўні з іншымі аспектамі раскрыцця заканамернасцей семантычнага развіцця этымалагічнага кораня сёння бачыцца прыдатным таксама аналіз яго фразеалагічнай рэалізацыі (пар. [1, с. 13–15]). Магчымасць такога аналізу адкрываецца перадусім дзякуючы фразеалагічным адзінствам, лексічныя кампаненты якіх могуць даць як «прынамсі глухі намёк на матывіроўку агульнага значэння» [2, с. 352–353], так і асноўную семантыку ўсяго фразеалагізма [3, с. 13]. З іншага боку, менавіта структура лексічнага значэння з'яўляецца адным з асноўных фактараў фраземаўтваральнай прадуктыўнасці лексікі [4, с. 80–83], што таксама легітымлізуе ўваходжанне лексічнай семантыкі на поле фразеалогіі.

Ва ўкраінскай мове прадстаўлены ўсе агульныя лініі семантычнага развіцця праславянскага кораня *lik- (пар. значэнні *ličiti I, *ličiti II, *likъ I, *likъ II, *likъ III ў [5]), прычым дыферэнцыяцыя першапачаткова аанімічных зон значэнняў вонкавага выгляду і значэнняў колькасці была з цягам часу замацавана фанетычным распадабненнем (адпаведна, карані *лик-* і *лік-*), не ўласцівым іншым славянскім мовам. Прапанаванае даследаванне засяроджана на пераламленні семантыкі ўзгаданага праславянскага кораня ў сучасным украінскім фразеалагічным фондзе. Матэрыялам для аналізу паслужылі засведчаныя ў «Слоўніку фразеалогіі ўкраінскай мовы» [6] фразеалагізмы з прынамсі адным вытворным ад кораня *lik- кампанентам, дэфінаваная семантыка якіх супастаўлялася з семантыкай адпаведных кампанентаў (паводле дэфініцый у [7]).

Усяго 13 украінскіх дэрыватаў *lik- (каля 5 % адпаведнага этымалагічнага гнязда) уваходзіць у якасці лексічнага кампанента у 47 фразеалагічных адзінак. Найбольш фразеалагічна прадуктыўныя лексемы *лице*, *обличчя*, *лічити*, *злічити*, *личина*, *лік*, *перелічити*. Ва ўнутранай форме фразеалагізмаў найчасцей выступаюць першасныя, найбольш простыя і канкрэтныя значэнні адпаведных кампанентаў: напр., *лице* 'твар' (*мити сльозами лице* 'плакаць'), *лічити* 'вызначаць колькасць' (*курчат лічити* 'праводзіць падсумаванне'). Семантычна паказальным з'яўляецца вар'іраванне лексічных кампанентаў фразеалагізмаў, асабліва неаднакарэнных: сінанімічнае тыпу *личина* 'маска' – *маска* 'т. с.' (*носити личину / маску* 'хаваць свае сапраўдныя думкі') і несінанімічнае *полічити* 'вызначаць колькасць' – *полоскотати* 'паказываць' (*полічити / полоскотати ребра* 'вельмі моцна збіць; перамагчы

ў баі'). Фразеалагічна больш, чым лексічна, актуалізуецца семантыка эстэтычнага ўспрымання (*до лица 'пасуе', хоч з лица воду тий 'вельмі прыгожы', спадати з лица 'станавіцца бледным, марнець'*). Засведчана і блізкая нулявой (у неэтымалагічнай перспектыве) семантычная значнасць лексічных кампанентаў: (*зникати*) *з лица земли 'назаўжды, цалкам'*.

Заслугоўвае ўвагі лексіка-семантычны аналіз фразеалагічнай рэалізацыі этымалагічнага кораня ў кампаратыўным рэчышчы, а таксама ў кантэксте комплекснага гісторыка-семасіялагічнага аналізу адпаведнага словаўтваральнага гнязда.

ЛІТАРАТУРА

1. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А. А. Шахматов. 1864–1920 : сб. статей и материалов. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 339–364.
3. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2006. 408 с.
4. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология : учеб. пособие. М. : Флинта; Наука, 2009. 344 с.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15 (*lětina – *lokaśь). М. : Наука, 1988. 264 с.
6. Словник фразеологізмів української мови. Київ : Наукова думка, 2008. 1098 с.
7. Словник української мови. Київ : Наукова думка, 1970–1980. 11 т.

УДК 811.111'37'42

Е. И. Будникова, к. филол. н.

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: geronimo1981@mail.ru*

A. I. Budnikova, Cand. Sc. (Philology)

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: geronimo1981@mail.ru*

РЕЛЕВАНТНЫЕ И САЛИЕНТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрено соотношение релевантного и салиентного типа информации среди лексикографически значимых компонентов семантики субстантивных единиц английского языка. Установлено влияние на данное соотношение ряда лингвистических факторов.

Ключевые слова: релевантность; салиентность; семантический признак; лексическое значение; лексикографический дискурс.

RELEVANT AND SALIENT COMPONENTS OF LEXICAL MEANING IN LEXICOGRAPHIC DISCOURSE

The paper reveals the correspondence between lexicographic salience and the conceptual and categorial centrality of semantic features in the meanings of English nouns. Some linguistic factors possibly determining that correspondence are stated.

Key words: conceptual centrality; categorial centrality; semantic feature; lexical meaning; lexicographic discourse.

Поиск критериев оценки значимости компонентов лексического значения, начавшийся еще в структурной лингвистике, остается нетривиальной проблемой и для новых поколений исследователей. Современное представление о концептуальной сущности значения слова нивелировало ранее принципиальное разграничение лингвистических и экстралингвистических компонентов в семантике языковой единицы и способствовало появлению двух основных подходов к ранжированию ее составляющих: концептуального (конструктивно-логического, внутреннего) и категориального (индуктивно-эмпирического, внешнего) (см. Khalidi 1995, Sloman 1998, Кубрякова 2004, Никитин 2007). При первом подходе ведущая роль отводится релевантным, сущностным признакам референта, которые детерминируют наличие других его свойств и мысленное изменение или удаление которых влечет за собой распад заданной категории. Второй подход выводит на первый план салиентные, яркие, типичные характеристики, обладающие высокой различительной силой и зачастую достаточные для правильной референции слова.

Среди типов семантических признаков значения слова, реализованных в лексикографическом дискурсе, находят отражения как классообразующие, релевантные признаки, так и салиентные характеристики, отличающие типичного представителя названной категории. Целью работы является изучение вопроса о том, какие из указанных типов информации являются наиболее лексикографически значимыми, т. е. постоянно фиксируемыми в лексикографическом дискурсе, и зависит ли тип лексикографически значимых признаков от таких лингвистических параметров, как гиперо-гипонимический ранг семантизируемой единицы, реляционность ее семантики, принадлежность к номинальному классу или естественному роду. Материалом исследования послужили лексические значения 19 субстантивных имен английского языка (наименований растений, животных и лиц), представленные в дефинициях 10 толковых словарей (см. список литературы). Методом компонентного анализа в дефиниционной версии в значениях единиц выявлены 36 типов признаков, среди которых на основании частотности фиксации в словарях выделены лексикографически значимые компоненты.

В результате исследования установлено, что в число лексикографически значимых компонентов исследуемых имен входят как релевантные, так и салиентные характеристики соответствующих денотатов. Ввиду специфики построения словарных описаний постоянными и, соответственно, наиболее

значимыми лексикографически являются, прежде всего, типы информации, представленные в значениях слов-классификаторов. Для большинства имен это релевантные, жизненно важные характеристики (е. г. 'наличие жизни', 'наличие позвоночника'). Однако для зоонимов и фитонимов субординатного уровня категоризации *owl* 'сова', *oak* 'дуб', в дефинициях которых словами-классификаторами выступают единицы *bird* 'птица' и *tree* 'дерево', лексикографически значимыми являются и салиентные компоненты, например, 'наличие перьев' или 'большой размер'. Напротив, в значениях слов-классификаторов наименований лиц содержатся только релевантные признаки, а их количество не зависит от гиперо-гипонимического ранга единиц.

Кроме лексикографически значимых признаков, представленных имплицитно, через значения слов-классификаторов в дефинициях, обнаружен целый ряд эксплицитных компонентов значений исследуемых имен, частотность которых в словарных описаниях также составляет 100 %. Примечательно, что если для наименований животных и растений этими признаками зачастую являются яркие, салиентные характеристики ('малый размер', 'прирученность / связь с человеком', 'большой размер глаз' и пр.), то для наименований лиц это только релевантные признаки. При этом для реляционных и функциональных имен *husband* 'муж', *wife* 'жена', *friend* 'друг', *teacher* 'учитель' релевантными и лексикографически значимыми выступают социальные и поведенческие признаки (е. г. 'наличие брачных уз', 'преподавание'), а для наименований *woman* 'женщина', *man* 'мужчина', находящихся ближе к именам естественных родов, нежели номинальных классов, это биологические признаки ('пол', 'возраст').

Таким образом, значение лексической единицы, реализованное в лексикографическом дискурсе, предстает как иерархия семантических признаков, которая выстраивается на основании частотности актуализации каждого признака в многообразии словарных описаний. Релевантные признаки чаще оказываются на вершине данной иерархии, однако, преимущественно как компоненты, выводимые из значений слов-классификаторов. Основным же фактором, влияющим на соотношение релевантных и салиентных типов знания среди лексикографически значимых компонентов, является денотатный или предикатный характер семантики единицы и, как следствие, принадлежность имени к номинальному классу или естественному роду.

ЛИТЕРАТУРА

1. American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://www.ahdictionary.com> (date of access: 03.05.2021).
2. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / ed. by P. Gillard [et al.]. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. 1562 p.
3. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged URL: <http://dictionary.reference.com> (date of access: 15.06.2021).
4. Longman Dictionary of Contemporary English URL: <http://www.ldoceonline.com> (date of access: 03.05.2021).
5. Macmillan Dictionary URL: <http://www.macmillandictionary.com> (date of access: 04.05.2021).

6. Merriam-Webster Dictionary URL: <http://www.merriam-webster.com> (date of access: 15.06.2021).
7. Oxford Dictionaries UPL: <http://www.oxforddictionaries.com> (date of access: 20.05.2021).
8. Random House Dictionary URL: <http://dictionary.reference.com> (date of access: 24.05.2021).
9. The Collins COBUILD Advanced Dictionary of American English [Electronic Resource]. Harper Collins Publishers Ltd., 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Webster's Revised Unabridged Dictionary. DICT Development Group URL: <http://www.dict.org> (date of access: 24.05.2021).

УДК 81'37

*Е. Н. Василенко, к. филол. наук
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
Могилев, Беларусь
e-mail: e.n.vasilenko@gmail.com*

*E. N. Vasilenko, Cand. of Sc. (Philology)
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus
e-mail: e.n.vasilenko@gmail.com*

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРАЖДЕБНОСТИ

Рассматривается семантико-прагматический потенциал оценочной лексики как средства вербализации враждебности по отношению к отдельным социальным группам в онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: оценочная лексика; номинация; враждебность; язык вражды; интолерантный дискурс; онлайн-коммуникация; социальная группа.

EVALUATIVE VOCABULARY AS A MEANS OF VERBILIZING HOSTILITY

The paper considers the semantic and pragmatic potential of evaluative vocabulary as a means of verbalizing hostility towards certain social groups in online communication.

Key words: evaluative vocabulary; nomination; hostility; hate speech; intolerant discourse; online communication; social group.

Тема и цель исследования. Исследование «языка вражды» представляет собой одну из самых актуальных проблем современной лингвистики [1]. Настоящая работа посвящена изучению семантико-прагматического потенциала оценочной лексики как одного из наиболее ярких языковых средств вербализации враждебности в интолерантном дискурсе Беларуси.

Материал и методы исследования. Фактическим материалом исследования послужили комментарии белорусских интернет-пользователей к новостным статьям, посвященным проблематике трех уязвимых социальных групп: женщин, ЛГБТ-людей и иностранцев. Орфография и пунктуация авторов комментариев незначительно откорректированы для лучшего восприятия. В качестве рабочей использована классификация оценочных лексико-семантических единиц Л. Г. Смирновой [2].

Основные результаты и выводы исследования. Для выражения враждебного отношения к отдельным социальным группам авторы интернет-комментариев зачастую используют лексико-семантические единицы с отрицательной оценкой, относящиеся к двум семантическим группам: 1) лексемы, обозначающие нечто неприятное (*мерзость, гадость, срамота, отвратительно* и т. д.), например: *<...> Невозможно обелить то, что в глазах Бога мерзость и беззаконие <...>; Это отвратительно! <...>; Птфу-фу, срамота!!!* Вторая группа представлена пейоративными номинациями лица (*уроды, больные, извращенцы* и др.): *меня лично напрягает вообще шумиха по поводу больных людей – и вообще какого хрена РАДУГА стала символом неполноценных уродов?; <...> Геі гэта выразкі. Псіхічна хворыя <...>.* В ряде случаев используются ненормативные номинации, которые либо не были замечены модераторами, либо были «замаскированы» говорящим, например: *Жить ему с нормальными людьми или с пид-ами; <...> А эти "девушки" – дыры по сути! Макнуть конец и в расход как втор сырье! Просто бл**и!)*

Отдельно отметим метафорические номинации, так как «оценочность лексем может усиливаться при их тропеическом употреблении» [2, с. 17]. Так, зооморфные метафоры (в соответствии с классификацией А. П. Чудинова [3]) и сравнения с животными могут использоваться в отношении всех социальных групп, однако, как правило, эти речевые приемы адресованы женщинам, например: *а через интернет банкинг слабо оплатить, зачем бегать по банкам? Бо курицы; Обезьяна с гранатой? Да ещё и бухая???; Они бы еще серее мышь на роль красавицы взяли.*

В качестве пейоративной номинации лица может также выступать нейтральная (а) или позитивно-оценочная (б) лексика, приобретающая негативно-оценочные коннотации в определенной коммуникативной ситуации, например, при выражении сарказма: а) *<...> при подходе смуглых к границам ЕС пограничники обязаны сделать предупреждающий выстрел в воздух <...>;* б) *Красотка мммммм.....))*

В адрес женщин часто употребляется и стилистически маркированная оценочная лексика, особенно единица «баба», например: *ну всё футболу придёт конец. Баба и футбол не совместимы; то есть – они обязаны уволить хорошего работника – мужчину – по той причине что он – мужчина и взять любую бабу не зависимо от ее пригодности к работе? логично.* Экспрессивно-эмоциональная лексика используется также для номинации частей женского тела: *а зарабатывать чем? или сиськи в инсте, или на панель...*

Дальнейшие перспективы исследования. Изучение гендерно и этнически обусловленного «языка вражды» не сводится исключительно к анализу лексических языковых средств, в связи с чем дальнейшее исследование предполагает привлечение материала других языковых уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко Е. Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 136–145.
2. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Смоленский гос. ун-т. Смоленск, 2013. 51 с.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

УДК 81'37

*А. А. Водяницкая, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
e-mail: avodyanickaya@yandex.ru*

*A. A. Vodyanitskaya, Cand. Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: avodyanickaya@yandex.ru*

ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИКИ ОЦЕНКИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В работе рассматривается оценочная составляющая отзывов студентов о процессе обучения в университете, и проводится анализ неосознаваемого воздействия фоносемантики данных текстов с помощью платформы Vaalmini. Выявляется взаимосвязь между содержащимися в отзыве оценочными значениями и фоносемантическими характеристиками текста. Цифровые технологии расширяют возможности анализа оценочной семантики и позволяют вскрыть когнитивные механизмы функционирования оценки в академическом дискурсе.

Ключевые слова: академический дискурс; цифровые технологии; оценка; оценочные смыслы; Vaal-mini.

DIGITAL TOOLS IN A RESEARCH INTO SEMANTICS OF EVALUATION IN ACADEMIC DISCOURSE

The paper focuses on the evaluative component of Students' feedback on the process of studying at the university and analyzes the unconscious impact of phonosemantics of these texts using the Vaal-mini platform. The relationship between the estimated values contained in the

review and the phonosemantic characteristics of the text is revealed. Digital technologies expand the possibilities of evaluative semantics analysis and contribute to revealing the cognitive mechanisms of evaluation processes in academic discourse.

Key words: academic discourse; digital technologies; evaluation; evaluative meanings; Vaal-mini.

В качестве **объекта** данного исследования выступают оценочные высказывания, выстраивающие отзыв магистранта и бакалавра о процессе обучения в университете.

Предмет исследования составляют оценочные стратегии и тактики студента в процессе составления отзыва.

Цель исследования состоит в выявления взаимосвязи между неосознаваемым воздействием текста и его семантической составляющей.

Методы исследования включают: контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, цифровые методы исследования: SentiStrength (позволяет анализировать полярность оценки в текстах на различных языках, присваивая оценочному слову значение от [-4] (для негативных оценочных слов) до [+4] (для слов положительной оценочной семантики)) и Vaal-Mini (определяет неосознаваемое фонетическое воздействие как отдельных слов, так и больших текстовых массивов).

В качестве материала исследования выступили 45 отзывов студентов-выпускников, написанных в жанре благодарственного рефлексивного эссе, о годах обучения в университете.

Результаты исследования. Как показал анализ текстов отзывов, наблюдается прямая зависимость между семантикой текста и его неосознаваемым фонетическим воздействием. Так, например, в отзывах, в которых студенты выражают благодарность адресно конкретным преподавателям с помощью оценочных слов и выражений положительной семантики, программа Vaal-mini определяет их неосознаваемое воздействие как *доброе, благородное, красивое, приятное* и т. д. Приведем примеры таких отзывов:

*мы бы не были **столь прекрасными и замечательными**, если бы не преподаватели нашей кафедры, которые **способствовали становлению наших профессиональных качеств** и бережно передавали нам свои ценные знания. Мы **очень рады**, что из года в год наш преподавательский состав не менялся – это не только **показатель высокой компетентности наших преподавателей**, умеющих на профессиональном уровне **рассказать и понятно объяснить** любой предмет, но и **важный фактор**, который по-настоящему объединил студентов и преподавателей.*

*Работа с NN мне запомнилась в первую очередь **интереснейшими проектами** по лексикологии и в особенности по экономическому дискурсу, в рамках которого мы участвовали в конкурсе по конференц-переводу в формате круглого стола, что дало нам **отличную возможность** почувствовать себя в роли синхронных переводчиков.*

Отзывы, в которых студенты используют меньше оценочных слов и выражений, поскольку описывают процесс обучения как таковой, без адресной благодарности, определяются программой Vaal-mini как не имеющие ярко выраженного неосознаваемого воздействия.

Привлечение программы Senti Strength позволяет выявить глубинные аспекты полярности оценки отзывов: преимущественно используются слова в диапазоне от [+2] до [+4].

Привлечение цифровых методов анализа лексики и текстовых массивов к семантическим исследованиям позволяет расширить наши представления об оценочной семантике в разных жанрах академического дискурса (см., например, [1]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Suleimanova O. A. Towards Synergetic Combination of Traditional and Innovative Digital Teaching and Research Practices // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4, № 4. P. 39–50.

УДК 81'373 (043)

*А. Н. Воробей, к. филол. н.
Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь
e-mail: annavorobei1982@yandex.by*

*A. N. Vorobei, Cand. Sc. (Philology)
Baranovich State University, Baranovich, Belarus
e-mail: annavorobei1982@yandex.by*

ПРОДУКТИВНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ И РУССКОМ СЛЕНГЕ

Рассматривается соотношение семантической и морфологической деривации в американском и русском сленге на материале имен существительных. Представлена продуктивность отдельных способов обоих видов деривации.

Ключевые слова: семантическая деривация; морфологическая деривация; продуктивность; сленг.

PRODUCTIVITY OF SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL DERIVATION IN AMERICAN AND RUSSIAN SLANG

The paper deals with the correlation of semantic and morphologic derivation in American and Russian slang on the basis of nouns. The productivity of individual types of the analyzed types of derivation is presented.

Key words: semantic derivation; morphological derivation; productivity; slang.

Процесс номинации сопряжен с выбором номинативных способов, наиболее подходящих для решения поставленной задачи. При этом, как известно, в качестве материала в первую очередь используются уже существующие в языке лексические единицы. Привлечение внутренних ресурсов языка в процессе номинации осуществляется либо путем морфологической

деривации, или словообразования, либо с помощью семантической деривации. Хотя оба вида деривации не раз становились объектом исследовательского интереса, вопрос о специфике их соотношения остается нерешенным не только для литературного языка, но и для субстандартных подсистем. Исследование соотношения семантической и морфологической деривации для субстандарта, и, в частности, для такой его области, как сленг, представляется особенно актуальным в силу вторичности субстандарта как номинативной системы, что имеет своим результатом особый номинативный статус многих сленгизмов (не номинация, а скорее реноминация понятий, уже получивших обозначение в литературном языке), и, как следствие, иную иерархию номинативных задач. Все вышесказанное предопределило выбор сленга в качестве объекта исследования.

Исследователи не раз отмечали неидентичность номинативных систем разных языков, поэтому наиболее плодотворным нам видится сопоставительный анализ на материале неблизкородственных языков, что позволит определить закономерности соотношения обоих видов деривации, обусловленные как спецификой сленга, так и системой конкретного языка. Таким образом, цель данного исследования заключается в установлении продуктивности семантической и морфологической деривации в американском и русском сленге. Материалом исследования послужили имена существительные как самый многочисленный из всех лексико-грамматических классов в сленге (13 352 имени существительных в американском и 21 285 имен существительных в русском сленге), отобранных методом сплошной выборки из словарей американского [1] и русского сленга [2].

Под продуктивностью способа номинации понимается его количественная характеристика: способ продуктивен, когда с его помощью в языке созданы сотни производных [3, с. 21] (таблица 1).

Т а б л и ц а 1

Продуктивность морфологической и семантической деривации
в американском и русском сленге

морфологическая деривация	способ	американский сленг (%)	русский сленг (%)
	аффиксация	9,1	37,3
	сложение	32,6	6,2
	сокращение	6,2	4
	конверсия	11,2	3,7
семантическая деривация	метафора	30,2	38,9
	метонимия	7,9	8,6
	расширение значения	1,8	0,9
	сужение значения	1	0,4
итого		100	100

Таким образом, к продуктивным способам можно отнести сложение (*funny house* ‘an insane asylum’ – смешной дом ‘психиатрическая больница’; *bamboo juice* ‘wine’ – ‘вино’; *army strawberries* ‘prunes’ – ‘чернослив’) и метафору (*sock* ‘a stupid person’ – носок ‘глупый человек’; *blanket* ‘a pancake’ – одеяло ‘блин’; *headlight* ‘an egg’ – фара ‘яйцо’) в американском сленге; метафору (*землеройка* ‘работница овощной базы’; *канарейка* ‘желтая милицейская машина’; *сплетница* ‘доска объявлений’) и аффиксацию (*таблеточник* ‘врач’; *гляделка* ‘зеркало’; *гонялка* ‘расческа’) в русском сленге. Общим продуктивным способом семантической деривации является метафора, что обусловлено, с одной стороны, универсальностью метафоры, и, с другой стороны, метафоричностью сленга как номинативной системы. Ведущие позиции остальных способов морфологической деривации (сложения в американском и аффиксации в русском сленге) обусловлены типологическими особенностями анализируемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wentworth, H., Flexner, S. B. A dictionary of American slang : 2nd ed. N. Y. : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. 766 p.
2. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 720 с.
3. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование. М. : Наука, 1965. 77 с.

УДК 81'42

П. П. Глазко, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: pavel.glazko@hotmail.com

P. P. Glazko, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: pavel.glazko@hotmail.com

ОЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЖАНРАХ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА США

Рассматривается корреляция лексико-стилистических приемов и соответствующих им контекстуальных оценочных значений в жанрах блог и колонка американского медиадискурса.

Ключевые слова: экспрессивность; оценка; стилистика; медиадискурс; сопоставительный анализ.

EVALUATIVE MEANING OF LEXICAL STYLISTIC DEVICES IN PERSONAL GENRES OF THE US MEDIA SPACE

The study elucidates the correlation between the lexical stylistic devices used in blogs and columns of American media discourse and their corresponding contextual evaluative meanings.

Key words: expressiveness; evaluation; stylistics; media discourse; comparative analysis.

В контексте «медийного поворота» и дигитализации языка актуальным становится изучение функционирования экспрессивных средств в медийной сфере [1], с каждым днем приобретающей все большую популярность в качестве новой коммуникативной платформы и основного источника информации, развлечения и знаний об окружающем мире [2, с. 19–23; 3]. В этой связи актуальным представляется исследование особенностей языкового выражения авторской субъективности в различных медийных жанрах.

Цель нашего исследования состоит в выявлении корреляции между лексико-стилистическими средствами и контекстуально проявляющимися в них оценочными значениями (положительное – отрицательное) в жанрах американского медийного пространства. Материалом исследования послужили тексты в жанрах *колонка* и *блог*, опубликованные разными авторами на личных сайтах (*becomingminimalist.com*, *gretchenrubin.com*, *tracysnewyorklife.com*) и в периодических изданиях (*The New York Times*, *New York Post*) в 2020–2021 гг. и отобранные для анализа методом сплошной выборки.

Количественные результаты лингвостилистического анализа, проведенного с опорой на контекст и словарные дефиниции, отражены в следующей таблице, где для каждого стилистического приема в процентном выражении указано число случаев его употребления с положительным либо отрицательным значением:

	Блог		Колонка	
	Оценочное значение, %		Оценочное значение, %	
	Положительное	Отрицательное	Положительное	Отрицательное
Метафора	53	47	14	86
Эпитет	62	38	21	79
Сравнение	0	100	0	100
Гипербола	27	73	4	96
Идиомы	13	87	28	72

Так, в случае метафоры, эпитета и гиперболы наблюдается явное усиление отрицательного оценочного значения данных лексико-стилистических приемов при их реализации в жанре колонки (*our shapeless culture* ‘наша бесформенная культура’; *it poisons family culture* ‘это отравляет культуру семьи’) в сравнении с жанром блога, в котором те же приемы функционируют преимущественно с положительным оценочным значением (*laughter binds people together* ‘смех связывает людей’; *There are an infinite number of possibilities for living a well lived life* ‘Есть бесконечное количество возможностей прожить хорошую жизнь’). Сравнения и идиомы используются

в обоих исследуемых жанрах главным образом с отрицательным оценочным значением (*We swarm around like zombies on auto-pilot* ‘Мы плетемся толпами, как зомби на автопилоте’; *I don't get much of a kick from visiting new restaurants* ‘Я не нахожу особого удовольствия в посещении новых ресторанов’).

По итогам исследования также установлено, что жанру блога, по сравнению с колонкой, свойственно большее разнообразие сочетаний стилистических приемов лексического уровня и интенсифицируемых ими оценочных значений. В частности, в блогах имеет место стилистическое представление отрицательных по своему характеру явлений в свете положительной оценки; усиление отрицательного оценочного значения при описании явлений, традиционно воспринимаемых как положительных; реализация как положительной, так и отрицательной оценки конкретного явления в пределах одного текста; смещение акцента с положительной/отрицательной оценки какого-либо явления на противоположный тип оценочного значения в рамках развернутой метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Welbers K., Opgenhaffen M. Presenting News on Social Media // Digital Journalism. 2018. № 7 (1). P. 45–62.
2. Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик : коллектив. моногр. / ИЯ РАН Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2020. 330 с.
3. Клушина Н. И. Медиастилистика и эмотивная лингвистика // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2019. № 1 (134). С. 158–161.

УДК 811.161

Е. В. Глинка, к.филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

email: AlenaGlinka@yandex.ru

A. V. Glinka, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

email: AlenaGlinka@yandex.ru

ФУНКЦИИ СИНОНИМОВ В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Исследование посвящено функционированию синонимов в медиадискурсе современной белорусской прессы и выявлению их прагматических особенностей.

Ключевые слова: медиатекст; синонимы; семантика; оценочность; прагматика.

THE FUNCTIONS OF SYNONYMS IN BELARUSIAN PRINTED MEDIA

The research deals with the functioning of synonyms in contemporary Belarusian media discourse and reveals their pragmatic peculiarities.

Key words: media text; synonyms; semantics; evaluation; pragmatics

В связи с выделением медиадискурса как отдельного типа дискурса [2, с. 23], характеризующимся специфическим отбором языковых средств, представляется необходимым и перспективным исследование типологических групп лексики, выделяемых на основе парадигматических отношений, в дискурсивной практике медиаречи. Этим обусловлен выбор темы: наблюдение и исследование функционирования синонимов в текстах современной белорусской прессы с целью выявления особенностей и специфики их использования. Материалом для исследования послужили государственные печатные СМИ за период 2021 года (газеты «Беларусь сегодня», «Рэспубліка» и «Звязда»). Анализировались журналистские тексты, в которых методом сплошной выборки выявлялись синонимы глаголов речи, их семантические особенности в контексте и прагматические функции.

Спецификой медиатекста является оценочность. Социально значимые события, поступки, личности оцениваются в системе ценностей определенной социальной группы или с точки зрения власти. Для более яркого выражения оценочности в медиатексте часто используются окказиональные синонимы, семантическое сближение которых обусловлено контекстом. С помощью синонимов в медиадискурсе формируется система оценок события. Выбор синонима обусловлен авторской позицией. Одним из способов имплицитного выражения оценки служит выбор синонима, намеренно или случайно заменяющий нейтральное по смыслу слово на коннотативно расширенное. К примеру, нейтральные глаголы *сказал* и *сообщил* часто заменяются синонимами с дополнительными коннотациями: *признал*, *допустил*, *предположил* и т. п., в которых основная семантика дополнена значениями вынужденности, неуверенности, сомнительности.

В рамках нашего исследования мы рассмотрели функционирование глаголов речи, предваряющих авторскую цитату в официальной хронике и в авторских аналитических статьях.

Семантическим ядром глаголов речи являются парные по виду лексемы *говорить* и *сказать*. В Словаре синонимов [1] выделяется множество разностилевых лексических единиц, синонимичных данным глаголам. Так, глагол *говорить* имеет 4 основных значения: 1) «высказываться»; 2) «произносить»; 3) «беседовать»; 4) «доказывать», из которых первые два обозначают сам процесс произнесения и передачи информации, а 3 и 4 – специфику речевого акта. Большинство синонимов относится к значениям «высказываться» и «произносить». Синонимы характеризуют процесс говорения с точки зрения манеры речи, смысловой наполненности и других характеристик с точки зрения ситуации общения и оценки. Глагол *сказать* обозначает предельность и законченность действия, выражая значения «выразиться», «произнести» и характеристики особенностей речи.

Не все из словарных синонимов уместны в медиадискурсе с точки зрения стилистики (многие лексемы имеют разговорную и просторечную окраску, архаичны и употребляются в ироничном смысле). Но в медиатексте синонимический ряд глаголов речи существенно расширен исходя из задач

выражения дополнительных смыслов и оценки. Наряду с семантически нейтральными, перформативными *сказать, сообщить* употребляются конкретизирующие, описывающие разнообразные типы речевых действий: *подчеркнуть, констатировать, напомнить, отметить, уточнить, затронуть тему, привести цифры, раскрыть карты, растлумачыць, дадаць, звярнуць увагу, удакладніць, назваць* и др. Все эти синонимы глаголов речи связаны с прагматикой и позволяют выразить семантические особенности высказывания: дополнение, напоминание о ранее сказанном, уточнение, объяснение и т. п., а также внести оценочность: например, *раскрыть карты* – сделать явным то, что скрывалось. Коммуникативное воздействие на сознание может осуществляться в результате выбора точного синонима (*сказать – заверить – допустить – предположить*).

С помощью синонимов в медиадискурсе осуществляется процесс оценивания определенного фрагмента действительности в соответствии с авторской интенцией и отношением к изложенным фактам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. М. : «Русский язык», 1975.
2. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : ФЛИНТА, 2018.

УДК 81'373.217 (045)

Н. В. Дардыкова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: n.dardykova@gmail.com

N. V. Dardykova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: n.dardykova@gmail.com

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *İŞTE* В СТРУКТУРЕ ТУРЕЦКОГО УСТНОГО ДИСКУРСА

В работе на материале разговорного подкорпуса Национального корпуса турецкого языка выявляются два семантических эффекта, присущих дискурсивному маркеру *işte* 'вот'.

Ключевые слова: дискурсивные слова, устная речь, корпус текстов, семантический эффект, турецкий язык.

THE DISCOURSE MARKER *İŞTE* IN THE STRUCTURE OF THE TURKISH VERBAL DISCOURSE

The paper based on the material of the spoken subcorpus of the Turkish National Corpus deals with the two semantic effects of the discourse marker *işte* 'here'.

Key words: discourse words, spoken language, text corpus, semantic effect, Turkish.

Под дискурсивными маркерами (дискурсивными операторами, коннекторами) понимаются незначительные слова, словосочетания, речевые обороты и выражения, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом [1, с. 390]. Дискурсивные маркеры имеют разный потенциал прагматикализации, то есть разную способность сохранять единый семантический инвариант в различных контекстах, именно этот факт стал критерием отбора материала для анализа.

Источником материала стал разговорный подкорпус Национального корпуса турецкого языка (начиная с 2000 года) [2]. Анализ выполнялся в рамках более широкого исследования турецкой частицы *işte* 'вот': отбирались те контексты, в которых *işte* 'вот' используется изолированно, как отдельная регуляторная единица, обеспечивающая связь между несколькими фрагментами дискурса (83 контекста из 4048 вхождений всего). Интерпретация семантики позволила выявить два типа семантических эффектов, мотивированных прототипическим значением *işte* 'вот' и контекстом коммуникативной ситуации.

Прототипическим для *işte* 'вот' является указывающее значение (наблюдается в пятой части контекстов). При этом указание делается на что-то находящееся не только в пределах досягаемости или видимости говорящего, но и в некотором отдалении:

Исходный текст

A: Bak, neredede yengeç?
B: İşte.
A: Kumun altında mı?
B: Evet.

Перевод

A: Ищи, где краб?
B: Вот.
A: В песке?
B: Да.

Доминирующим в нашей выборке (две трети контекстов) стало употребление *işte* 'вот' в качестве маркера согласия, подтверждения достоверности сказанного:

Исходный текст

A: Yine de kazamışlar yani.
B: İşte.
A: Sıka sıkı oraya kadar.

Перевод:

A: Они снова победили.
B: [Да] вот [так].
A: У любого терпения есть предел.

В остальных случаях было зафиксировано использование *işte* 'вот' для самоидентификации говорящего:

Исходный текст

A: İbrahimcim!
B: İşte.
A: Canım.

Перевод:

A: Ибрагимчик!
B: Вот [он я].
A: Мой дорогой.

Таким образом, даже на нашем ограниченном материале заметно, что *işte* 'вот' частично утрачивает свое исходное лексическое значение указания

на предмет (десемантизируется) и приобретает новое прагматическое значение согласия. Прагматикализация может быть обусловлена действием логического вывода, когда говорящий как бы указывает на то, что факты уже известны слушателю. В свою очередь, употребление *işte* 'вот' в качестве маркера самоидентификации может трактоваться как случай метонимии, когда указание на место реинтерпретируется в указание на субъекта действия (говорящего).

ЛИТЕРАТУРА

1. Подлесская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1610/60.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).
2. Turkish National Corpus=Türkçe Ulusal Derlemi. URL: <https://www.tnc.org.tr> (дата обращения: 11.06.2021).

УДК 811.111'37 (045)

*И. В. Дмитриева, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: diva206@mail.ru*

*I. V. Dmitrieva, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: diva206@mail.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКОГО ПОСЕССИВА В СОЧЕТАНИИ С ДЕВЕРБАТИВОМ

Рассматриваются лингвистические основания к определению актуализируемого значения посессива (генетива) в сочетании с отглагольным существительным.

Ключевые слова: посессив; девербатив; пропозиция; семантический субъект.

SEMANTIC POTENTIAL OF THE ENGLISH NOUN IN THE POSSESSIVE CASE USED WITH A DEVERBAL NOUN

The paper deals with the linguistic grounds for identifying the particular meaning of a noun in the possessive case (genitive) when used as a subordinate element to a deverbal noun.

Key words: possessive case (genitive); deverbal noun; proposition; semantic subject.

Общей тенденцией развития значений форм категории падежа английского существительного является расширение семантики посессива, когда значение обладания, принадлежности является лишь одним из возможных и, как показало исследование на материале газетных статей, не самым частотным. Существующие классификации значений посессива связаны либо с функциональным потенциалом этой формы (классифицирующий / дескрип-

тивный или конкретизирующий / специфицирующий), либо с ее семантическим вариантом (собственно посессивный, субъектный, объектный и т. д.). При этом остаются недостаточно эксплицированы лингвистические основания, по которым тому или иному употреблению приписывается то или иное значение. Представляемое исследование является попыткой частично формализовать критерии определения семантики посессива, выступающего в качестве зависимого элемента при отглагольном существительном. Анализ таких словосочетаний с учетом валентности производящего глагола-основы девербатива дает возможность выявить потенциальную связь между актуализируемым значением посессива и характеристиками глагола-основы девербатива. Девербативы часто рассматриваются в лингвистике как единицы пропозитивной семантики, которые способны участвовать в вербализации свернутых пропозиций. Трансформационная процедура развертывания, т. е. восстановления свернутой пропозиции, показывает, какую из номинативных или сирконстантных позиций занимает в ней посессив, что, в свою очередь, позволяет объективировать приписываемые ему значения.

На данном этапе исследования установлено, что, будучи использованы с девербативами, образованными от ментальных глаголов или глаголов речевой деятельности, посессивы в подавляющем большинстве употреблений (76–100 %) реализуют значения семантического субъекта или экспириенсера (субъект ментальной деятельности). Так, в примере *The American president's statement that his country was no more exceptional than any other...* девербатив *statement* образован от глагола речевой деятельности *state*, который является двухвалентным и предполагает наличие субъекта и объекта-вербиажа в качестве номинативных компонентов потенциальной пропозиции: *smb state smth*. Восстановление свернутой пропозиции с использованием эксплицированных в исходном употреблении элементов позволяет получить структуру *The American president stated that his country was no more exceptional than any other*. Как видно, существительное в притяжательном падеже занимает позицию семантического субъекта в восстановленной структуре, что позволяет говорить об актуализации значения субъекта в исходном употреблении. Существенным маркером является также то, что объект-вербиаж подобных семантических предикатов служит номинации не участника ситуации, как некой отдельной сущности, а включенной пропозиции. Как следствие существительное в притяжательном падеже может выражать исключительно семантический субъект. Отмечено, что актуализация значения семантического субъекта является доминирующей (100 %) при употреблении посессива с девербативами, образованными от глаголов вербальной или ментальной деятельности при помощи суффиксов *-ing* и *-ance / -ence*. Употребления с девербативами, образованными при помощи других суффиксов, демонстрируют определенную вариативность, которая связана во-первых, с валентностью глагола-основы и, во-вторых, с наличием у девербатива других зависимых слов кроме существительного в притяжательном падеже.

Наибольшая вариативность реализуемой семантики посессива отмечена при их употреблении с отглагольными существительными, образованными от большой группы глаголов материальных действий. Притяжательный компонент в развернутой конструкции выступал в качестве субъекта в 40% употреблений, в качестве объекта – в 28,8 %; реализовывал локативное или темпоральное значение – в 26 % и 4,4 %, соответственно, а в четырех употреблениях (0,8 %) семантический потенциал посессива можно было оценить как семантическую роль бенефицианта. Дальнейшая конкретизация ожидаемой семантики посессива станет возможна при проведении внутренней дифференциации девербативов, образованных от материальных глаголов. Также перспективным представляется более системный анализ взаимосвязи реализуемого значения посессива с типом словообразовательного суффикса девербатива.

Результаты данного этапа исследования позволяют сделать вывод о том, что актуализация определенного значения посессива, использованного в словосочетании с отглагольным существительным, зависит от трех сопряженных факторов: валентность производящей основы девербатива, семантический тип свернутого предиката, количество синтаксически зависимых элементов в окружении девербатива.

УДК 81:061.2/.3

*О. В. Дони́на, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: olga-donina@mail.ru*

*O. V. Donina, Cand. Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: olga-donina@mail.ru*

НЕОЛОГИЗМЫ XXI ВЕКА В ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются возможности применения корпусов как для количественного и качественного анализа изменений в языке, так и для выявления диалектных особенностей вариантов АЯ.

Ключевые слова: неологизмы; варианты английского языка; корпусная лингвистика.

NEOLOGISMS IN ENGLISHES

The usage of corpora for the quantitative and qualitative analysis of neologisms in Englishes is presented.

Key words: neologisms; Englishes; corpora studies.

В рамках доклада предлагается рассмотреть возможности корпусов четвертого поколения на примере корпуса новостного интернет-дискурса М. Дэвиса NOW ('News On the Web') [<http://corpus.byu.edu/now/>] для прове-

дения исследования новообразований в английском языке. Для достижения цели была предпринята попытка провести качественный и количественный анализ употребления неологизмов в новостном дискурсе 20 вариантов английского языка (Великобритании, США, Австралии, Канады, Бангладеш, Индии, Пакистана, Сингапура, Ямайки, Малайзии, ЮАР, Гонконга, Нигерии, Ирландии, Кении, Шри-Ланки, Ганы, Новой Зеландии, Филиппин, Танзании) за последние 10 лет.

Исследование проведено на выборке из 140 новообразований. Лексические образования, появившиеся в английском языке за последнее десятилетие (согласно WordSpy.com), приведены в соответствие с основными способами пополнения словаря (см., например, [1; 3; 4] и др.). Рассчитав относительную частоту употребления неологизмов по способам пополнения словаря в корпусе NOW, мы получили следующие данные: доля сокращений составила 37 %, словосложения – 25 %, заимствования – 17 %, аффиксации – 17 %.

Анализ частоты употребления неологизмов по способам пополнения словарного состава английского языка позволил установить тенденцию стабильного (как плавного, так и скачкообразного) увеличения частоты употребления всех рассмотренных новообразований за последние 10 лет. Была оценена динамика употребления материала выборки по способам пополнения словарного состава по годам. Выявлено, что распределение частоты употребления неологизмов по годам не является равномерным, однако частота их коммуникативного обращения в целом имеет тенденцию к росту.

Мы также воспользовались возможностью корпуса сопоставить различные варианты английского языка и проанализировать представленность в них неологизмов. На основании частотности употребления новообразований были выявлены ядро и периферия данного поля лексики с разбивкой по вариантам английского языка и по ареалам (выделенным при помощи кластеризации методами Data Mining [2]) и по кругам Б. Качру [5].

В теории «Трех concentрических кругов» Б. Качру внутренний круг называют «нормообеспечивающим», внешний круг – «норморазвивающим», а расширяющийся круг – «нормозависимым». Согласно авторской теории новые явления в языке, получающие постепенную кодификацию и оказывающие постепенное воздействие на варианты других кругов, выявляются, прежде всего, в так называемых «новых» (в основном постколониальных) вариантах английского языка внешнего круга.

Анализ распределение неологизмов по ареалам и по кругам Б. Качру показал, что ядром инноваций является азиатский ареал (38 %), который относится к внешнему кругу. Помимо азиатского ареала к внешнему кругу принадлежат африканский и карибский ареалы. Однако по результатам нашего исследования лексические новообразования, начинающие свое вхож-

дение в язык в вариантах нормообеспечивающего круга, (американский, европейский и австралийский ареалы) получают большее распространение, чем новые слова в вариантах английского внешнего круга. При этом варианты АЯ Гонконга и Сингапура, которые принадлежат к азиатскому ареалу, действительно можно считать «норморазвивающими», поскольку в них, по результатам проведенного исследования, наблюдается максимальная частота употребления неологизмов. Что, возможно, связано с тем фактом, что Сингапур занимает лидирующие позиции в рейтинге инноваций и здесь высока частотность применения новообразований, связанной с тематикой технологий, а Гонконг старается стать сердцем крипто-арены в Азии; здесь встречаются многочисленные начинающие компании и криптовалютные биржи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учебник для институтов и факультетов иностранных. М. : Издательство Флинта, 2012. 376 с.
2. Дони́на О. В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Воронеж, 2016. 533 л.
3. Харитончик З. А. Хрестоматия по лексикологии английского языка. / МГЛУ. Минск : 2005. 185 с
4. Ginzburg R. S. Course in Modern English Lexicology. М. : Высшая школа, 1979. 269 p.
5. Kachru B. B. The handbook of world Englishes. Oxford : Blackwell, 2006. 832 p.

УДК 81'367.625:(811.161.1+811.58)

Цзюньфэй Дун, аспирант

*Белорусский государственный педагогический университет, Минск, Беларусь
e-mail: dongjunfei5@gmail.com*

Junfei Dong, Postgraduate Student

*Belarussian State Pedagogical University, Minsk, Belarus
e-mail: dongjunfei5@gmail.com*

РУССКИЕ ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИХ ПЕРЕВОД НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ КОННОТАЦИЙ

Рассматривается специфика эмотивных глаголов религиозного происхождения в русском языке с точки зрения культурных коннотаций и проблемы их эквивалентности и безэквивалентности при переводе на китайский язык.

Ключевые слова: эмотивные глаголы; культурные коннотации; религиозная лексика; русский язык; китайский язык; межкультурная коммуникация.

EMOTIVE VERBS OF RELIGIOUS ORIGIN IN RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF CULTURAL CONNOTATIONS

The specificity of emotive verbs of religious origin in the Russian language is considered in terms of cultural connotations and the problem of equivalence and non-equivalence when translated into Chinese.

Key words: emotive verbs; cultural connotations; religious lexis; Russian; Chinese; intercultural communication.

Религия и мифология являются неотъемлемой частью культуры любого народа. Китайская культура представляет собой синкретичное сочетание трёх религий – конфуцианства, даосизма и буддизма. При этом ни одна из данных религий не является монотеистичной. Восточнославянская культура неотделима от христианства. Современный образованный китаец имеет определённые представления о христианстве, однако его понимание христианской культуры всё же остаётся поверхностным. Поэтому при переводе соответствующей лексики невозможно добиться полной эквивалентности: в сравнении с китайским языком эмотивные глаголы религиозного происхождения являются либо частично эквивалентными, либо безэквивалентными.

Русский глагол **каяться**, согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, имеет два значения: 1. На церковной исповеди признаваться в своём грехе (грехах) (обычно о тяжёлом грехе, требующем искупления); 2. Сожалея, признавать свою ошибку, вину [1]. При переводе на китайский язык данных значений необходимо использовать разные знаки: 1. 后悔, 懊悔 ‘сожалеть, раскаиваться’ и 2. 忏悔 ‘исповедоваться, каяться’ (буддийский термин). При этом глагол 后悔 в самом общем смысле имеет значение ‘сожалеть’, например: 我后悔早上没喝茶 (букв. Я жалею, что утром не попил чая). Степень эмоциональности в русском глаголе **каяться** значительно выше, чем в китайском глаголе 后悔. Кроме того, русский глагол подразумевает просьбу о прощении (изначально – прощение Бога, а далее с приобретением переносного значения – любое прощение). Эмоции, заключённые в буддийском термине 忏悔 по своей семантической значимости эквивалентны русскому глаголу **каяться**, который с течением времени также начал использоваться в переносном значении, например: 我每天都在我妻子面前为我的谎言忏悔 (букв. Я каждый день каюсь перед женой за свою ложь). Однако эквивалентный перевод русской фразы *Каюсь, виноват!* Невозможен, т.к. по-китайски это выражение будет звучать как 很抱歉, 是我的过失 (Простите, я ошибся), т. е. глагол 抱歉 употребляется в значении ‘просить’

прощение'. Таким образом, глагол 忏悔 по значению близок русскому глаголу *каяться*, но не имеет ярко выраженной просьбы о прощении, поэтому является частично эквивалентным.

Еще пример. Русский глагол *возлюбить* в значении 'проникнуться любовью к кому-либо' на китайский язык можно перевести с помощью глаголов 爱上 'полюбить, влюбиться' и 喜欢 'нравиться'. Однако русский глагол в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова имеет пометы «книжное», «устаревшее» [1], а в переводном китайском словаре он отмечен как общеупотребительный. В современном русском языке употребление церковнославянизмов, в частности глаголов с приставкой *воз-*, придаёт языку торжественность и серьёзность. Одна из самых известных цитат Евангелие «Возлюби ближнего своего, как самого себя» в китайском языке имеет устойчивый перевод 要爱人如己 (букв. 'нужно любить людей как себя'). При этом глагол 爱 стилистически нейтральный, лишённый какой-либо торжественности и, в отличие даже от глагола 爱上 (*полюбить*), не имеет значения начала действия.

Глагол *перекрестить* имеет следующие значения: 1. У христиан: совершить (-шать) над кем-н. обряд (таинство) приобщения к церкви и наречения личного имени. 2. Быть крёстным отцом, крёстной матерью. 3. Осенять крестным знаменем, делать молитвенный жест – знак креста [1]. При переводе на китайский используется значительно большее количество знаков: 母亲吻了儿子并画十字为他祝福 (*Мать поцеловала сына и перекрестила (нарисовала крест), чтобы пожелать ему счастья*).

Глагол *распять* в русском языке обозначает 'пригвоздить руки и ноги к кресту' и 'причинить моральные страдания; замучить'. На китайский язык значения будут переведены так: 1. 把...钉于十字架上 'пригвоздить к кресту'; 2. 精神上折磨 'духовно, морально мучить'. При переводе переносного значения необходимо использовать семантически нейтральное слово *мучить*, в противном случае китаец поймёт ситуацию буквально.

Таким образом, эмотивные глаголы религиозного происхождения особенно трудны для перевода на китайский язык в силу огромной разницы культурных коннотаций, а также отсутствия у переводчиков глубоких фоновых знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : 1997. 944 с.
2. БКРС. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 25.04.2021).

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДЛОГОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Представлены результаты изучения связи пространственного и непространственных значений многозначных предлогов английского языка, обозначающих отношение исключения. Установлен семный состав пространственного значения изучаемых предлогов.

Ключевые слова: предлоги; семантика; пространственные отношения; непространственные отношения; исключение.

SEMANTIC POTENTIAL OF PREPOSITIONS DENOTING EXCLUSION IN ENGLISH

The paper presents the results of a study of the spatial and non-spatial meanings of polysemantic English prepositions that denote exclusion. The semantic composition of the spatial meaning is established.

Key words: prepositions; semantics; spatial relations; non-spatial relations; exclusion.

Семантический потенциал слов, в том числе предлогов, обусловлен совокупностью их значений, которые они могут выражать. Данная статья освещает результаты исследования значений многозначных предлогов, обозначающих отношения исключения в английском языке, и связей их пространственного и непространственных значений.

Для выявления типов связей между значениями изучаемых предлогов нами устанавливался семный состав пространственного значения. Раскрытие связей между пространственным и непространственными значениями рассмотренных предлогов проводилось на основе анализа связи отдельных сем пространственного значения с непространственными значениями.

Для обозначения отношения исключения, т. е. указания на нахождение локализуемого объекта во внешнем регионе релятума, в английском языке используются предлоги *outside*, *out of*, *beyond*², обозначающие 'вне, снаружи'. В ходе работы были выявлены семы, входящие в состав пространственного значения рассмотренных предлогов. Их семантическую структуру образуют комбинации сем ИСКЛЮЧЕНИЕ и ДИРЕКЦИОНАЛ, последняя может быть обязательной (+ДИРЕКЦИОНАЛ) или исключаться (-ДИРЕКЦИОНАЛ).

² Предлог *beyond* в данной работе в значении «позади» не рассматривается.

Предлоги *outside, out of, beyond* способны реализовать по 2 комбинации сем. Они обнаруживают такие комбинации, как ИСКЛЮЧЕНИЕ и -ДИРЕКЦИОНАЛ (например, *Mr Green is out of town*³ 'Мистера Грина нет в городе'), ИСКЛЮЧЕНИЕ и +ДИРЕКЦИОНАЛ (например, *I stepped outside the marquee* 'Я вышел из шатра', *The sun was going low beyond the trees* 'Солнце садилось за деревья').

Установлено, что семы ИСКЛЮЧЕНИЕ и -ДИРЕКЦИОНАЛ проецируются на непространственные значения рассмотренных предлогов. Так, в семантику предлога *outside* входят такие непространственные значения, как темпоральное значение, значение части-целого и значение лишения, образованные путем метафорического переноса пространственного значения. Например, темпоральное значение предлога *outside* можно проиллюстрировать примером *They are open outside normal daily banking hours* 'Эти банки открыты во внеурочное время' дословно 'Они открыты вне обычных банковских часов'. Известно, что временные отрезки функционируют как «контейнеры» для действий, описываемых с их помощью. Точно так, как действие может происходить «внутри контейнера», точно так оно может происходить и вне его.

В семантику предлога *out of* входят такие непространственные значения, как значение происхождения и причины, значение состояния и значение выбора из группы, также образованные путем метафорического переноса пространственного значения. Так, в значении выбора из группы, если представить некую группу в качестве «контейнера» для ее составляющих, то изымание составляющих частей группы будет подобно отношению исключения локализуемого объекта из пространства релятума, например: *Two out of three think he should resign* 'Двое из трех считают, что он должен уйти в отставку'.

Проецирование семы +ДИРЕКЦИОНАЛ на непространственные значения наблюдается только у предлога *out of*. Так, в значении состояния, которое можно проиллюстрировать примером *This whole situation is getting out of control* 'Вся эта ситуация выходит из-под контроля', наблюдается перемещение ситуации из состояния «под контролем» в состояние «не под контролем».

В семантику предлога *beyond* входят такие непространственные значения, как темпоральное значение, значение состояния и значение лишения, также образованные путем метафорического переноса пространственного значения. Так, в значении лишения в примере *He was too arrogant to notice anything beyond her refusal to talk* 'Он был слишком высокомерен, чтобы замечать что-либо, кроме ее отказа говорить', если рассматривать некоторые факты, которые человек может отмечать в других, как «контейнер» с разными составляющими, будто манера говорить, тон голоса и т. п., то в случае выше мы наблюдаем выделение одной из таких составляющих — отказа говорить.

³ Здесь и далее примеры приводятся из Oxford English Dictionary (lexico.com).

Таким образом, в ходе исследования был установлен семный состав пространственного значения английских предлогов, обозначающих отношение исключения. Выявлено, что комбинация сем ИСКЛЮЧЕНИЕ и -ДИРЕКЦИОНАЛ проецируется на все непространственные значения предлогов, тогда как комбинация ИСКЛЮЧЕНИЕ и +ДИРЕКЦИОНАЛ обнаружена только в значении состояния предлога *out of*. Непространственные значения предлогов исключения образованы в результате метафорического переноса их пространственного значения. Изучение значений, их связей и типов в других подгруппах предлогов и их последующее сопоставление станет предметом наших дальнейших исследований.

УДК 81'42.

А. В. Жупинская, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: annzup@mail.ru

A. V. Zhupinskaya, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: annzup@mail.ru

ЭКСПЛИЦИТНЫЙ ОТКАЗ ОТ ОТВЕТА КАК ТАКТИКА ЗАЩИТЫ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматриваются основные характеристики эксплицитного отказа от ответа. Анализируются способы выражения мотивировки отказа и ее соотношение с модальностью высказывания.

Ключевые слова: интервью; тактики защиты; модальность; мотивировка.

EXPLICIT REFUSAL AS A PRIVACY DEFENSE TACTIC

The main approaches are to study features of a refusal to answer a question and to analyze its modal and motivation characteristics.

Key words: interview; defense tactics; modality; motivation.

Провокационный стиль ведения интервью, в последнее время набирающий все большую популярность в СМИ, предполагает, в том числе, и использование стратегии нарушения границ личного пространства интервьюируемого. В подобных случаях закономерной реакцией адресата является использование различных защитных тактик, к которым относится и эксплицитный отказ от ответа. И хотя специфика медийного дискурса вносит определенные коррективы в реализацию защиты личного пространства

(предпочтение отдается не столь прямым и более кооперативным тактикам – смене темы, неполному ответу и др.), эксплицитный отказ от ответа остается достаточно востребованной тактикой защиты.

Цель данной работы заключается в выявлении основных характеристик отказа от ответа как тактики защиты личного коммуникативного пространства в англо- и русскоязычном медийном интервью. Материалом исследования послужили около 40 фрагментов интервью, содержащих вторжение в личное пространство (реплика определялась как нарушающая границы личного пространства на основе тематического критерия [1; 2]), а основным методом – контекстуальный анализ.

Согласно полученным данным, эксплицитный отказ от ответа обладает приблизительно равной употребительностью в англо- и русскоязычных интервью и может быть охарактеризован с учетом таких параметров, как структура отказа и вербальная манифестация ее компонентов, а также комбинаторных способностей тактики

Канонический вариант эксплицитного отказа от ответа представляет собой двухкомпонентную структуру, включающую собственно отказ и его мотивировку, при этом в каждой конкретной коммуникативной ситуации актуализация сразу обоих компонентов необязательна:

- *Ну, я не хочу говорить число <девушек>, честно.* (Ю. Дудь – Е. Баженов) (актуализирован только собственно отказ);
- *I don't remember <favourite co-star>* (L. King – A. Hopkins) (актуализирована только мотивировка);
- *Поскольку она <жена М. Таривердиева> жива, и ей может быть неприятно, давайте эту тему закроем. Вот и все* (Ю. Меньшова – Л. Максакова) (актуализированы оба компонента).

Собственно отказ независимо от наличия мотивировки может быть обогащен модальными компонентами, выражающими волитивное (*не хочу / хотел бы отвечать, don't / wouldn't like to, don't want to, don't wish to* и т. д.), алетическое (*не могу, can't*) или деонтическое (*не должен, haven't got a right to* и др.) значение.

Следует отметить, что и в англо-, и в русскоязычных интервью доминирует мотивированный вариант отказа от ответа. Немотивированный отказ представлен гораздо шире в русскоязычных интервью и практически не используется англоязычными интервьюируемыми.

Для более убедительного обоснования отказа интервьюируемыми зачастую используются комбинации тактик. В целом эксплицитный отказ от ответа (в первую очередь его мотивированная разновидность) является самой частотной тактикой в комбинациях, способной сочетаться практически со всеми защитными реакциями (сменой темы, неполным / неопределенным ответом, критикой вопроса/спрашивающего, переадресацией, отсылкой к прошлому / будущему и др.):

– Я дам тебе исчерпывающий комментарий по этому вопросу, но, чтобы они не звучали как мои личные слова, а как журналистское расследование, я не хочу сейчас ничего говорить (Ю. Дудь – К. Собчак) (отсылка к будущему + отказ от ответа);

– *I don't want to answer anyone who is impolite* (Р. Donahue – А. Rand) (отказ от ответа + критика спрашивающего).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс, О. С. Грани «приличного/неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Международной научной конференции, М., 23–24 окт. 2018 г. / Институт лингвистики РГГУ. М. : 2018. С. 94–103.

2. Фролова, О. Е. Жанровая невежливость (на примере интервью) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Международной научной конференции, М., 23–24 окт. 2018 г. / Институт лингвистики РГГУ. М. : 2018. С. 277–286.

УДК 811.161.1

О. В. Иванова, к. филол. н.

Нижегородский государственный лингвистический университет им.

Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

e-mail: olga-ivanova225@rambler.ru

O. V. Ivanova, Cand. Sc. (Philology)

Nizhniy Novgorod State Linguistic University, Nizhniy Novgorod, Russia

e-mail: olga-ivanova225@rambler.ru

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

В работе представлено описание лингвокультурологического словаря имен собственных Нижегородской области.

Ключевые слова: лингвокультурологический словарь; Нижегородская область; культурный код; имена собственные; зоны словарной статьи.

EXPERIENCE OF CREATING A LINGVOCULTUROLOGICAL DICTIONARY

The paper contains description of the Lingvoculturological Dictionary of Proper Nouns of Nizhny Novgorod region.

Key words: lingvoculturological dictionary, Nizhny Novgorod region, cultural code, proper nouns, zone of the dictionary entry.

Целью нашего исследования является создание лингвокультурологического словаря имён собственных Нижегородской области. Лингвокультурологические словари и справочники представляют культурные реалии, традиции и ценности народа через толкование значений лексических единиц.

Имена собственные как лингвистические единицы обладают значимым национально-культурным компонентом в своей семантике, являются отражением культурного кода жителей того или иного региона.

Нижегородская область – крупнейший регион Центральной России. Он имеет богатую историю и культуру, отличается уникальными природными объектами, местными промыслами и традициями. Однако топонимы и антропонимы в русском языке вызывают трудности в образовании грамматических форм и употреблении. Словарь может быть интересен для нижегородцев, кто интересуется родным русским языком, историей и культурой Нижегородского края, а также для гостей города. Создание словаря имеет цель помочь иностранным слушателям, изучающим русский язык, в усвоении имён собственных.

Необходимость обращения к указанной проблематике вызвана отсутствием подобных изданий. В лингвокультурологические словари (а такие издания единичны) включаются имена собственные, отражающие национально-культурные реалии, однако словарные статьи таких книг не содержат достаточной информации по культуре речи. Словари по ономастике предназначены для специалистов-филологов; кроме того, в них не всегда представляется возможным получить полную информацию об употреблении имен собственных в современной русской речи.

При отборе единиц словаря мы основывались не только на научной информации об именах собственных, но и на результатах опроса, проведенного среди нижегородцев. Именно по результатам данного опроса в словарь были включены такие единицы, как *Павлово* (город), *Канавино* (район города), *Тайницкая башня* (Кремль), *М. Богданович*, *В. Даль*, и другие имена собственные.

В разрабатываемом нами словаре имена собственные разбиты на несколько тематических групп: названия городов, названия городов на -о, названия сел, названия улиц и переулков Нижнего Новгорода, названия знаменитых мест Нижнего Новгорода, названия рек, озер, а также имена, отчества и фамилии. В пределах каждой тематической группы имена собственные систематизируются на основании их языковых особенностей. Так, среди названий улиц выделены наименования, выраженные субстантивированными прилагательными (*Почаинская*), существительными женского рода (*Звездинка*), существительными мужского рода (*Балчуг*), а также названия, представляющие собой сочетания слов (*Большая Печерская*, *Похвалинский съезд*).

Как и в любом лексикографическом издании статьи нашего словаря построены единообразно и состоят из следующих зон: заглавная единица – толкование, синонимы, лингвистическое описание имени собственного, трудности в образовании и употреблении в современном русском языке, этимология данной языковой единицы, а также историческая и культурная информация об объекте, обозначенным тем или иным именем собственным. [1, с. 26]. Лингвистические особенности некоторых имен собственных делают

необходимым введение орфографической зоны для объяснения сложных случаев написания (улица *Верхнепечёрская слобода* / *Верхне-Печёрская слобода* и др.). Словарные статьи сопровождаются фотографиями объектов описания и портретами знаменитых нижегородцев. В каждой статье прилагается список литературы и источников.

Материалы словаря по мере исследования публикуются и к настоящему моменту представлены в ряде рецензируемых изданий. Планируется создание интернет-словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова О. Материалы к созданию словаря нижегородских имен собственных в аспекте культуры речи // Филология и культура. 2019. № 4 (58). С. 30–37.

УДК 811.112.2 '42 (045)

*С. С. Ключенович, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: sergej.dolm.rd@gmail.com*

*S. S. Klyuchenovich, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: sergej.dolm.rd@gmail.com*

ТЕКСТОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТЯЖЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ

Синтаксико-словообразовательное стяжение композитов приводит к наращиванию семантического потенциала образуемых конструкций. Этот потенциал может получать поверхностную экспликацию по ходу развертывания текста.

Ключевые слова: контракция; стяженная конструкция; семантический потенциал; текстовая экспликация.

TEXT EXPLICATION OF SEMANTIC POTENTIAL OF A CONTRACTED STRUCTURE

The syntactical and word-formative contraction of compounds leads to an increase in the semantic potential of the resulting structures. This potential can be formally explicated in text development.

Key words: contraction; contracted structure; semantic potential; text explication.

В современном немецком дискурсе широко практикуется такой механизм языковой экономии, как контракция, которая предполагает синтаксико-словообразовательное стяжение нескольких композитов, обнаруживающих тождественную лексику в своем составе. **Целью** данного исследовательского этапа является установление того, как семантический потенциал стяженной

конструкции может получать экспликацию в тексте. Исследование выполнено на **материале** художественных и законодательных текстов с использованием таких **методов**, как семантико-синтаксический анализ, методов структурного анализа, в частности трансформационного анализа.

Художественный текст может эксплицировать факт множественности соединяемых в единую стяженную структуру композитов через их самостоятельно-словный повтор в тексте:

*Ich bin DDR-Bürger, ich bin gekommen, weil ich **eine Deutschland- und Italienreise** machen will...* [1, S. 98] ‘Я являюсь гражданином ГДР, я приехал, чтобы совершить путешествие в Германию и Италию’.

*...ich bin kein Flüchtling, ich ertrotze mir nur **eine Deutschlandreise und eine Italienreise*** [1, S. 101]. ‘... я не беженец, я настаиваю на том, что это путешествие в Германию и путешествие в Италию’.

Интересен также пример из законодательного акта, где, как видим, прагматическая установка на компактирование и лаконичность в заголовке к статье закона обуславливает стяжение композита *Ruhestandsbeamter* и словосочетания *früherer Beamter* в единую конструкцию:

§ 69 a. *Anzeigepflicht für **Ruhestands- und frühere Beamte*** ‘Коммерческая подотчетность бывших чиновников или [чиновников] в отставке’

*Ein **Ruhestandsbeamter oder früherer Beamter** mit Versorgungsbezügen, der nach Beendigung des Beamtenverhältnisses...* [2, § 69 a] ‘Чиновник в отставке или бывший чиновник, получающий финансовое обеспечение, который после окончания своей государственной службы...’

В самом же тексте статьи имеет место возврат к исходной расчлененной структуре (*ein Ruhestandsbeamter oder früherer Beamter*), обеспечивающей бóльшую семантическую прозрачность по сравнению с трансформом в заголовке.

Сам текст может также эксплицировать предпосылки образования стяженной конструкции. Рассмотрим это на примере из художественного произведения.

Dengler notierte:

– *Die beiden Streifenpolizisten hören drei **Knallgeräusche** (vermutlich **Schüsse**);*

– *Stichflamme drei Sekunden nach dem letzten **Knall- oder Schussgeräusch**...* [3, S. 113].

‘Денглер пометил:

– Оба патрульных полицейских слышали три хлопка (предположительно, выстрелы).

– Язык пламени в течение трех секунд после последнего хлопка или выстрела’.

Как становится очевидно из контекста, звуки, похожие на хлопки, можно интерпретировать как выстрелы. В силу этого композит *Knallgeräusche* становится структурным прототипом для второго универба (*Schussgeräusche* ‘звуки, похожие на выстрелы’). Лексема *Geräusch* ‘звук, шум’ привлекается для этой номинации, так как детектив не уверен, что это

были именно выстрелы. И затем уже во втором высказывании происходит оптимизация линейной структуры благодаря стяжению двух композитов с тождественной лексемой в единую конструкцию *Knall- oder Schussgeräusch*.

Синтаксико-словообразовательное стяжение сложных слов имеет следствием приращение семантического объема образуемой конструкции на фоне линейно-структурной компрессии в результате элиминирования тождественной для обоих композитов лексемы. Оставляя на данном этапе в стороне смысловую конденсацию, обусловленную словосложением как таковым, сфокусируемся на том семантическом усложнении, которое происходит в результате именно контракции. Элиминированные компоненты могут получать поверхностную экспликацию по ходу развертывания текста в результате параллельного включения в текст исходной и стяженной конструкций с целью смещения смысловых акцентов, а также вследствие противопоставления заголовка и собственно текста в силу неодинаковой прагматической ориентации этих позиций. Сам текст может не просто эксплицировать предпосылки образования стяженных конструкций, но показывать, как генерируется по ходу повествования итоговая семантика конечной конструкции, как мысль автора облекается в слово. Перспективы исследования видятся в дальнейшей типологизации способов текстовой экспликации семантического потенциала стяженных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Delius Fr. Chr. Der Spaziergang von Rostock nach Syrakus. 2. Aufl. Reinbek b. Hamburg : Rowohlt, 2014. 155 s.
2. Bundesbeamtenengesetz // Öffentliches Recht. 9. Aufl. Baden-Baden : Nomos, 2000.
3. Schorlau W. Die schützende Hand. Denglers achter Fall. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2015. 382 s.

УДК 811.112.2'367.633(043.2)

А. М. Колесник, студент

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: kalesnikandrey40@gmail.com*

A. M. Kolesnik, Student

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kalesnikandrey40@gmail.com*

МЕТАФОНΙΑ В НЕАПОЛИТАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В работе рассматривается и анализируется явление метафонии в неаполитанском диалекте. Сформулировано три случая использования данного явления в языке, а также приведены конкретные примеры, подтверждающие его семантический потенциал.

Ключевые слова: метафония; неаполитанский; изменение; звук; функция.

METAPHONY IN THE NEAPOLITAN DIALECT AS A MEANS OF EXPLICATING THE SEMANTIC POTENTIAL OF GRAMMATICAL UNITS

The paper examines and analyzes metaphony in the Neapolitan dialect. Three cases of this phenomenon's language implementation are formulated, supplemented by specific examples that confirm its semantic potential.

Key words: metaphony; Neapolitan; alteration; sound; function.

Метафония – это тембровое изменение корневых гласных под влиянием гласных суффикса или окончания [1].

В неаполитанском диалекте данное явление встречается довольно часто. Ввиду того, что окончания в неаполитанском едва слышны, причем в одинаковой мере, какими бы ни были род, число и т. д., метафония служит для различения лексических единиц. Например, *'o guaglione* (e) 'парень' – *'e guagliun(i)* 'парни'. В данном примере при изменении формы существительного во множественном числе, меняется корневая гласная (*o* → *u*) под влиянием окончания. [2, p. 1] Поскольку окончания в неаполитанском диалекте редуцируются и в устной речи фактически не слышны, метафония выполняет смысловоразличительную функцию в языке.

Еще один пример. В неаполитанском диалекте лексема единственного числа мужского рода *rente* 'зуб' во множественном числе будет принимать форму *riente* 'зубы' [3]. Следовательно, в данном случае метафония также используется для отличия множественного числа от единственного по причине того, что, как уже было упомянуто, гласные звуки на конце слов в неаполитанском диалекте практически не слышны. Переход [e] в [ie], на самом деле, это переход низкого звука [è] в средний [é], однако средний звук часто становится дифтонгом и в итоге превращается в [iè]. В свою очередь средний звук [é] будет переходить в высокий [i]. Такая же ситуация и со звуком [o]. При метафонии в неаполитанском диалекте, низкое [ò] переходит в среднее [ó] ([uó] (что-то между [o] и [u])), а уже среднее [ó], в свою очередь, будет переходить просто в [u] ([ó] → [u]) [2, p.2].

В корне лексемы *annielle* 'кольца' находится дифтонг *ie* [4]. В данном случае, как и в предыдущем примере, дифтонг *ie* используется, чтобы указать на множественное число существительного, поскольку гласная на конце слова "усекается" в устной речи. Однако, кроме этого, метафония в этом конкретном случае может указывать и на мужской род существительного, так как это явление также выполняет функцию различения рода.

При спряжении инфинитива *venì* 'приходить' в простом давнопрошедшем времени *'O passato assaje*, форма 1-ого лица ед. числа глагола может выглядеть, как *veniette* 'я пришел' [4], а форма 3-его лица ед. числа – *venette* 'он пришел / она пришла'. Наличие [ie] в данном случае также объясняется метафонией, которая используется для того, чтобы различать глагольные формы первого и третьего лиц в ед. числе.

Исходя из вышеперечисленных примеров, мы выделили три основных случая использования метафонии в неаполитанском диалекте: для различения рода имён существительных, для различения числа имен существительных, а также для различения лиц при спряжении глаголов, что позволяет сделать вывод, что метафония является одним из способов экспликации семантического потенциала грамматических единиц в неаполитанском диалекте, так как выполняет смыслоразличительную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Metafonesi URL: <https://it.wikipedia.org/wiki/Metafonesi> (дата обращения: 25.08.2020).
2. Argenziano Salvatore La Metafonia// Grafia e Grammatica Napoletana. № 12 URL: <http://www.vesuvioweb.com/it/wp-content/uploads/08-Dialetto-Napoletano-Raddoppiamento-consonantico-1-Di-Salvatore-Argenziano-vesuvioweb-2016.pdf> (дата обращения 22.08.2021).
3. Онлайн словарь “Glosbe” URL: <https://glosbe.com> (дата обращения: 20.11.2020).
4. Онлайн уроки неаполитанского, youtube канал носителей и учителей языка/ диалекта “Aaron e Stefano” URL: <https://www.youtube.com/c/AaroneStefano> (дата обращения: 15.08.2020).

УДК 811.111'373.47

Н. Н. Коноплева, к. филол. н.
Саратовский национальный научно-исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация
e-mail: ninadurinova@yandex.ru

N. N. Konopleva, Cand. Sc. (Philology)
Saratov National Research State University after N. G. Chernishevsky, Saratov, Russian
Federation
e-mail: ninadurinova@yandex.ru

СЛОЖНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЫБОРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЛИСЕМИЧНЫХ СЛОВ

Рассматриваются наиболее адекватные варианты перевода словосочетания *poor player* в трагедии У. Шекспира «Макбет». Основная трудность заключается в том, что значение *poor* ‘бедный’ доминирует над производными значениями этого слова.

Ключевые слова: перевод; адекватный вариант; основное значение; семантический выбор; полисемичное слово.

THE DIFFICULTIES OF THE SEMANTIC SELECTION IN THE TRANSLATION OF POLYSEMIC WORDS

The most precise variants of the translation of the word combination *poor player* in W. Shakespeare's tragedy ‘Macbeth’ are considered. The basic difficulty lies in the fact that the central meaning *poor* as ‘бедный’ prevails over the derivatives of the word.

Key words: translation; precise variant; central meaning; semantic selection; polysemic word.

Тема исследования связана с интерпретативным переводом, поскольку в художественном тексте редко удается сохранить основное словарное значение слова. В этой связи целью исследования стал анализ переводных слов, которые в большей или меньшей степени приближаются к оригиналу.

Материалом исследования стал перевод словосочетания *poor player*, которое встречается в известных строках трагедии У. Шекспира «Макбет» (Акт 5, сц. 5):

*Life's but a walking shadow, a poor player
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more* [1, с. 221].

Проводился сопоставительный анализ дефиниций слова *poor* в англо-английских и двуязычных словарях. В Этимологическом словаре английского языка дается только одно значение «having few or no possessions», относящееся к XIII в. [2, с. 361]. В дальнейшем произошло расширение семантического объема значения слова за счет переосмысления семы 'бедный' как 'лишенный чего-либо'. Возникают семантические производные: 'плохой, слабый, скудный' («of very low quality»), например, *poor health* 'плохое здоровье'; 'неумелый' («not having much skill at a particular activity»), например, *poor at spelling*. Обращает на себя внимание, что в слове *poor* в выборке из Национального корпуса английского языка значение 'несчастный' преобладает над значением 'бедный' [3]. Эти два качества, возможно, рассматриваются как синонимичные.

Интересно, что наши современники избегают переводить слово *poor* и предлагают эмоционально окрашенные варианты существительных, где сема 'лишенный чего-либо' не отражается в их составе. Даются такие варианты: *фигляр* (С. М. Соловьев и М. М. Лозинский), *комедиант* (Ю. Б. Корнеев), *актер на сцене* (Б. Л. Пастернак). *Фигляр* по словарю С. И. Ожегова в первом значении 'фокусник, шут, акробат' [4, с. 851]. *Комедиант* по тому же словарю в первом значении 'актер балаганный или цирковой на шутовских ролях'. Во втором значении – 'притворщик, лицемер' [4, с. 286]. Это не подтверждается контекстом. Глаголы *fret* 'волноваться, переживать' и *strut* 'ходить с важным видом' указывают на актерскую игру, а не на акробатические трюки. Таким образом, все эти значения, данные в переводе, неверны, а последнее – недостаточно. Представляется, что поскольку Шекспир чаще предпочитает общепотребительный вариант слова, можно было сказать 'плохой актер'.

Рассмотрим другие более ранние варианты, взятые из [5]. В XIX веке М. П. Вронченко переводит *poor player* как *актер*, Н. Х. Кетчер – *жалкий комедиант*, Н. А. Кронеберг – *фигляр*. Уже в XX в. не очень адекватное уточнение вносит А. Л. Соколовский: *актер, что корчит рожи*, потому что рожи корчит клоун, а не актер. А. Д. Радлова, В. Х. Раппопорт переводят как *актер несчастный*. Неясно, в каком смысле он несчастный, может, жалкий. Б. Я. Флоря предпочитает переводить *марионетка*, то есть исполнитель чужой воли, но контекстом это не подтверждается.

Постепенно переводчики приходят к радикальной перемене. *Poor player* – плохой актер, то есть 'лишенный таланта', а это означает 'бездар-

ный': Ю. И. Лившиц – *бездарный лицедей*, А. Ю. Чернов – *игра бездарного актера*. Из всех возможных вариантов *плохой актер* – самый простой, но верный вариант, но *бездарный актер* – очень хороший вариант как результат переосмысления основного значения.

Перспективы исследования видятся в том, чтобы расширить семантическую референцию слова *poor* за счет привлечения других «высоких» трагедий У. Шекспира, где это слово может раскрыть латентные возможности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shakespeare W. Macbeth. M. : Progress Publishers, 1977. 253 p.
2. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003. 552 p.
3. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 10.09.2020).
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Российская Академия Наук, 1998. 940 с.
5. Лисович И. И. Проблема вариантности русских переводов пьесы «Макбет» У. Шекспира 30–60 гг. XIX в. URL: [https:// cyberleninka.ru> Гзнти>n/macbet-u-shekspira](https://cyberleninka.ru/Gznti>n/macbet-u-shekspira) (дата обращения 01.12.2018).

УДК 811. 112.22

Т. С. Котик, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: tanjakotik@gmail.com

T. S. Kotik, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tanjakotik@gmail.com

О ТИПАХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ДЕЙКТИЧЕСКИМИ НАРЕЧИЯМИ *HIN* И *HER* (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В работе описаны три типа синтаксических конструкций, в которых употребляются дейктические наречия *hin* 'туда' и *her* 'сюда' для описания ориентации направленности движения по удалению или приближению относительно субъекта дейксиса.

Ключевые слова: немецкий язык; дейксис; локальный дейксис; локальные дейктики; дейктическое наречие; синтаксическая конструкция.

ABOUT TYPES OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH DEICTIC ADVERBS *HIN* AND *HER* (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

The paper describes three types of syntactic constructions, in which the deictic adverbs *hin* and *her* are used to describe the orientation of the movement direction towards distance or approach relative to the subject of deixis.

Key words: German language; deixis; local deixis; local deictic words; deictic adverb; syntactic construction.

Локальные дейктические наречия *hin* 'туда' и *her* 'сюда' употребляются как в качестве словообразовательных формантов, например, *hingehen* 'идти туда', *die Herkunft* 'прибытие, приход' и т. д., так и автономно в различных синтаксических конструкциях для описания ориентации направленности движения по удалению или приближению относительно субъекта дейксиса. Анализ примеров высказываний из параллельного немецко-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка [1] показал, что как самостоятельные единицы дейктические наречия выступают значительно реже, чем в качестве словообразовательных формантов, и употребляются всего лишь в трех типах синтаксических конструкций:

1) в идиоматической конструкции *hin und her* 'туда сюда', например, *hin und her drehte* 'поворачивал туда сюда' и т. д.;

2) в пре- или постпозиции в конструкциях типа 'предлог + существительное/местоимение', например, *bis hin zur Mitte* 'туда до середины', *her bis zur Linde* 'сюда до липы', *zum Tiergarten hin* 'туда к зоологическому саду', *von der Stadt her* 'сюда из города', *'vor sich hin* 'туда перед собой', *hinter ihm her* 'сюда за ним';

3) в постпозиции в конструкциях типа 'предлог + наречие', например, *von außen hin* 'туда наружу', *von innen her* 'сюда изнутри' и т. д.

В идиоматических конструкциях дейктики противопоставлены друг другу и обозначают «маятниковое» движение – движение по горизонтали, которое начинается в исходной точке, доходит до конечной точки и по той же линии возвращается обратно [2, с. 4], как в примере (1).

(1) Снова взялся за зеркало, **покрутил** им **туда-сюда** с полчаса и добился-таки своего. [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003) | В. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)]. / *Masa griff erneut zum Spiegel, drehte ihn noch eine halbe Stunde **hin und her** und erreichte schließlich, was er wollte.* [Б. Акунин. Алмазная колесница (2003) | В. Akunin. Die Diamantene Kutsche (A. Tretner, 2006)].

Второй и третий тип конструкций употребляются параллельно с предложными конструкциями без дейктиков, причем на русский язык они переводятся одинаково, ср. *zur Stadt* 'в город' – *zur Stadt hin* 'в город', дословно: 'туда в город', *von außen* 'снаружи' – *von außen her* 'снаружи', дословно: 'сюда снаружи'. Установлено, что особенностью конструкций с дейктиками является то, что в них дейктики профилируют начальную либо конечную точку движения относительно субъекта дейксиса: дейктик *hin* указывает на то, что субъект направляется к цели, как в примере (2).

(2) *Nach Ulm hin bewegen sich riesige Wolken.* 'В Ульм движутся огромные облака' [2, с. 6].

Дейктик *her* указывает, что субъект дейксиса находится в начальной точке движения (3).

(3) *Von Ulm her bewegen sich riesige Wolken.* 'Из Ульма движутся огромные облака' [2, с. 6].

Таким образом, установлено, что автономно дейктические наречия употребляются только в трех типах синтаксических конструкций: в первом типе

дейктики описывают «маятниковое» движение, во втором и третьем типах дейктики профилируют начальную или конечную точку движения относительно субъекта дейксиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2021).

2. Latzel S. Der Gebrauch von “hin” und “her” im heutigen Deutsch: eine Vorstudie zu didaktischen Problemlösungen. München : Goethe-Inst., Arbeitsstelle für Wiss. Didaktik, Projekt “Lehrschwierigkeiten im Fach ‘Deutsch als Fremdsprache’”, 1979. 83 s.

УДК 81'42

*Е. В. Ксендзова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: alena_ksiandzova@tut.by*

*A. U. Ksiandzova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: alena_ksiandzova@tut.by*

«ПРОСТИ(-ТЕ)», «ИЗВИНИ(-ТЕ)» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Рассматриваются изменения в семантике глагольных форм *прости(-те)*, *извини(-те)* в процессе их перехода в другой грамматический класс слов. Отмечено расширение прагматического потенциала данных лексических единиц при употреблении в устной речи.

Ключевые слова: семантика; грамматические характеристики; прагматический потенциал.

«PROSTI(-TE)», «IZVINI(-TE)» IN RUSSIAN LANGUAGE (SEMANTIC-PRAGMATIC ASPECT)

Changes in the semantics of the verb forms *prosti(-te)*, *izvini(-te)* in the process of their transition to another grammatical class of words are considered. Expansion of the pragmatic potential of these lexical units when used in oral speech is noted.

Key words: semantics; grammatical characteristics; pragmatic potential; connotations.

Лексемы *прости(-те)*, *извини(-те)* в современном русском языке используются для выражения извинения по отношению к собеседнику и входят в систему языковых средств, которые формируют речевой этикет и способствуют успешной коммуникации [1]. Глаголы *простить*, *извинить* являются синонимами с общим значением ‘не поставить чего-л. в вину кому-л.; извинить, проявив снисходительность’ [2].

В результате анализа основной части «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) обнаружено, что глагол *простить* значительно превосходит глагол *извинить* по количеству употреблений в литературном языке: для *простить* представлено 8515 документов, 36280 вхождений, для *извинить* найдено в два раза меньше примеров (4935 документов, 16654 вхождения) [3].

Это связано с тем, что при существующей близости значений глагол *простить* употребляется в ситуациях, предполагающих глубокое внутреннее переживание, в отличие от *извинить*, используемого преимущественно в качестве формального средства выражения извинения (например, в выражениях *простить всем сердцем, простить всей душой, искренне простить* невозможна замена глагола *простить* на *извинить*).

При этом в устном подкорпусе НКРЯ различие в употреблении лексем *простить* и *извинить* по количественным показателям практически отсутствует (для *простить* найдено 1083 документа, 4025 вхождений, для *извинить* – 1126 документов, 4018 вхождений). Как показывают наблюдения, эта особенность напрямую связана с изменением семантики данных лексических единиц и появлением у них новых грамматических характеристик (а именно – с переходом глагольных форм *прости(-те)*, *извини(-те)* в разряд междометий и вводных слов), а также с тем, что таких словоупотреблений встречается гораздо больше в устной речи, чем в письменной. В современной речи слова *прости(-те)*, *извини(-те)* используются в разных речевых ситуациях: при обращении к незнакомым людям на улице («*Простите, не подскажете ли, который час?*», «*Извините, как пройти к ближайшей станции метро?*»); при использовании в речи грубых слов («*А сравни с актами других городов / простите / барахло*» [3]; для выражения разнообразных эмоций и чувств говорящего – негодования, возмущения, отрицания, сожаления, демонстрации собственного превосходства, иронии («*А кто / простите / еду запретил?*»; «*Простите / нам в девяностых годах было по пять лет*»; «*Я старый человек / опытный человек / и с такими / как вы / простите / встречался неоднократно*»; «*Ничего другое “Новым правым” не остаётся / извините*»; «*Мы просто теперь / извините / кушаем иностранные продукты и платим за это / хоть и в рублёвом выражении /но долларовой эквивалент*» [3]. Иногда *прости(-те)* и *извини(-те)* употребляются без присущей им специфической смысловой и эмоциональной нагрузки, т. е. фактически выступают в роли дискурсивов: «*Там был / прости / парень – вылитый Дени*» [3].

Таким образом, рассмотренные примеры демонстрируют происходящие в семантике глагольных форм *прости(-те)*, *извини(-те)* изменения: ‘извинение за серьёзный проступок’ > ‘извинение за доставленное незначительное неудобство’ > ‘способ выражения эмоционального состояния и отношения к собеседнику или к окружающей действительности’. В результате десемантизации (утраты связи с первичным значением) и грамматикализации (развития новых грамматических характеристик) значительно расширяется прагматический потенциал данных лексических единиц, в связи с чем возникает больше возможностей для их взаимозамены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 10.08.2021).
3. НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Н. В. Кузьменко, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: har_nastya@mail.ru

N. V. Kuzmenko, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: har_nastya@mail.ru

ХОЛОНИМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ

Рассматриваются семантические характеристики английских холонимических глаголов. Выявлены особенности отражения в их семантике специфики объединения частей в целое.

Ключевые слова: холонимические глаголы; мероним; холоним; семантика; актантная структура.

HOLONYMIC POTENTIAL OF ENGLISH VERBS

Semantic characteristics of English holonymic verbs are reviewed. Special aspects of reflecting the peculiarities of the unification process in their semantics are revealed.

Key words: holonymic verbs; meronym; holonym; semantics; actantial model.

Неотъемлемым этапом в процессе познания окружающей действительности наряду с категоризацией является производимый мышлением анализ и синтез. Эти процессы находят отражение в языке в таких лексемах, закрепивших в своем значении результат аналитической работы мышления, как меронимы (наименования части) и холонимы (обозначения целого).

Современная семасиология накопила достаточно большое количество исследований о меронимах и о таком типе семантических отношений, как меронимия, в основном на материале субстантивной лексики (Дж. Миллер, Д. А. Круз, Ч. Филлмор, Р. Чаффин, М. Айрис, М. В. Никитин, И. В. Арнольд, Н. А. Седова, Н. И. Панченко, Н. Н. Бочкарева, О. В. Горбунова и мн. др.). Тем не менее, еще не до конца исследованными остаются меронимические отношения в системе признаковой лексики, в частности в глаголах. Научных работ в этой проблематике относительно немного (Л. Теньер, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, С. В. Киселева, Н. М. Черников, Е. Ю. Хрисонопуло, И. Б. Шатуновский и др.). До сих пор ждут ответа такие вопросы, как состав меронимической глагольной лексики того или иного языка, семантическая классификация меронимических и холонимических глаголов, их семантические характеристики и многие другие.

Целью настоящего исследования является выявление семантического потенциала холонимических глаголов в современном английском языке.

Для достижения поставленной цели из англоязычных словарей и тезаурусов (*Thesaurus.com*, *Princeton Wordnet*, *Oxford Advanced Learner's Dictionary online*, *Merriam-Webster Dictionary online*) было отобрано 62 холонимических глагола со значением «объединять части в целое/содержать в себе».

Семантический анализ полученных лексем показал, что глаголы-холонимы образуют в лексической системе английского языка две лексико-семантические группы с несколько отличной семантикой: глаголы со значением присоединения (35 ЛЕ) и вмещения (27 ЛЕ).

Семантическая структура глаголов со значением присоединения обладает семами 'кто объединяет(ся)', 'кого / что объединяет', 'цель объединения', 'результат объединения', 'способ объединения'. В терминах Л. Теньера, актантная структура данных глаголов относительно несложная и представляет собой набор следующих инкорпорированных актантов: субъект, объект (для переходных глаголов), цель либо результат объединения и очень редко способ/инструмент объединения (8 %). Ср., например: *combine* 1. 'to come together to form a single thing or group; to join two or more things or groups together to form a single one', *link* 5. 'to join two things by putting one through the other'; *glue* 'to join two things together using glue'; *unify* 'to join people, things, parts of a country, etc. together so that they form a single unit'. При этом в их дефинициях субъект не всегда четко выражен (часто широкозначным существительным *thing*), в то время как результат объединения (*single unit/whole*) присутствует всегда, т. е. в семантике глаголов объединения акцентируется целое. Следует отметить, что позиция субъекта для переходных глаголов как правило заполняется одушевленным существительным, производящим объединяющее действие: *The new leader hopes to **unify** the country.* *The two railway trucks had been **coupled** together* (семантический субъект, специалисты, в данной пассивной конструкции выражен имплицитно). Для непереходных глаголов субъектом могут быть обозначения любых составных частей, веществ (ингредиентов), членов групп людей или организаций: *Local people banded together to fight the drug dealers.* *The two spacecraft will link up in orbit.* Иными словами, для непереходных глаголов присоединения позицию субъекта заполняет меронимическое имя существительное, обозначающее часть / члена группы / компонент / элемент какого-либо целого.

Глаголы вмещения (*include, contain, comprise, be composed of, involve, entail, subsume, etc.*) обладают аналогичной актантной структурой с одной принципиальной разницей: позиция семантического субъекта здесь всегда представлена холонимом, обозначающим целое (группу людей, организацию, емкости для хранения, транспортные средства, абстрактные субстантивы). Ср., например: *The process **involves** using steam to sterilize the instruments.* *The committee **is composed** mainly of lawyers.* *This cake **consists** mainly of sugar, flour, and butter.* *The aircraft **seats** 200 passengers.* При этом акцент в дефинициях сделан, наоборот, не на целое, а на составные части: *incorporate* 'to include something so that it forms a part of something', *include* 2. 'to make somebody/something part of something'.

Таким образом, выступая глаголами-холонимами, содержащими в своем значении общую идею объединения частей в единое целое, исследуемые лексемы в своей семантической структуре по-разному отражают направление действия объединения: от целого к частям и наоборот.

*Н. В. Куценко, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: nwkutsenko@gmail.com*

*N. V. Kutsenko, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nwkutsenko@gmail.com*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИКИ ЗАПРЕТА В КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

В представленной работе исследуются основные факторы, способствующие правильной интерпретации семантики запрета в косвенных речевых актах директивного типа в немецком языке.

Ключевые слова: запрет; косвенные речевые акты; семантика; средства выражения; интерпретация; языковые средства; невербальные средства.

INTERPRETATION OF THE PROHIBITION SEMANTICS IN INDIRECT SPEECH ACTS

The presented work examines the main factors contributing to the correct interpretation of the prohibition semantics in indirect speech acts of directive speech in German.

Key words: prohibition; indirect speech acts; semantics; means of expression; interpretation; linguistic means; non-verbal means.

Запрет относится к категоричным речевым актам, содержащим в своей семантической структуре следующий компонент: говорящий предполагает, что слушающий не сделает того, чего не хочет говорящий [1, с. 263]. Поскольку семантика запрета в основе своей конфликтна, так как отражает противостояние субъектов, в результате которого возникает зона коммуникативного напряжения, коммуниканты нередко выбирают косвенные средства выражения запрета [2, S. 212–213].

Цель работы – выявление факторов, способствующих правильной интерпретации семантики запрета в косвенных речевых актах директивного типа. Материалом исследования послужили 42 директивных высказывания с семантикой запрета, отобранных из произведений немецкоязычной художественной литературы. Основными методами работы стали наблюдение, структурно-семантический анализ и количественная обработка данных.

Анализ материала показал, что в процессе толкования семантики запрета ключевую роль играют лексические средства, способствующие правильной интерпретации степени настоятельности высказывания. Так, в 12 % примеров интенсификаторами категоричности выступают лексемы *ohne Widerspruch* ‘без возражений’, *sofort* ‘немедленно’, *auf keinen Fall* ‘ни в коем случае’, *niemals* ‘никогда’, например:

Auf keinen Fall verlässt du heute das Haus. ‘Ты ни в коем случае не будешь выходить из дома’.

В косвенных запретах глагол используется преимущественно в форме индикатива. Данная форма подчеркивает уверенность говорящего в выполнении побуждения, исключает возражения слушающего. Лексические маркеры значительно усиливают категоричность высказывания.

Кроме языковых средств важным фактором, способствующим правильной интерпретации семантики запрета, является учет социальных характеристик и сферы общения. В исследуемом материале данный речевой акт встречается преимущественно (94 %) при асимметричной интеракции, например:

„Sie untersuchen diesen Fall nicht. Sonst haben wir zu viele Probleme.“ Der Kommissar war richtig besorgt. ‘«Вы не будете расследовать это дело. Иначе у нас будет слишком много проблем». Комиссар был по-настоящему озабочен’.

В словах автора содержится указание на вышестоящий статус собеседника, предполагающий безоговорочное подчинение. При симметричной интеракции (6 %) запрет является менее категоричным побуждением, например:

Du lässt mich nicht allein. ‘Ты не должен оставлять меня одного’.

В таких случаях запрет приобретает характер настоятельной просьбы. Интерпретации запрета в качестве настоятельного побуждения могут способствовать указания на эмоциональную составляющую высказывания:

Wie viele Male muss ich sagen, dass du diese Papiere nicht nehmen darfst? Er sah zornig seinen Bruder an. ‘«Сколько раз я должен говорить, что тебе нельзя брать эти документы?» Он гневно посмотрел на брата’.

С помощью вопросительной конструкции выражено возмущение говорящего поведением собеседника. Окулесический компонент показывает эмоциональное состояние адресанта. Это обстоятельство в сочетании с невербальным компонентом позволяет интерпретировать высказывание как категоричный запрет брать документы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что для корректной интерпретации семантики запрета в косвенных речевых актах большую роль играют лингвистические и экстралингвистические факторы – лексические маркеры, ситуация общения, статус собеседников, эмоциональный фон коммуникации, а также невербальные характеристики высказывания, дополняющие и усиливающие средства вербальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 251–276.
2. Adamzik K. Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt: zur Integration der Kategorie «Beziehungsaspekt» in eine sprechakttheoretische Beschreibung des Deutschen. Tübingen : Narr, 1984. 365 S.

*О. К. Листратова, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: atv-asp@mail.ru*

*O. K. Listratova, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: atv-asp@mail.ru*

СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОЙ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПЕРЦЕПТИВНО-ЗНАЧИМЫХ СЛОВЕСНЫХ ПРИЗНАКОВ

Обосновывается включение фразеологичности семантики производной лексики в перечень словесных характеристик, обладающих потенциальной перцептивной значимостью, с определением зоны приложения полученных сведений в оптимизации восприятия иноязычной лексики при освоении английского языка в условиях патологии слуха и речи.

Ключевые слова: словесные характеристики; англоязычная лексика; перцептивная обработка; семантическая интерпретация; перцептивная значимость; фразеологичность семантики; патология слуха и речи.

SEMANTICS OF DERIVATIVES IN THE LIGHT OF WORD CHARACTERISTICS WITH POTENTIAL PERCEPTUAL SIGNIFICANCE

The inclusion of idiomaticity in the list of word characteristics that possess potential perceptual significance is explained and the area of application of the data obtained in optimizing foreign word perception of the people with hearing loss and speech difficulties is defined.

Key words: word characteristics; English vocabulary; perceptual processing; semantic interpretation; perceptual significance; idiomaticity.

1. Анализ научных трудов, освещающих вопросы восприятия слова как центральной языковой единицы, показывает существование разных подходов к трактовке механизмов его перцептивной обработки индивидом. Так, в изысканиях по лингвистике нормативной речи установлено действие двух параллельно протекающих, но кардинально различных механизмов обработки лексических единиц. Один из них основывается на опознании и семантической интерпретации слова в целостном виде. Действие другого подразумевает разложение воспринятой лексической единицы на структурные составляющие и синтезирование их значений для семантической интерпретации целого. Изучение лингвистических источников, описывающих данные механизмы, позволило выявить явное противоречие в выделении словесных признаков, необходимых для включения каждого из них. Так, например, нейролингвисты С. Пинкер, Г. Маркус, М. Ульман на базе анализа экспериментальных данных, полученных методом мозгового картирования индивида в ходе оперирования им глагольной морфологией английского языка, определяют в качестве ведущей характеристики регулярность структурных

элементов, входящих в состав воспринимаемого слова. Наряду с этим существует подход, авторы которого Д. Румельхарт и Дж. МакКлелланд утверждают, что любые формы слов, как регулярные, так и нерегулярные, обрабатываются с помощью единого механизма – их целостного извлечения из памяти, а в качестве главной характеристики, обуславливающей запуск механизма обработки слова по структурным составляющим, выделяют иной признак – частотность его узуса конкретным индивидом. Определение авторами различных характеристик слова как признаков, влияющих на выбор механизма его перцептивной обработки реципиентом, позволяет увидеть закономерность в том, что регулярность соотносится с объективно-лингвистическими характеристиками, а частотность – с характеристиками субъективно-узуальными. Данная классификация требует детального рассмотрения и ранжирования ее составляющих.

2. Анализ классов англоязычных лексических единиц, которые имеют потенциальную возможность быть обработанными индивидом с помощью каждого из механизмов, показал, что перцептивной обработке в целостном виде подвергаются слова трех типов: а) узуально-частотные, б) структурно простые, в) структурно усложненные производные, имеющие в своей морфологической структуре нерегулярные аффиксы. Фразеологичность слова, проявляющаяся в наличии в его семантике смысловых приращений, выступает препятствием для его адекватной семантической интерпретации на базе синтеза значений структурных составляющих. Это делает очевидным факт, что даже в случае составленности из регулярных элементов производные слова, характеризующиеся фразеологичностью семантики, при восприятии должны подвергаться семантической обработке в целостном виде. В противоположность им те структурно усложненные слова, в семантике которых фразеологичность не имеет места, приобретают потенциальную возможность получить адекватную семантическую интерпретацию на базе извлечения и воссоединения значений структурных составляющих. Из проведенного анализа следует необходимость расширить круг словесных характеристик, обладающих для реципиента потенциальной перцептивной значимостью, и включить в их перечень наряду с частотностью узуса и регулярностью составляющих структурных элементов фразеологичность семантики как объективно-лингвистическую характеристику, заданную самой системой языка.

Определение в составе структурно усложненной лексики семантической характеристики, обладающей потенциальной перцептивной значимостью, имеет прямое прикладное назначение в плане оптимизации восприятия англоязычной лексики реципиентами с различными психофизическими данными. Так, с привлечением лиц, имеющих нарушение слуха и тяжелые нарушения речи, экспериментально подтверждено, что внедрение в процесс восприятия моделей нефразеологичной производной лексики, представляющих ее потенциальные перцептивно-значимые характеристики, обеспечивает обретение ими действующей перцептивной значимости в языковом сознании

реципиента. Эффект, оптимизирующий восприятие, проявляется в запуске механизма обработки семантики нефразеологичной производной лексики по ее структурным составляющим.

УДК 811.111'37'42

Е. С. Ляшенко, к. филол. н.

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: liolikl@list.ru*

Ye. S. Lyashenko, Cand. Sc. (Philology)

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: liolikl@list.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЛАГОЛОВ ИЗМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В настоящей работе раскрываются особенности реализации семантического потенциала глаголов, обозначающих изменения физических характеристик материальных объектов, в англоязычном художественном тексте.

Ключевые слова: семантический потенциал; реализация; глаголы изменения физических характеристик; художественный текст; метафоризация.

IMPLEMENTATION OF THE SEMANTIC POTENTIAL OF VERBS DENOTING CHANGES IN PHYSICAL CHARACTERISTICS IN ENGLISH FICTION

The paper reveals specific features concerning the implementation of the semantic potential of verbs denoting changes in physical characteristics of material objects in English-language fiction.

Key words: semantic potential; implementation; verbs denoting changes in physical characteristics; fiction; metaphorization.

В лексикологии под семантическим потенциалом понимается «способность значения к ассоциативным связям с другими значениями и смыслами, а также способность к закреплению некоторых из этих связей в виде новых значений» [1]. Исходно семантический потенциал слова в целом заключается в его первом, исконном значении. Впоследствии, в ходе появления у слова новых значений, производных непосредственно или опосредованно от исходного, семантический потенциал слова перераспределяется между новым и прежним значениями. Отметим, что семантический потенциал очень редко реализуется полностью. Актуализацию получает лишь его часть, в виде отдельных значений. Соответственно, главной задачей, как справедливо подчеркивает Г. И. Кустова, является установить, как говорящему удалось реализовать потенциал слова, на что его удалось «распространить» [2, с. 31].

Применительно к нашему исследованию семантического потенциала глаголов изменения физических характеристик, необходимо указать, что данные глаголы в исходном прямом значении обозначают изменение какого-то физического свойства, параметра материального объекта (цвета, формы, плотности/консистенции, структуры и др.). При этом анализ фактического материала, который составили предложения, отобранные методом сплошной выборки из пяти романов британских и американских авторов, показал, что важным моментом функционирования предикатов изменения физических характеристик в англоязычных художественных текстах является их способность образовывать контекстуальное переносное значение, т. е. речь идет о метафоризации глагольного значения под влиянием номинативных элементов. Так, в ходе исследования было выявлено, что при метафоризации глаголы переносятся из сферы описания физических действий, производимых над материальными объектами, в интеллектуальную или психоэмоциональную сферу описания изменений нематериальных сущностей. Ср., например, предложения (1) *The fire had dwindled to almost nothing, but its smoke **was thickening*** (Cl. Barker. The great and secret show) ‘Огонь практически погас, но дым продолжал сгущаться’ и (2) *<...> his voice **was thickening with feeling; hatred in it** <...>* (Cl. Barker. The great and secret show) ‘<...> его голос хрипел от ненависти <...>’. В предложении (1) глагол *thicken* ‘густеть, сгущать(ся)’ используется для описания физического изменения объекта *smoke* ‘дым’ по параметру ‘плотность, консистенция’. На такой вариант употребления данного глагола указывает и его словарное толкование. Особенностью семантики глагола *thicken* в исходном значении является инкорпорация параметра и результирующего состояния. В предложении (2) наблюдается контекстуальное развитие переносного значения глагола *thicken*, которое отсылает его к абсолютно иной денотативной области с собственным набором компонентов и их семантическими ролями. Лексемы *voice* ‘голос’, *feeling* ‘чувство’, *hatred* ‘ненависть’ связывают пропозицию этого предложения не с ситуацией изменения материальной характеристики (плотности, консистенции) объекта, а с ситуацией изменения психологического состояния. При метафоризации происходит абстрагирование от исходной семантики глагола *thicken*, в результате чего он требует для передачи значения соответствующего предиката восполнение своей семантики за счет появления нового элемента в структуре предложения с метафоризированным глаголом. На синтаксическом уровне данный элемент выступает в функции компонента – название эмоции, испытываемой человеком. Этот элемент, представленный предложным словосочетанием *with feeling (hatred)*, тесно связан с глаголом, в то время как сам глагол указывает только на интенсивность внешнего проявления эмоции, а также является носителем временных и модальных характеристик.

Таким образом, в художественном тексте рассматриваемые глаголы приобретают способность обозначать не только процессы, происходящие в материальных объектах, но и психоэмоциональные состояния человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. URL: <https://www.philol.msu.ru/~lex/areft/9-19.htm> (дата обращения: 11.06.2021).
2. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

УДК 811.111'37

*А. А. Матафонова, преподаватель
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
e-mail: annastars@inbox.ru*

*A. A. Matafonova, Lecturer
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: annastars@inbox.ru*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ДИСКУРСЕ АЛМАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В работе рассматриваются особенности образования и функционирования терминов алмазодобывающей промышленности в англоязычных текстах. Представлены специфические характеристики и семантико-прагматический потенциал профессиональных терминов.

Ключевые слова: термин; семантика; словообразование; терминосистема; прагматика.

FUNCTIONING OF ENGLISH TERMS USED IN THE DISCOURSE OF THE DIAMOND MINING INDUSTRY THROUGH THE PRISM OF SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL

The features of the formation and functioning of the terms of the diamond mining industry in English-language texts are shown. The specific characteristics, semantic and pragmatic potential of professional terms are presented.

Key words: term; semantics; word formation; terminological system; pragmatics.

В настоящее время расширение словарного состава английского языка происходит уже не путем заимствования слов из других языков, а является результатом внутреннего богатства словотворчества с максимальным использованием лингвистического материала для отражения действительности в процессе социально-политического и экономического развития общества.

В становлении любой терминосистемы основную роль играют однокомпонентные термины, образованные морфологическим и семантическим способами. Например, в сфере добычи алмазов, это такие термины, как: *digging* ‘земляные работы’; *crustal* ‘корковый’; *technique* ‘технология, метод’; *face* ‘забой’; *gauge* ‘калибр’; *volatility* ‘летучесть’. В образовании терминов определенное место занимают термины, появление которых связано с местом изначального обнаружения предмета или явления. Например, термин *kimberlite* ‘кимберлит’ имеет свое происхождение от места его первого обнаружения – город Кимберли в ЮАР.

Мы рассмотрели особенности функционирования терминов алмазодобывающей отрасли, проведя анализ англоязычных статей, монографий, и пришли к выводу, что наиболее распространенным способом образования терминов в сфере алмазодобычи являются синтаксический способ и словосложение:

семантический способ словообразования: *mining, drilling, pipes, dikes, sills, occurrence; barrages, kimberlite*;

морфологический: *crustal, offshore, Adamantine (a word having its roots in the word adamant), miners/diggers*;

словосложение: *kimberlite-hosted, mantle-derived rocks, tectono-thermal events, diamond-value, sub-continent, deep-seated, gemstone, pipe-like (bodies)*;

синтаксический: *diamond deposits, growth of diamonds, kimberlite magma, mineral suites, gem quality stones, diamondiferous gravels, drilling techniques*;

сокращения: *gem*.

Терминосистема алмазодобычи является особым по своим семантическим характеристикам лексическим слоем современного английского языка. Данный пласт английской лексики как продуцирует широкий ряд лексем, не имеющих аналогов в других областях английского языка (*Aeromagnetic Survey* ‘аэрогеофизическая съемка с использованием магнито-метра’; *Alluvial Diamonds* ‘алмазы, вымытые и оставшиеся в отложениях из глины, ила и песка в речной долине или дельте’; *Diamondiferous* ‘содержащая алмазы’), так и расширяет семантическое наполнение отдельных общенаучных терминов (*Acidic precipitation, Batholith, Cable bolt, Cage, Calcine*).

Для создания прагматического потенциала текста субъект речи выбирает содержание сообщения и определенные способы его языкового выражения. «В соответствии со своим коммуникативным намерением Источник отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коннотативным, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи» [1, с. 96]. Так, например, газетные тексты не могут обойтись без использования профессиональных терминов. Рассмотрим некоторые терминологические единицы, употребленные в статьях журнала «The Guardian»:

*«A Tanzanian **mine** that produced a **flawless pink diamond** for one of the Queen's favourite brooches ... have shot and assaulted illegal **miners**» [2].*

*«Pandora has become the first big **jeweller** to turn its back on **mined diamonds**, with the switch to **lab-grown stones**... » [3].*

*«... one of the largest **unexplored diamond reserves** on earth. As **the miners** moved in, **the carbon credit** programme collapsed» [4].*

В перечисленных выше примерах авторы статей используют технические термины, поскольку этого требует тематика. В результате, используя профессионализмы при описании событий и их последствий, автор способен точно, полно и лаконично передать содержание новостей дня, тем самым реализуя семантико-прагматический потенциал терминов алмазодобывающей промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990. 253 с.
2. British daily newspaper "The Guardian". URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2021/mar/05/mine-that-produced-queens-diamond-investigates-claims-of-abuses-by-guards> (дата обращения: 17.06.2021).
3. British daily newspaper "The Guardian". URL: <https://www.theguardian.com/business/2021/may/04/pandora-jewellery-brand-says-it-will-stop-selling-mined-diamonds> (дата обращения: 17.06.2021).
4. British daily newspaper "The Guardian". URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/sep/27/how-diamonds-and-a-bitter-feud-led-to-the-destruction-of-an-amazon-reserve> (дата обращения: 17.06.2021).

УДК 81'42

О. В. Марченко, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: march_home@mail.ru

O. V. Marchenko, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: march_home@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ АДРЕСАТОМ

Рассматривается возможность интерпретации намерения в коммуникативной ситуации отказа от реализации коммуникативного намерения. Устанавливается взаимосвязь между степенью завершенности высказывания и интерпретацией намерения.

Ключевые слова: коммуникативное намерение; отказ от реализации коммуникативного намерения; говорящий; адресат; интерпретация коммуникативного намерения.

THE POSSIBILITY OF INTERPRETATION OF A COMMUNICATIVE INTENTION BY A HEARER

The paper deals with the possibility of interpretation of a communicative intention in a communicative situation of refusal to realize the communicative intention. The relationship between the degree of completion of the utterance and the communicative intention interpretation is revealed.

Key words: communicative intention; refusal to realize the communicative intention; speaker; hearer; interpretation of a communicative intention.

В ходе диалога, предполагающего обмен репликами, в которых осуществляется реализация коммуникативного намерения, коммуникантам постоянно приходится адаптировать свое речевое поведение к поведению собеседника или изменяющимся условиям общения. В ряде случаев результатом такой адаптации становится отказ говорящего от осуществления своего намерения.

Цель работы заключается в выявлении возможности интерпретации коммуникативного намерения адресатом в коммуникативной ситуации отказа от намерения и в установлении корреляции между степенью завершенности высказывания и возможностью его полноценной интерпретации. В ходе исследования было рассмотрено 574 коммуникативных контекста, отобранных из Национального корпуса русского языка, и был применен метод контекстуального анализа.

Как показал анализ материала, в процессе порождения речи решение об отказе может приниматься как на этапе, предшествующем вербализации намерения (довербальный этап), так и в процессе его вербализации (вербальный этап). Если решение об отказе от реализации намерения принимается говорящим на предвербальном этапе, то интерпретация его намерения адресатом, разумеется, невозможна:

– *Чего стал, будто потерянный? Водительская работа для тебя, что ли, не хороша, вон какая здоровенная дубина! Проходи, не задерживай! – закричали они, слегка подталкивая астронавигатора. **Вир Норин хотел было сказать им, что подобная характеристика не соответствует его представлению о себе, но понял, что объясняться бесполезно, и отошел в почти безлюдную часть зала, где продавались книги и газеты*** (И. А. Ефремов. «Час быка»).

Что касается вербального этапа, то здесь ситуация неоднозначна: в ряде случаев адресат имеет возможность реконструировать намерение говорящего на основе информации, содержащейся в вербализованной части планируемого высказывания, а иногда такая возможность отсутствует. Это в свою очередь зависит от ряда факторов, таких как характер вербализации (в первую очередь степень ее структурной и смысловой незавершенности), владение адресатом фоновой информацией и т. д.

Как правило, чем полнее реализация намерения, тем эффективнее адресант интерпретирует его, но в ряде случаев корреляции между возможностью интерпретации коммуникативного намерения и степенью его вербализации являются достаточно сложными. В частности, прежде чем

адресант примет решение об отказе, он может озвучить определенный фрагмент высказывания, например, только слово или даже фрагмент слова, который позволяет адресату интерпретировать намерение:

– *Я слышал, он ездил к маршалу Петену с прошением об отставке. – И вы хотите сказать... – Безусловно. – Неужели ма... – Мария осеклась на полуслове. – Необязательно сам, приказать мог кто-то из его ближайшего окружения.* (В. Михальский. «Храм Согласия»).

– *Если вы боитесь, что нас могут прослушать, то я вам скажу, что нет. Не слушают ваш кабинет. – А откуда вы... – начал было Суханов, но молодой человек снова криво усмехнулся. – Нет, Андрей Ильич. Я знаю. Пока не прослушивают.* (А. Белозёров. «Чайка»).

И наоборот, адресант может озвучить некоторую часть высказывания, даже почти полностью завершить вербализацию, но при этом собеседник либо не имеет возможности реконструировать намерение:

– *Ради бога, простите за опоздание! Сам терпеть не могу необязательных людей. Я так боялся, что вы уйдете. А вы не ушли – это здорово! – говорил он быстро и взволнованно. – Я даже загадал... – Борис осекся и замолчал. – Загадали что? – Нет, это так...* (И. Павская. «Джоконда Мценского уезда»), –

либо может осуществить лишь частичную реконструкцию:

– *Сроду не встречала такой надменной фамилии! Хотя позвольте. Вы, случайно, не тот Кержун, который однажды... – Она осеклась и замолчала. – Который что? – спросил я. – Ничего.* (К. Воробьёв. «Вот пришел великан»).

На наш взгляд, в дальнейшем изучении нуждается характер реакции адресата на отказ говорящего от реализации коммуникативного намерения и обуславливающие эту реакцию факторы.

УДК 81.161.1'243

*С. Г. Мехтиханлы, к. филол. н.
Гилянский государственный университет, Решт, Иран
e-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir*

*S. G. Mehdikhanli, Cand. Sc. (Philology)
University of Guilan, Rasht, Iran
e-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ В ИРАНСКОЙ АУДИТОРИИ

В процессе изучения русского языка как иностранного в иранской аудитории, студенты также знакомятся и с культурой русского народа. При переводе текстов, содержащих культурную информацию, иранские студенты, одновременно, сталкиваясь с особенностями русской культуры, также сталкиваются и с трудностями в процессе перевода на персидский язык.

Ключевые слова: русский язык; персидский язык; культурная информация; обучение.

INTERACTION OF LANGUAGE AND CULTURE IN THE PROCESS OF TRAINING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN IRANIAN AUDIENCE

In the process of studying Russian as a foreign language in Iranian audience, Students also get acquainted with the Russian people's culture. When translating texts containing cultural information, Iranian Students, at the same time, encountering the peculiarities of Russian culture, also face difficulties in the process of translating into Persian.

Key words: Russian; Persian; cultural information; training.

Язык каждого народа развивается в рамках культуры, свойственной данному народу, и не может рассматриваться отдельно от нее. Следовательно, национально-культурные особенности русского народа индивидуальны, находят свое отражение в русском языке и при переводе не всегда понятны иранским студентам, так как они являются носителями другого языка и другой культуры.

На занятиях РКИ в иранской аудитории при изучении и переводе паремий, а также текстов с русского языка на персидский сопоставляются не только две различные языковые системы (русского и персидского языков), но и происходит соприкосновение двух разных культур.

В последнее время все больше подчеркивается важность культурологического подхода к переводу как важному средству межкультурных контактов и указывается, что «благодаря переводу одна культура как бы проникает в другую, делая ее богаче и универсальнее» [1, с. 65].

Взаимодействие культур через перевод предполагает прежде всего стремление предоставить в распоряжение студентов факты и идеи, свойственные чужой культуре с целью расширить их кругозор, дать им возможность понять и уважать обычаи и культуру других народов. В этом заключается огромная общеобразовательная и воспитательная роль перевода [2, с. 130].

Как инструмент знакомства с чужой культурой, перевод играет важнейшую роль, поскольку он «пересекает» не только границы языков, но и границы культур [3, с. 37].

Особенную трудность на занятиях РКИ в Гилянском университете студенты испытывают по таким предметам, как «Знакомство с русскими пословицами и поговорками», «Русская фразеология», а также перевод текстов, содержащих культурную информацию. Как в русском, так и в персидском языках пословицы и поговорки широко употребляются в речи, придают ей особый колорит. В пословицах и поговорках отразилось много русских народных обычаев, традиций, которые чаще всего спрятаны в непонятном для иранских студентов значении паремии. Только имея фоновые знания о русской культуре, их можно обнаружить и понять. Но, как мы знаем, персидская и русская культуры во многом различны, так как процесс их формирования и развития происходил и происходит в разных условиях.

С точки зрения перевода, поговорки русского языка делятся на:

1) русские пословицы и поговорки, которые полностью переводятся на персидский язык, имеют полный эквивалент, т. е. персидский вариант полностью соответствует русскому: *Кто ищет, тот всегда найдет* – *джуй'андэ йаб'андэ аст*;

2) русские пословицы и поговорки, перевод которых частично совпадает с персидским переводом, имеют частичный эквивалент, т. е. русский вариант несколько отличается от персидского: *Сытый голодного, а богатый бедного не знает* – *сир аз гороснэ хаб'ар н'адар'ад, с'аварэ аз пий'адэ*;

3) русские пословицы и поговорки, перевод которых полностью отличается от перевода на персидский язык, не имеют эквивалент (безэквивалентные), т. е. русский вариант не соответствует персидскому: *Язык до Киева доведёт* – *порсан порсан мир'ав'анд Нэндустан*. Данная поговорка содержит в себе культурную информацию о господствующем положении Древнего Киева. В древности Киев называли «матерью городов русских». Киев был столицей первого русского государства – Киевской Руси. Считалось, что Киев всем известен, что можно дойти до города, даже не зная дороги, а только расспрашивая о ней у встречаемых. Если для русских смысл поговорки понятен, то для иранских студентов она кажется чем-то новым, поэтому смысл не всегда раскрывается полностью. В данном случае национально-культурное своеобразие русской поговорки создает трудность при усвоении и переводе данной единицы иранскими студентами.

Следуя из опыта преподавания вышеуказанных предметов обучения в иранской аудитории, можем сказать, что для иранских студентов большую трудность при переводе и усвоении составляют пословицы и поговорки, которые относятся к третьему пункту, т. е. пословицы и поговорки, эквиваленты которых полностью отличаются от русского варианта и в которых передается национально-культурная информация, так как, контактируя с русской культурой, иранские студенты видят ее через призму своей локальной действительности, чем в основном и предопределяется непонимание специфических фактов и явлений иной культуры. При переводе русских пословиц и поговорок на персидский язык трудности возникают в большинстве случаев из-за отсутствия у студентов культурной информации о пословицах и поговорках, так как русские пословицы и поговорки – образные выражения, и за каждой из них скрыта традиция, история, быт русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуцева Т. Г. Диалог культур – условие будущего // Беларусь – Бельгия: Диалог культур. Минск : 1998. С. 45–61.
2. Комиссаров В. Н. Культурно- этнографическая концепция перевода // сб. научных трудов МГПИИЯ. 1991. № 375. С. 15–19.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : 1998. 268 с.

*Н. В. Михалькова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: nadezhdakr@yandex.ru*

*N. V. Mikhalkova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nadezhdakr@yandex.ru*

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДЕТЕРМИНАТИВОВ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются основные этапы развития системы детерминативов иероглифических знаков китайского языка, выявляются семантические характеристики входящих единиц, определяются основания устанавливаемых различий.

Ключевые слова: иероглиф; семантика; китайский язык; детерминатив; графема.

DEVELOPMENT OF THE CHINESE CHARACTERS' RADICALS: SEMANTIC ASPECT

The main stages of the development of the system of the Chinese characters' radicals are analyzed. The semantic characteristics of the radicals are revealed, the grounds for the established differences are determined.

Key words: character; semantics; the Chinese language; radical; grapheme.

Детерминативы иероглифов китайского языка образуют семантически неоднородную систему единиц, число конститuentов которой в разные периоды эволюции письменности варьировалось от 5 до 540 составляющих [2]. Причиной такого значительного расхождения являются как исторические факторы экстралингвистического характера, так и собственно лингвистические основания, заключающиеся в отсутствии единых подходов выделения или перехода детерминативов из статуса графемы фоноидеографической, идеографической в ключевую знакообразующую смысловую графему – детерминатив знака [1]. В основу системы детерминативов китайского языка были положены параметры мироздания философии *Wuxing* 五行 (огонь (火), вода (水), дерево (木), металл (金) и земля (土)), представляющие собой номинации важнейших сфер жизнедеятельности человека. При этом обозначение человека 人 появляется гораздо позднее после расширения уже выделенных областей (см. триграммы Фу Си: природные явления (雷 Гром, 風 Ветер), стихии (水 Вода, 火 Огонь), ландшафт (山 Гора, 澤 Озеро) и пространство (天 Небо, 地 Земля)). Семантический анализ иероглифических знаков последующих периодов развития китайской иероглифики наглядно демонстрирует разнообразие появившихся семантических типов детерминативов и резкое увеличение границ этой системы. Количество детерминативов

в знаках цзягувэней (甲骨文), например, насчитывает уже 136 единиц различных семантических типов. Универсальность оснований стратификации областей окружающей человека действительности с помощью иероглифики проявляется в дальнейшем в неизменном составе ядра системы детерминативов, включающего номинации лиц и объектов различного типа, например, 人 ‘человек’, 儿 ‘ребенок’, 母 ‘мать’, 父 ‘отец’, 子 ‘сын’, 女 ‘женщина’ и др. В систему детерминативов постепенно включаются также знаки с процессуальной семантикой, например, 比 ‘сравнивать’, 采 ‘разделять, различать’, 用 ‘использовать’, 示 ‘указывать, демонстрировать’, 攴 ‘продвигаться’, 止 ‘останавливаться’, 夂 ‘медленно идти, волочить ноги’, 立 ‘стоять’, 行 ‘идти’, 走 ‘ходить’, 辵 ‘гулять, быстро идти’, 飛 ‘летать’, 曰 ‘говорить’, 見 ‘видеть’ и др. Отдельная группа детерминативов сформировалась как средства обозначения признаков и качеств объектов: обозначения размера (大 ‘большой’, 小 ‘маленький’, 么 ‘крохотный’), длины (长 ‘длинный’, 么 ‘короткий’), высоты (高 ‘высокий’), цвета (青 ‘зеленый’, 黄 ‘желтый’, 黑 ‘черный’), вкуса (甘 ‘сладкий’, 辛 ‘горький, острый’), поведенческих (歹 ‘злой, плохой’), возрастных характеристик (老 ‘старый’) и др. Пополнение знаний путем добавления новых понятий приводит к введению в систему детерминативов обозначений абстрактных сущностей, например, 文 ‘язык’, 言 ‘речь’, 欠 ‘недостаток’, 工 ‘труд’, 色 ‘цвет’, 音 ‘звук’ и др.

Таким образом, семантический анализ развития системы детерминативов позволяет говорить о тенденции расширения этой области компонентов знаков, в первую очередь, за счет увеличения сферы номинаций объектов живой и неживой природы (ср. «Наименования процессов» (11 %), «Наименования абстрактных явлений» (12 %), «Наименования признаков объектов» (8 %), «Наименования объектов живой и неживой природы» (69 %)). Обозначенное ядро системы детерминативов остается неизменным, начиная с легендарной работы Сюй Шэня «说文解字» [2]. По настоящее время отмечается расширение системы детерминативов средствами семантической деривации, поскольку увеличение числа графических элементов не соответствовало бы принципам языковой экономии, что еще больше усложнило бы китайскую письменность и ее освоение. Это позволяет расширить функцию иероглифов за счет полисемии и использовать последнюю в качестве основного средства регулирования количества знаков иероглифического минимума [1, с. 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Резаненко В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности. Киев : КГУ, 1985. 132 с.
2. Сюй Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков. Юйлу : Издательство Юйлу, 2006. 540 с. = 许慎. 说文解字 / 慎许. 岳麓 : 岳麓社 2006. — 540页.

Ш. Набати, к. филол. н.
Гилянский университет, Решт, Иран
e-mail: shnabati@guilan.ac.ir

Sh. Nabati, Cand. Sc. (Philology)
University of Guilan, Resht, Iran
e-mail: shnabati@guilan.ac.ir

ВЫРАЖЕНИЕ СУБПРИЗНАКА “ВОЗРАСТ” ПЕРСИДСКИМИ ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИХ РУССКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ

Рассматриваются семантические характеристики глаголов движения в русском и персидском языках. Представлен анализ персидских глаголов с субпризнаком “возраст” в сопоставлении с их эквивалентами в русском языке.

Ключевые слова: глаголы движения; семантические характеристики; возраст; русский язык; персидский язык.

EXPRESSION OF THE SUBSCRIPTION "AGE" IN PERSIAN VERBS OF MOTION IN COMPARISON WITH THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS

The semantic characteristics of the verbs of motion in the Russian and Persian languages are considered. The analysis of Persian verbs with the sub-attribute “age” is presented in comparison with their equivalents in Russian.

Key words: verbs of motion; semantic characteristics; age; Russian language; Persian language.

У глаголов движения в русском языке есть несколько главных семантических признаков, к которым можно отнести ‘направленность (ненаправленность)’, ‘способ’, ‘среда’, ‘средство’, ‘зависимость и независимость’ движения [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Непереходные глаголы движения в русском языке группируются вокруг такого семантического признака, как среда перемещения. Этот признак находит отражение в семантике непереходных глаголов перемещения, которые на этом основании формируют 4 группы: глаголы, обозначающие перемещение по земле, по воде и по воздуху или независимо от среды перемещения. Глаголы, обозначающие перемещение по земле, по своим семантическим признакам образуют группу, семантическим центром которой является в русском языке глагольная пара *идти* – *ходить*, члены которой обозначают естественное перемещение человека в норме: в вертикальном положении (т. е. перпендикулярно поверхности).

В основе семантической дифференциации глаголов перемещения в персидском языке лежит ориентация на говорящего: (приближение к нему или удаление от него), определяющая структуриацию непереходных глаголов перемещения в персидском языке. Семантический признак ‘среда’, по-разному представая в семантике непереходных глаголов перемещения в персидском языке, оказывается значимым для глаголов, обозначающих перемещение по земле, по воде, и по воздуху, или нейтрализуется в семантике глаголов перемещения, обозначая перемещение субъекта в любой среде без уточнения использования или неиспользования средств перемещения.

В персидском языке релевантен **возраст** субъекта для обозначения особого вида перемещения субъекта (маленькие дети, старые люди). Например, для обозначения особого вида перемещения маленьких детей, которые не умеют хорошо ходить или ходят ковыляя, исключительно употребляется сложный глагол *تاتی کردن* *тати кардан* ‘ковылять’. В то время как в русском языке непереходные глаголы перемещения *хромать* и *ковылять* как эквиваленты персидского глагола *تاتی کردن* *тати кардан* содержат субпризнак ‘физический недостаток’ и обозначают перемещение субъекта особым способом, обусловленным этим недостатком.

Глагол *хромать* со значением «ходить, ковыляя из-за укороченной или больной ноги» [7] репрезентирует асимметричную походку, возникающую либо из-за больной ноги (одной ноги), либо укороченной ноги:

(1) *Он приходил, сильно **хромя** на свою раненую ногу, спрашивал деловито* [Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)].

Глагол *ковылять*, имеющий значение «идти, хромя, припадая на ногу или вперевалку» [там же], указывает на неловкое перемещение субъекта вследствие физического недостатка, в результате чего возникает переваливающаяся походка.

(2) *Никита **ковылял** на больных ногах и молча, с пристальным вниманием, косился на спутника: лицо странника казалось ему чуждым, чуждым и страшным в своей чуждости* [В. В. Вересаев. В степи (1901)].

Перемещение с трудом в персидском и русском языках обозначается глаголами *راه رفتن* *ба захмат раһ фатан* и *брести*. Персидский глагол профилирует перемещение, сопряженное с преодолением затруднений, связанных чаще всего с **возрастом** и физическим состоянием субъекта (маленькие дети и старые люди).

Сложный глагол *راه رفتن* *ба захмат раһ рафтан* ‘брести, дословно: идти / ходить по дороге с трудом’ обозначает перемещение субъекта, сопряженное с преодолением затруднений, связанных с возрастом (маленькие дети, люди преклонного возраста) (пример (3)) и физическим состоянием субъекта (пример (4)), что обусловлено их физическими возмож-

ностями. Этот глагол образован от наречия *با زحمت* *ба zahmat* ‘с трудом’ и сложного глагола *راه رفتن* *rah raftan* ‘идти / ходить по дороге’:

(3) *پیرمردی با قامت خمیده آهسته و با زحمت داشت راه می رفت.*

Пирмарди ба гамате хамидеh аhesте ва ба zahmat дашт rah миирафт [<http://facenama.com/view/post:146317866>].

‘Какой-то сгорбленный старик **ходил** медленно и **с трудом**’ (*با راه می رفت*) *با zahmat rah мирафт* – форма прошедшего времени 3-го лица единственного числа от глагола *راه رفتن* *rah raftan*).

(4) *همه (سربازها) را از پشت دستبند زده بودند. سر و صورت برخی خونی بود و با زحمت راه می رفتند.*

Наме (сарбазha) ра аз пошт дастбанд задеh буданд. Сар ва сурате бархи хуни буд ва ба zahmat rah мирафтанд [<http://www.kaleme.com/1393/02/02/klm-181647/>].

‘На всех [солдат] были надеты наручники. У некоторых голова и лицо были в крови, они **с трудом ходили по дороге**’.

В русском языке глагол *брести* со значением «Идти медленно или с трудом, едва передвигая ноги, плестись» [7] может обозначать перемещение, связанное с разными ситуациями. Глагол *брести* также предполагает перемещение субъекта с трудом, при котором он еле передвигает ноги, возможно, волочит их:

(5) *Однажды, около полудня, когда измученный тяжелыми переходами отряд Айли с трудом брел под отвесными лучами солнца, в передних рядах произошло замешательство, и они остановились* [Л. К. Артамонов. Донцы на Белом Ниле. Экспедиция Генерального штаба полковника Артамонова в долину Белого Нила, рассказанная со слов лейб-гвардии Атаманского полка младшего урядника Василия Архипова (1899)].

Таким образом, одним из релевантных компонентов семантики глаголов перемещения в персидском языке является возраст перемещающегося субъекта (маленькие дети, старые люди), который не является релевантным для глаголов перемещения в русском языке. Сказанное никоим образом не означает невозможности передачи соответствующей информации в том или ином языке, которая может получить выражение в контексте. Семантические отличия глаголов перемещения персидского языка часто передаются в русском языке приставочными глаголами, указывающими на направленность движения, а также контекстуально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: морфология : ч. 1-2. М. : Яз. слав. культуры : Кошелев, 2003. 570 с.
2. Гак В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М. : Междунар. отношения, 1966. 334 с.

3. Переход О. Б. Глаголы движения и перемещения в белорусском и русском языках : дис... канд. филол. наук : 10.02.02. / Минск, 1989. 217 л.
4. Мехтиханлы С. Г. Обучение бесприставочным глаголам движения иранских студентов на начальном этапе РКИ // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 2. С. 32–46.
5. Набати Ш. Семантика русских базовых непереходных глаголов движения в сопоставлении с персидскими коррелятами // Вест. МГЛУ. 2013. Сер. 1, Филология, № 5 (66). С. 27–40.
6. Набати Ш. Семантика русских базовых переходных глаголов движения в сопоставлении с их персидскими коррелятами. // Вест. МГЛУ. 2014. Сер. 1, Филология, № 2 (69). С. 42–50.
7. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1981–1984. 4 т.

УДК 81'27

*М. Н. Николаева, к. филол. наук
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
E-mail: marinik2@yandex.ru*

*M. N. Nikolaeva, Cand. Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: marinik2@yandex.ru*

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТРИЦАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование посвящено рассмотрению актуализации прагматического потенциала показателей категории отрицания в англоязычном публицистическом дискурсе.

Ключевые слова: отрицание; публицистический дискурс; прагматический потенциал; имплицитивные глаголы; импликация; пресуппозиция; аллегория.

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF NEGATION IN PUBLICIST DISCOURSE

The research considers the actualization of the pragmatic potential of the language means of negation in the English-language publicist discourse.

Key words: negation; publicist discourse; pragmatic potential; implicative verbs; implication; presupposition; allegation.

Категория отрицания относится к универсальным когнитивным категориям. По мнению Е. В. Падучевой, умение построить по утвердительному высказыванию отрицательное принадлежит к числу фундаментальных когнитивных способностей человека, включающих доказательство от противного, отказ от приглашения, возражение в споре и многие другие. Категории отрицания посвящена огромная литература, однако, она «таит в себе еще много загадок» [1, с. 399].

Категория отрицания находит выражение во многих языках прежде всего с помощью эксплицитных формальных показателей, несущих значение отрицания и получающих грамматические формы выражения, так и импли-

цитных показателей, в которых отрицание представлено на глубинном уровне. Отмечаются случаи, в которых эксплицитные формальные показатели отрицания выражают отличное от отрицания значение [2]. Все эти особенности показателей отрицания, связанные с их восприятием и обобщением в сознании носителей языка, делают их особо воспринимаемыми элементами, представляющими интерес для лингвистов.

Показатели отрицания, обладая достаточно узкой семантикой, связанной с реализацией категориального значения, способны актуализировать прагматический потенциал, функционируя в тексте [3, с. 5]. В этой связи цель исследования заключается в установлении и описании прагматического потенциала показателей отрицания на англоязычном материале американской публицистики.

Анализ показателей отрицания в публицистическом дискурсе показывает, что с их помощью могут быть выражены отрицательные эмоции и отрицательное отношение реципиентов к речевой ситуации, отражающей объективную действительность: *Despite his disillusion with "Soviet reality" and his aspirations for "humanitarian socialism" Gorbachev was **neither** Thomas Jefferson **nor** Vaclav Gavel* [4, p. 30] (рус. 'Несмотря на разочарование в "советской реальности" и стремление к "гуманитарному социализму", Горбачев не был ни Томасом Джефферсоном, ни Вацлавом Гавелом'). Показатель отрицания *no longer* обычно актуализирует пресуппозицию высказывания, например, *For both groups, the founding principles of Republican government and representative democracy **no longer** work* [5] (рус. 'Для обеих групп основополагающие принципы республиканского правительства и представительной демократии больше не работают'). Различные имплицитные глаголы участвуют в порождении различных импликаций. В высказываниях с отрицательными имплицитами в утвердительном контексте подчиненная пропозиция считается ложной и выводится в виде аллегации, разновидности импликации, и, напротив, в отрицательном контексте – имплицитируется пресуппозиция: *This guy could have been doing small transactions **to avoid getting** caught – and still have stolen millions* [6] (рус. 'Этот парень мог совершать небольшие операции в нескольких банках, чтобы его не поймали, и все равно украл миллионы').

Таким образом, актуализация прагматического потенциала отрицания отличается большим разнообразием и зависит от выдвигаемых в публицистическом дискурсе целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. Отрицание, снятая утвердительность и двойственность // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10, № 2. С. 399–413.
2. Николаева М. Н. Лингвонегативизм С. Беккета (на примере текста пьесы «В ожидании Годо») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 6 (84), Ч. 1. С. 128–135.

3. Николаева М. Н. О соотношении семантического и прагматического аспектов отрицания (на материале англоязычных текстов публицистического стиля : автореф. ... канд. филол. наук 10.02.04 / М., 1995. 28 с.
4. Strobe Talbott. Undoing Legacy // Time, Feb. 19, 1990. P. 29–31.
5. How Occupy Wall Street Led to the Rise of Donald Trump // Fortune, 2016 (16-03-23) URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 21.08.21).
6. Mark Clayton. Happy hacker arrest: Did police just nab a cyber crime “botmaster”. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 21.08.21).

УДК 811. 133. 1'36(045)

Ю. В. Овсейчик, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: ovsei77@rambler.ru

Yu. V. Auseichyk, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ovsei77@rambler.ru

КОМПЕНСАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРОТИВИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ДИАХРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается появление новых единиц с противительным значением как процесс компенсации постепенного исчезновения союза *ainz* ‘но’ и расширения функциональных и семантических возможностей союза *mais* ‘но’ в ранний период развития французского языка.

Ключевые слова: сочинительный союз; противительные отношения; старо- и средне-французский языки; семантика; диахрония.

COMPENSATION IN THE SYSTEM OF ADVERSATIVE COORDINATORS IN DIACHRONY (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

The appearance of new items with adversative meaning is considered as compensation for the gradual disappearance of the coordinator *ainz* ‘but’ and the expansion of the functional and semantic possibilities of the coordinator *mais* ‘but’ in the early period of the French language history.

Key words: coordinator; adversative relations; Old and Middle French; semantics; diachrony.

В данной работе представлены результаты исследования, посвященного существенным изменениям в системе средств выражения противительных отношений. В ранний период развития французского языка (IX–XVI вв.) исчезновение союза *ainz* ‘но’, маркирующего исключительно несовместимость двух положений дел, и рост употребительности союза *mais* ‘но’, обозначающего разнообразные противительные отношения, сопровождаются постепенным появлением новых морфологически более сложных единиц другого класса с узкоспециализированным противительным значением.

Объектом исследования являются семь единиц со значением противопоставления *au contraire* ‘наоборот’, *seulement* ‘только’, *pourtant* ‘однако, тем не менее, все-таки’, *toutefois* ‘однако, все-таки’, *néanmoins* ‘тем не менее, однако, при всём том’, *cependant* ‘между тем’, *nonobstant* ‘тем не менее, однако’, первая письменная фиксация которых относится к раннему периоду развития языка согласно лексикографическим и этимологическим источникам [1].

В работе используются данные старо- и среднефранцузского подкорпусов Национального корпуса французского языка Frantext [2], которые включают 59 документов XI–XIII вв., общим объемом 2 829 657 словоупотреблений, и 339 документов XIII–XVI вв., или 11 244 215 словоупотреблений соответственно. Применяется дистрибутивный, функционально-семантический, логико-семантический и контекстуальный анализ корпусных данных с использованием трансформационного метода.

Устанавливается, что употребительность новообразованных единиц с семантикой противопоставления значительно ниже употребительности союза *mais*, количество вхождений которого в 5,5 раз превышает общее количество вхождений всех единиц в подкорпусе среднефранцузского языка (26 163 vs. 4 726 соответственно).

Выявляется, что в период среднефранцузского языка новые единицы соединяют противопоставленные части Р и Q при сохранении порядка следования компонентов по аналогии с союзами *mais* / *ainz* и занимают позицию непосредственно перед вторым компонентом, выдвигая в коммуникативный фокус его когнитивную и прагматическую значимость. Определяется уподобление семантических и сочетаемостных свойств новых единиц противительному союзу *mais*: соединение двух предикативных единиц, содержание которых либо противопоставляется, либо модифицируется.

Обращается внимание на то, что новые единицы с противительным значением в 12 % выявленных контекстах могут выступать в роли конкретизаторов союза *mais* ‘но’ в среднефранцузском языке и служат для дифференциации разнообразных противительных отношений (несовместимость, присоединение, замещение, пояснение, ограничение и т. д.). В роли конкретизатора союза *ains* в единичных контекстах используется наречие *au contraire*, что в последующем будет признано избыточным и исключено из употребления грамматистами-пуристами в период классического языка.

Таким образом, появление новых единиц со специализированным противительным значением компенсирует постепенное исчезновение союза *ainz* и неоднозначность противительного союза *mais*, выступая функциональными эквивалентами последнего в разнообразных контекстах.

Одновременное упрощение и усложнение в частной системе сочинительных союзов свидетельствует о потребности говорящего дифференциро-

вать разнообразие противительных отношений, что отражает нарастающую в языке тенденцию к анализируемости и свидетельствует о значимости противительных отношений в восприятии окружающей действительности в ранний период развития языка.

Перспективным представляется рассмотрение процесса пополнения класса противительных единиц в диахронии с дифференциацией их семантики и функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Centre National des ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: апрель 2021).
2. Frantext. Национальный корпус французского языка. URL: <http://www.frantexte.fr/> (дата обращения: апрель 2021).

УДК 811.111'367'37(043.2)

В. В. Павлова, магистрант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: pavlova.veronika.2@mail.ru

V. V. Pavlova, undergraduate

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: pavlova.veronika.2@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ *STORM* И *THUNDER* И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Рассматривается семантическая вариативность глаголов *storm* и *thunder* сопряженная с вариативностью номинативных компонентов в их синтаксическом окружении.

Ключевые слова: семантика; синтаксис; климат; валентность; значение.

SEMANTIC POTENTIAL OF VERBS *STORM* AND *THUNDER* AND ITS SYNTACTIC IMPLEMENTATION

The paper deals with the semantic variability of the verbs *storm* and *thunder* associated with the variability of nominative components in their syntactic environment.

Key words: semantics; syntax; climate; valence; meaning.

Согласно этимологическим сведениям [1], лексические единицы *storm* и *thunder* первоначально вошли в систему как существительные и использовались для именованья климатических явлений природы. Позже, подвергшись процессу вербализации (переходу лексических единиц из разряда существительных в разряд глаголов), соответствующие глаголы начали использоваться для именованья климатических процессов. Дальнейшее развитие языка позволило данным глагольным единицам расширить свой

семантический потенциал. Как показал анализ словарных дефиниций [2], глагол *storm* имеет до четырех неклиматических значений, глагол *thunder* – три. Помимо именования климатических процессов, данные глаголы могут служить номинации вербальных действий, а также материальных действий перемещения в пространстве и создания звука.

Особенности синтаксической реализации глагольных единиц находятся в тесной связи с их валентностью. Специфика комбинаторно-валентностных свойств климатических глаголов, к коим в силу своих этимологических и семантико-синтаксических свойств относятся *storm* и *thunder*, обратила на себя внимание многих исследователей, в частности, они представлены в номенклатурах безвалентных (Л. Теньер) [3, с. 121], амбиентных (У. Чейф) [4, с. 114], нульместных (В. В. Богданов) [5, с. 51] глаголов / предикатов, что свидетельствует о возможности безактантного употребления глаголов, называющих климатические процессы. Так, было выявлено, что значение климатического процесса может быть актуализировано обоими глаголами в безличных конструкциях с формальным подлежащим *it*, а также в предложениях, где в позиции подлежащего обнаруживается элемент – активный, неодушевленный производитель действия, как правило, природного характера [5, с. 54]: *it stormed all night; the angry sky thundered overhead*. Было обнаружено, что актуализация неклиматических значений глаголов *storm* и *thunder* сопровождается изменением их синтаксического окружения. Анализ ролевого окружения данных глагольных единиц, употребленных в различных значениях, позволил установить типичные синтаксические условия, необходимые для реализации тех или иных значений. Появление в позиции подлежащего слова, семантически не относящегося к области метеорологии, является первым маркером того, что глаголы *storm* и *thunder* используются не в климатическом значении. Так, значение вербального действия может быть реализовано посредством использования двух синтаксических шаблонов, где в позиции подлежащего употреблен агентив:

1) агентив + глагол + объектив со значением вербального действия (опционально появление пациентива): *he thundered a command*;

2) прямая речь + агентив + глагол: *“Do you know who I am?” he stormed*.

Анализ показал, что актуализация значения материального действия перемещения в пространстве обусловлена появлением в синтаксическом окружении данных глаголов агентива и локатива: *she stormed into the office; we thunder down the cold stone stairs*.

Реализация значения материального действия создания звука сопровождается появлением в синтаксическом окружении глагола *thunder* объектива в позиции подлежащего: *guns thundered in the distance*. При этом актуализация этого значения глаголом *storm* характеризуется иными номинативными компонентами – агентива в позиции подлежащего и пациентива в позиции дополнения: *he stormed at her*. Появление в схожих синтаксических условиях перцептива на месте пациентива позволяет глаголу *storm* реализовать значение «атаковать»: *they stormed the castle*.

Таким образом, в результате анализа словарно закрепленных значений глаголов *storm* и *thunder*, а также номинативных компонентов в их синтаксическом окружении было обнаружено, что семантическая вариативность данных глаголов сопряжена с модификациями в их синтаксическом окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 15.05.2021).
2. Merriam-Webster Learner's Dictionary URL: <https://learnersdictionary.com> (date of access: 31.05.2021).
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М. : Прогресс, 1988. 645 с.
4. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М. : Либроком, 2009. 430 с.
5. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград : ЛРУ имени А. А. Жданова, 1977. 204 с.

УДК 811.112.2367.633(043.2)

С. В. Паремская, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: swetaparevskaja@yandex.ru

S. W. Paremskaya, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: swetaparevskaja@yandex.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА *IN*

Анализируются основные диахронические изменения в семантике предлога *in*; выявлены разнонаправленные процессы сужения и расширения пространственного значения предлога, изменения в его темпоральном значении.

Ключевые слова: предлог; семантика; пространственные отношения; диахронические изменения.

DIACHRONIC CHANGES IN THE SEMANTICS OF THE GERMAN PREPOSITION *IN*

The main diachronic changes in the semantics of the preposition *in* are analyzed; revealed multidirectional processes of narrowing and expanding the spatial semantics of the preposition, changes in its temporal semantics.

Key words: preposition; semantics; spatial relations; diachronic changes.

In 'в' относится к группе самых древних, первообразных предлогов немецкого языка. О происхождении данного предлога не существует единого

мнения: индоевропейское происхождение [1] vs. общегерманский предлог [2, S. 361]. Он также является наиболее частотным из всех первообразных предлогов, служащих для выражения пространственного значения [3, с. 62].

Изначально *in* обозначал расположение, протяженность, а также движение в пространстве и времени. В ходе исторического развития на основе этих значений развилось большое количество переносных значений.

В работе представлены результаты анализа диахронических изменений значения предлога *in*. Анализ проводился на основе словарей немецкого языка: исторического словаря Г. Пауля, словаря Duden Deutsches Universalwörterbuch, онлайн-словарей отдельных периодов развития немецкого языка (онлайн-словарь древневерхненемецкого языка <http://awb.saw-leipzig.de>, онлайн-словарь средневерхненемецкого языка <http://mhdwb-online.de>, онлайн-словарь ранневерхненемецкого языка <https://fwb-online.de>), грамматики Г. Хельбига и Й. Буша, словаря немецких предлогов Й. Шредера.

Установлено, что на всех этапах развития немецкого языка – от древневерхненемецкого до нововверхненемецкого – предлог *in* являлся многозначным. Уже в древневерхненемецком языке он мог выражать целый ряд значений: пространственное, темпоральное, модальное, инструментальное, финальное, каузальное, условия. Широкая палитра значений этого предлога сохранилась и в современном немецком языке, однако характер его пространственного и темпорального значений несколько изменился, что отразилось на дистрибутивных свойствах предлога.

С одной стороны, в процессе исторического развития произошло **сужение** пространственной семантики предлога. Так, на ранних этапах развития языка предлог *in* употреблялся в **локальном** значении при обозначении групп лиц, объединенных общностью территории: ср.: в древневерхненемецком *in Vrankôn* 'среди, у франков', в средневерхненемецком *in Swâben* 'среди, у швабов', *in Vranken* 'среди, у франков', *in Burgonden* 'среди, у бургундов', в нововверхненемецком *solche Strafe sehen wir heutig's tags in den Jüden* 'такое наказание мы видим сейчас у евреев'. В настоящее время в аналогичных контекстах используются предлоги *bei* 'под, у, при' и *unter* 'под, среди, между'.

Ранее предлог *in* также употреблялся в локальном значении при обозначении географического места, расположения и нахождения на какой-либо территории: *in der Höhe des Gipfels eines Berges* 'на вершине горы', *in der Insel* 'на острове'. В современном немецком языке в подобных случаях употребляется предлог *auf* 'на'.

Кроме того, на ранних этапах развития немецкого языка *in* употреблялся с географическими названиями для обозначения **дирекциональных** отноше-

ний: *nach des Kaisers Ableben gieng sie in England zurück* 'после смерти кайзера она вернулась в Англию'. В настоящее время в сочетаемости предлога с именами названного класса наблюдаются существенные ограничения: *in* употребляется для обозначения дирекциональных отношений только с географическими названиями мужского и женского рода, а также множественного числа. С именами географических объектов среднего рода употребляется предлог *nach*: *Bald fahre ich nach Deutschland* 'Скоро я поеду в Германию'.

С другой стороны, в развитии семантики предлога *in* прослеживается и противоположный процесс **расширения** пространственного значения. Так, *in* вместо предлога *zu* стал употребляться с именами городов для обозначения статических пространственных отношений. *Zu* в данной функции продолжает использоваться только в составе некоторых устойчивых выражений: *Universität zu Köln* 'университет Кельна', *Dom zu Aachen* 'собор в Аахене'.

Что касается **темпоральной** семантики, то в ходе эволюции произошло ее **сужение**. Так, предлог *in* употреблялся для обозначения временного отрезка между началом и концом дня. Со временем данные функции перешли к предлогам *an* 'на, возле', *während* 'на протяжении', другим средствам, обозначающим протяженность во времени: ср.: средневерхненемецкое *in dem Tage* 'в [этот] день' и современное *an dem Tage, während des Tages* 'в течение дня'. Употребление предлога *in* сохранилось сейчас в этом значении только во множественном числе: *in den letzten Tagen* 'в последние дни'.

Таким образом, диахроническое исследование семантики предлога *in* показало, что в процессе развития немецкого языка наблюдаются изменения его локального и темпорального значений. Установлены изменения главным образом в сторону сужения значения, что, вероятно, вызвано дифференциацией значений предлога *in* и появлением новых предлогов. Проверка этой гипотезы и выявление закономерностей в развитии системы предлогов немецкого языка станет предметом нашего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#0> (дата обращения: 09.08.2021).
2. Duden: Das Herkunftswörterbuch : Band 7, Hrsg.: von der Dudenredaktion. Mannheim.: Dudenverlag, 2006. 960 S.
3. Тарасевич Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков). Минск : МГЛУ, 2014. 272 с.

*Э. Э. Паремузашивили, к. филол. н.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия
e-mail: eeparemuzashvili@pushkin.institute*

*E. E. Paremuzashvili, Cand. Sc (Philology)
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
e-mail: eeparemuzashvili@pushkin.institute*

ПРИМЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ДОГАДКИ ПРИ РАБОТЕ С ГАЗЕТНЫМИ ЗАГОЛОВКАМИ

На основе языковой догадки рассматриваются способы работы в иностранной аудитории с газетными заголовками, в которых содержатся важные для русской культуры прецедентные имена.

Ключевые слова: языковая догадка; газетный заголовок; прецедентное имя; лингвокультурема; социокультурная компетенция.

USING LANGUAGE GUESS WHEN WORKING WITH NEWSPAPER HEADLINES

We are looking at ways to work with newspaper headlines in a foreign audience. To do this, we use a language guess. The analyzed newspaper headlines contain important precedent names for Russian culture.

Key words: language guess; newspaper headline; precedent name; linguoculturema; sociocultural competence.

Лингвострановедение – важная составляющая процесса обучения иностранному языку, так как при таком подходе язык изучается комплексно – как лингвокультурологический знак. В этом контексте газетные заголовки являются прекрасным учебным материалом, так как отвечают нескольким важным методическим принципам: в них отражена актуальная проблематика, они состоят из аутентичного материала, часто построены на языковой игре и прецедентности, что благотворно сказывается на развитии внутренней мотивации студентов, которая, в свою очередь, приводит к тому, что обучающиеся начинают свободно выражать и аргументировать собственную точку зрения.

Работая с газетными заголовками, мы рекомендуем применять языковую догадку не только для семантизации лексики, но и при работе с контекстом, интерпретируя и анализируя текст статьи.

В приведённых нами примерах содержатся важные для русской культуры прецедентные имена – *Пушкин* и *Остан*, поэтому для организации предтекстовой работы можно воспользоваться мультимедийным лингвострановедческим словарём «Россия» [1], в котором каждая единица трактуется

с несколькими позиций: даётся энциклопедическая справка, показано отражение того или иного понятия в культуре, языке и речи; то есть лексемы, представленные в словаре, являются лингвокультуремами.

Проанализируем первый заголовок «*Пушкин, который стихов не сочинял*» [2]. Задача преподавателя – помочь студентам, опираясь только на название, ответить на вопрос: о чём эта статья?

Для удобства поясним: в данной заметке рассказывается о враче – однофамильце А. С. Пушкина.

Варианты, которые будут предлагать студенты, скорее всего, будут связаны с поэтом, и, чтобы отойти от классика, необходимо акцентировать их внимание на том, что в заголовке нет инициалов «А. С.». После того как будет высказано предположение об однофамильце, можно перейти к работе с текстом статьи – чтению и обсуждению.

Кроме того, в тексте статьи говорится об именах, которые появились после революции 1917 г. – *Пятилетка, Октябрина* и др., поэтому можно поговорить со студентами о советской ономастике, рассмотрев влияние социальных и исторических процессов первой половины XX века на русский язык вообще и систему имён в частности.

В следующем заголовке «*Остапы молодеют*» [3] без предтекстовой работы не обойтись, так как литературный персонаж Остап Бендер малоизвестен в иностранной аудитории. Целесообразно разделить студентов на две подгруппы, одна из которых будет работать с лингвострановедческим словарём [4], а вторая – с отрывком из романа «12 стульев», в котором описывается Остап Бендер [5].

Далее – каждая подгруппа рассуждает на тему «Кем же был Остап Бендер?». После чего можно ответить на вопрос: о чём эта статья?

На следующем этапе работаем с текстом статьи: читаем и обсуждаем её.

Завершить занятие можно рассмотрев образ авантюриста в русской литературе (*Чичиков, кот Бегемот, Остап Бендер*) или проанализировав крылатые выражения из дилогии И. Ильфа и Е. Петрова.

В заключение отметим, что газетные заголовки можно использовать на занятиях по практическому курсу русского языка, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, русской литературе, языку СМИ и русской идиоматике.

Преимущества работы с газетными заголовками заключаются в том, что у иностранных студентов формируется социокультурная компетенция, развивается творческое и критическое мышление, стимулируется речевая деятельность на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвострановедческий словарь Россия. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title> (дата обращения: 07.06.2021).

2. В «АиФ» пишут. Пушкин, который стихов не сочинял. Еженедельник «Аргументы и Факты» № 18. 30/04/1996. URL: <https://aif.ru/archive/1645437> (дата обращения: 07.06.2021).

3. Уголок О. Бендера. Остапы молодеют. Еженедельник «Аргументы и Факты» № 14. 03/04/1996. URL: <https://aif.ru/archive/1645358> (дата обращения: 07.06.2021).

4. Лингвострановедческий словарь Россия. Остап Бендер. URL: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Остап_Бендер/B1-B2 (дата обращения: 07.06.2021).

5. Илья Ильф, Евгений Петров Двенадцать стульев. Глава 5 Великий комбинатор. URL: <https://www.litres.ru/ilya-ilf/dvenadcat-stulev/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 07.06.2021).

УДК 81'22

*И. М. Петрова, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
e-mail: miinna@yandex.ru*

*I. M. Petrova, Cand. Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: miinna@yandex.ru*

РЕЛЯТОРНЫЕ СТРУКТУРЫ КАК ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК СХЕМАТИЧЕСКОЙ ИКОНИЧНОСТИ

Рассматривается природа языкового знака-схемы – реляторной структуры, построенного по принципу схематической иконичности и функционирующего на синтаксическом уровне и его потенциал в лингвокультурных исследованиях.

Ключевые слова: реляторная структура; релятор; релятум; схематическая иконичность.

RELATOR STRUCTURES AS A LANGUAGE SYMBOL OF SCHEMATIC ICONICITY

The paper considers the nature of a language sign – relator structure – built on the principle of schematic iconicity and functioning at the syntactic level and its potential in linguacultural research.

Key words: relator structure; relator; relatum; schematic iconicity.

Данное исследование посвящено изучению потенциала реляторной структуры как языкового знака. Исследование проводилось на материале русского и английского языков. Цель работы состояла в выделении и анализе реляторных структур в данных языках. Для решения задач исследования использовался лингвистический эксперимент с привлечением корпусного подхода на основе поисковой системы Google [4; 1].

Рассмотрение схематической иконичности как репрезентации изоморфизма ситуации действительности средствами языковой системы на синтаксическом уровне позволяет выделить знак-схему, построенный на основе принципов порядка следования элементов структуры и их расположения (близости – удаленности) относительно ключевого элемента структуры [5].

Порядок слов и расстояние в контексте схематической иконичности реализуют принцип смежности, свойственный реляторной структуре – семантико-синтаксической единице, объединяющей в единый комплекс несколько предикаций. Отношения между предикациями задаются ключевым элементом структуры – релятором – и представляют собой либо их координацию, либо субординацию. Принципы схематической иконичности позволяют выделить три схемы реляторных структур: **r1–R–r2** (*добро и зло*); **R–r1–r2** (*хотел бросить курить*); **r1–r2–R** (*молодая красивая девушка*), состоящих из следующих элементов: релятор – **R**, релятум 1 – **r1** и релятум 2 – **r2**. Релятор, являясь ключевым звеном структуры, может указывать на отношения между релятумами, выполняя координирующую функцию (*война и мир*), либо обозначать денотативный элемент ситуации, обуславливая специфицирующую функцию релятумов, например, спецификация объекта (*большой красный автомобиль*) или действия (*мечтал начать танцевать*). Релятум – это предикация, функция которой состоит в описании элемента ситуации, транслируемой говорящим [2; 3].

Реляторная структура строится на основе релятора (R), определяемого как единица языка «имеющая в своей семантико-синтаксической структуре два синтагматических слота, или релятума (r), и устанавливающая определенные семантико-синтаксические отношения между ними» [6, с. 410]. Другими словами, реляторная структура представляет собой сложный языковой знак, состоящий из двух предикативных элементов и реализуемый в определенной схеме, например: **r1–R–r2**: *мир* (1) и *война* (2); **r1–r2–R**: *большой* (1) *новый дом*; **R–r1–r2**: *решил начать* (1) *строить* (2). В данных структурах присутствует релятор, выраженный как служебной частью речи (союз *и*), так и знаменательными частями речи (существительное *дом* и глагол *решил*).

Предложенная классификация языкового знака позволяет осуществлять экспериментальные исследования вариативности когнитивного фокуса фразы с целью выявления когнитивных доминант в той или иной культуре [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова И. М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 127–142.
2. Петрова И. М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур русского и английского языков). М. : Языки народов мира, 2020. 185 с.
3. Петрова И. М. Схематическая иконичность в реляторных структурах: порядок следования элементов // EurasiaScience: сборник статей XXX международной научно-практической конференции. Москва : «Актуальность.РФ», 2020. С. 194–196.
4. Сулейманова О. А. Использование BIGDATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466–472.
5. Langendonck W. Categories of word order iconicity // Syntactic Iconicity and Linguistic Freezes: The Human Dimension. Berlin : Walter de Gruyter, 1995. P. 79–90.
6. Langendonck W. Iconicity // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 394–420.

О. О. Петрова, к. филол. н.
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
e-mail: poks1990@yandex.ru

O. O. Petrova, Cand. Sc. (Philology)
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia
e-mail: poks1990@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В работе описаны такие семантические возможности формирования многозначности, как неоднократное прочтение семантико-синтаксической структуры значения, а также расширение и сужение значения слов.

Ключевые слова: семантико-синтаксическая структура значения; расширение и сужение значения слов.

THE FORMATION OF POLYSEMY AS A RESULT OF THE SEMANTIC POTENTIAL OF LEXICAL UNITS

The paper describes such semantic possibilities for the formation of polysemy as repeated reading of the semantic-syntactic structure of meaning, as well as the expansion and narrowing of the meaning of words.

Key words: semantic-syntactic structure of meaning; expansion and narrowing of the meaning of words.

Тема исследования – возможности развития многозначности. Целью настоящей работы является описание семантических процессов развития значений в пределах семантической структуры слова. Материалом послужили словарные статьи. Ведущим методом исследования является анализ.

Основные результаты и выводы.

А) *многозначность как следствие неоднократного прочтения семантико-синтаксической структуры значения.*

«Фразеологичные по семантике производные представляют собой открытые семантические структуры: они вмещают в себя неограниченное количество прямых номинативных значений как результат неоднократного образования по данной модели» [1, с. 75]. Многозначность, лишенная иерархичности, свойственна не только производным с фразеологической семантикой, но и словам непроизводным. Многозначность у них формируется как следствие неоднократного прочтения семантико-синтаксической структуры значения. Шведова 2011: «*Утренник*, -а, м. – 1. Утренний спектакль, представление, зрелище (обычно для детей). Выступление артистов на *утреннике* 2. Утренний мороз весной или осенью. Закрыть рассаду от *утренников*» [2, с. 1039]. С нашей точки зрения, большинство слов (производных и непроизводных) как модели толкования – потенциально открытые семан-

тические структуры. Пример радиальной схемы организации метонимических значений: «Свобода «некая независимость человека» [исходное базовое условное значение]: 1. Вообще – отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чем-н.: – Дать детям *свободу*. Свобода в общем употреблении. 2. В философии: возможность действовать по своей воле, не причиняя вреда другим и не нарушая закона: – Сущность *свободы*. Свобода в философии. 3. Отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность всего общества, отдельных его членов, какой-н. социальной группы: – Гражданская *свобода*. Свобода в общественно-политическом дискурсе» [3, с. 42].

Б) *расширение и сужение значения слов*.

На границе синхронии и диахронии расположились процессы расширения и сужения значения слова. Часть из них – факт диахронии, часть принадлежит синхронии. Ср. расширение значения в диахронии: *мошенник* – первоначально ‘вор-карманник’ (мошна – ‘кошелек’), сейчас – ‘любой нечестный на руку человек’; Сужение значения касается меньшего количества слов: например, в диахронии *платье* – ‘любая одежда, которую носят поверх белья’ (гражданское, военное платье); в современном русском языке – ‘женская одежда особого покроя’. В синхронии данные процессы осуществляются по: А) метафорической, Б) метонимической или В) гипогиперонимическим проекциям: А) Шведова 2011: «*Экологичный*, -ая, -ое; -чен, -чна. Экологически чистый, безвредный. *Экологичные* материалы. *Экологичные* технологии» [2, с. 1121]. Сегодня возможно такое употребление: *экологичные* отношения, *экологичное* общение, *экологичный* образ (стиль) жизни. Б) Шведова 2011: «*Локация*, -и, ж. (спец.). Определение местоположения объекта по сигналам, излучаемым самим объектом, или по сигналам, направляемым к нему» [2, с. 415]. Нередкими становятся следующие случаи употребления слова *локация*: выбрать подходящую (нужную) *локацию* (для фото, съёмок), красивая *локация*. В компьютерных играх: *локация* – отдельная область виртуального мира. В) Шведова 2011: «*Утятница*, -ы, ж. Продолговатая посуда с толстыми стенками для приготовления утиной тушки» [2, с. 1040]. В речи слово *утятница* обозначает посуду с толстыми стенками для приготовления утиной тушки, а также и другой птицы.

Таким образом, большинство слов (производных и непроизводных) – потенциально открытые семантические структуры, что определяет дальнейшие перспективы исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М. : Русский язык, 1984. 152 с.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : «Азбуковник», 2011. 1175 с.
3. Ерёмин А. Н., Петрова О. О. Метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации: монография М. : ФЛИНТА, 2019. 240 с.

*Д. А. Попова, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
Email: darcy.popova@mail.ru*

*D. A. Popova, Cand. Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
Email: darcy.popova@mail.ru*

ГИБРИДНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ И ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ МЕНТЕФАКТОВ

В работе рассматриваются особенности образования эмоционально-оценочных смыслов ментефактов при одновременной активизации нескольких концептуальных областей, стоящих за семантикой словосочетаний с именем ментефакта.

Ключевые слова: ментефакт; атрибутивная сочетаемость; оценочная категоризация; эмоциональная оценка.

HYBRID CONCEPTUAL SPACES AND EVALUATIVE CATEGORIZATION OF MENTIFACTS

The paper focuses on the peculiarities of the emotional evaluative senses formed when several conceptual spaces, underlying the semantics of the phrases containing a mentifact nomination, are activated simultaneously.

Key words: mentifact; attributive compatibility; evaluative categorization; emotional evaluation.

Регулярно продуцируемые и активизируемые ментефакты или элементы сознания человека частотно запускают процесс оценочной категоризации, результатом которой является появление их эмоционально-оценочных смыслов, которые формируются при взаимодействии концептуальных областей (КО) имен ментефактов и некоторых концептуальных пространств атрибутов: «физио-психологические характеристики человека», «деятельность и взаимодействие человека с другими людьми», «действия и события», «свойства предметов и явлений», «мировоззрение и мировосприятие», «природные явления», «норма», концептуальное пространство-доминанта гибридных КО.

В силу своей многогранности особенно интересно концептуальное пространство-доминанта гибридных КО – в него входят КО, относящиеся ко всем из вышеперечисленных пространств-доминант. Любопытным представляется взаимодействие этих КО при создании эмоционально-оценочных смыслов, и то, как результат подобной концептуальной интеграции закрепляется в языке.

Итак, в результате концептуального анализа атрибутивно-номинативных словосочетаний с именами ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности человека, была определена карта межконцептуального взаимодей-

ствия КО, стоящих за характеризующими имена ментефактов атрибутами: «параметр»+«взаимоотношения» (*deeply hostile stance*), «параметр» + «артефакт» (*uppercrust notion*), «параметр» + «животное» (*little pet idea*), «параметр» + «интеллектуальная деятельность» (*grandiosely named hypothesis*), «параметр» + «физическое действие» (*deep-seated idea*), «параметр» + «физическое свойство» (*highly rigorist outlook*), «параметр» + «эмоциональное воздействие» (*highly entertaining interpretation*), «физиология»+«параметр» (*bone-deep conviction*) [1].

При сочетании с атрибутом, значение которого реферирует сразу к нескольким КО, благодаря семантике ментефакта запускается процесс концептуальной интеграции. При этом происходит метафорический перенос из исходной КО атрибута и активизация его оценочного потенциала. В результате значение атрибута расширяется и получает дальнейшую конкретизацию. Такой двунаправленный процесс концептуальной интеграции обуславливает формирование смыслов эмоционально-психологической оценки ментефакта.

Рассмотрим пример: *The protesters were helped by the **disarmingly sympathetic attitude** of the Chief Constable John Alderson* [2].

Композиционную семантику атрибутивного словосочетания с именем ментефакта обуславливает взаимодействие КО-источников метафоры «физическое действие» и «черта характера» компонентов атрибута *disarmingly sympathetic* и КО-мишени «продукт интеллектуальной деятельности» имени ментефакта *attitude*. Элемент КО атрибута «сопереживание» проецируется на элемент КО имени ментефакта «отражение в ментефакте черт личности его продуцента», а элемент «разоружение» КО «параметр» наречия *disarmingly* – на элемент «эмоциональное воздействие ментефакта» КО имени ментефакта. При этом образуется интегрированное пространство, содержащее знание об отражении в ментефакте выдающейся способности его продуцента сопереживать, получающим положительную эмоциональную оценку субъектом.

В результате концептуальной интеграции КО имен ментефактов и КО характеризующих их атрибутов образуется набор оценочных смыслов, которые формируют эмоциональную оценку ментефактов: привлекательность ментефакта (*apparently attractive*); отражение в ментефакте черт продуцента (*deep-seated*); изменение ментефактом эмоционального состояния субъекта (*beautifully evocative*); обусловленная содержательным наполнением способность ментефакта воздействовать на эмоциональный фон человека (*extraordinary constitutional*); способность ментефакта воздействовать на эмоциональный фон человека, обусловленная условиями или последствиями его активизации (*fiercely disputed*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова Д. А. Оценочная категоризация ментефактов в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Воронеж, 2017. 382 л.
2. British National Corpus of the English Language. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 24.04.2021).

*Е. А. Попова, к. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: o-genia@yandex.ru*

*E. A. Popova, Cand. Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: o-genia@yandex.ru*

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ СМЕХА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются глаголы испанского языка, составляющие лексико-семантическое поле СМЕХ, выявляются особенности их значений. Делается акцент на телесности смеха как физического действия, выраженной в устойчивых сочетаниях.

Ключевые слова: испанский язык; смеховая реакция; языковая единица; глагол; семантика.

SEMANTICS OF SPANISH VERBS OF LAUGHTER

The paper considers Spanish verbs which make up the lexical-semantic field of LAUGHTER, revealing the peculiarities of their meanings. Special attention is paid to the corporeality of laughter as a physical action, expressed in idiomatic combinations.

Key words: the Spanish language; laughing reaction; linguistic unit; verb; semantics.

В первую очередь, смех являет собой действие, поэтому анализ способов его репрезентации логично начинать с глаголов и глагольных конструкций, формирующих соответствующее лексико-семантическое поле. Во-первых, речь идет о смехе как физическом способе выражения эмоций, во-вторых – как об отношении к другому человеку, для чего используются языковые единицы (ЯЕ) со значением *смеяться над кем-л.*, где физический смех вторичен.

В испанском языке вторая группа ЯЕ представлена следующими глаголами: *reír(se)* – ‘смеяться’ (общее и нейтральное); *chancear* (разг.) – ‘шутить, балагурить’; *bromear* (разг.) – ‘подшучивать’ (чаще – по-доброму); *chusmear* – ‘подшучивать, насмехаться’; *burlarse* – ‘насмехаться, издеваться, глумиться’. Кроме «ядерного» глагола *reír(se)*, способного обозначать смех в любых проявлениях и выступающего частью многих идиом, приведенные ЯЕ почти не встречаются в устойчивых сочетаниях (кроме *burlarse de alguien en sus narices* = ‘в открытую насмехаться над кем-л.’, букв. ‘смеяться кому-л. в нос’).

Первая группа глаголов смеха, используемых для выражения эмоций с помощью голоса или мимики, в русском языке представлена «палитрой» ЯЕ: *смеяться, прыскать, усмехаться, фыркать, хихикать, хохотать, гоготать*;

улыбаться, ухмыляться, скалиться, склабиться и др. В испанском же языке, на первый взгляд, существует чуть ли не единственный корень со значением физического смеха, от которого происходят глаголы *reír(se)* – ‘смеяться’ и *sonreír(se)* – ‘улыбаться’. Примечательно, что от латинского глагола **ridere*, также образовано *ridículo* – ‘смехотворный’, а причастие **risus* стало основой существительных *risa / sonrisa* (‘смех’ / ‘улыбка’) [Diccionario Etimológico].

Можно предположить, что указанный факт обусловил наличие множества идиом, включающих компонент *reír / risa* (более 70) и передающих оттенки смеха. Русские глаголы в переводных словарях имеют следующие эквиваленты: ‘прыснуть’ – *reventar de risa* (букв. ‘лопаться от смеха’); ‘усмехнуться’ – *sonreírse maliciosamente* (букв. ‘ядовито улыбнуться’); ‘фыркнуть’ – *estallar de risa* (букв. ‘взорваться от смеха’); ‘хихикать’ – *reírse solapadamente* (букв. ‘смеяться исподтишка’); ‘скалиться, склабиться’ – *sonreírse mostrando los dientes* (букв. ‘улыбаться, показывая зубы’); ‘хохотать’ – *reír(se) a carcajadas*. Синоним последнего выражения – глагол *carcajear*, образованный от существительного *carcajada* (‘хохот’). Указанная ЯЕ, однако, гораздо менее частотна, чем упомянутое выражение: в паниспанском корпусе М. Дэвиса – 191 вхождение глагола *carcajear* против 2583 – приведенной глагольной конструкции и 7285 – сочетаний *carcajadas* с другими глаголами (*lanzar, arrancar, desatar, sacar, estallar en...*) в том же значении [Corpus del español].

В поисках других глаголов с семантикой физического смеха мы обратились к идеографическому словарю Р. дель Морала (2009), где лексико-семантическая группа смеховой реакции является частью семантического поля «Тело человека» [Del Moral 2009, с. 148]. Данный факт важен для понимания физиологичности, корпоральности смеха в испаноязычных культурах. При буквальном переводе многих идиом смеха можно заметить либо наличие в них названий частей тела (*reír a mandíbula batiente* – букв. ‘смеяться до трясущейся челюсти’, *reír a pierna suelta* – букв. ‘смеяться до оторвавшейся ноги’, *reír de la boca para afuera* – букв. ‘смеяться ртом наружу’ и др.), либо телесных действий (*descoyuntarse de risa* – букв. ‘вывихнуться от смеха’, *troncharse de risa* – букв. ‘согнуться пополам от смеха’, *caerse de risa* – букв. ‘падать от смеха’ и др.).

Идеографический словарь фиксирует всего 4 глагола физического смеха: помимо *reír, sonrír* и *carcajear*, в список входит *descoyuntarse* – ‘надорвать живот от смеха’ [Multitran]. В словаре RAE для глагола *descoyuntar* нет значения смеха: прямое – ‘вывихнуть, сломать’, переносное – ‘надоедать кому-либо’ [DRAE]. Существует и обратная ситуация – глагол со значением смеха, отсутствующий у Р. дель Морала как отдельная ЯЕ, но представленный как часть идиомы *mondarse de risa* (букв. ‘очиститься от смеха’) – ‘насмеяться’. Одно из значений *mondar* – ‘смеяться много и охотно’ [DRAE],

однако его частотность невысока. Таким образом, находит подтверждение предположение о «монополии» глаголов *reír(se)* и *sonreír(se)* в ЛСГ смеховой реакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Corpus del español. URL: www.corpusdelespanol.org (дата обращения: 1.08.2021).
2. Del Moral R. Diccionario ideológico: Atlas léxico de la lengua española. Barcelona : Herder Editorial, S.L., 2009. 664 p.
3. Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <http://etimologias.dechile.net/> (дата обращения: 1.08.2021).
4. DRAE: Diccionario de la lengua española de la Real academia española. URL: www.dle.rae.es (дата обращения: 1.08.2021).
5. Multitran: Электронный словарь. URL: www.multitran.ru (дата обращения: 1.08.2021).

УДК 81'37

*Л. Г. Попова, д. филол.н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
e-mail: larageorg@gmail.com*

*И. Р. Ахмеев, магистрант
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
e-mail: larageorg@gmail.com*

*L. G. Popova, Doctor of Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: larageorg@gmail.com*

*I. R. Achmееv, Undergraduate
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: larageorg@gmail.com*

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЦИЗМОВ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОРТАЛАХ

Рассматриваются основные различия использования словообразовательных моделей англицизмов в немецких и русских информационных порталах по киберспорту.

Ключевые слова: словообразовательные модели; англицизмы; немецкий язык; русский язык; информационные порталы по киберспорту.

USE OF WORD-FORMATION MODELS OF ENGLISH WORDS IN GERMAN AND RUSSIAN INFORMATION PORTALS

The main differences in the use of word-formation models of English words in German and Russian information portals on e-sports are considered.

Key words: word-formation models; English words; the German language; the Russian language; information portals on e-sports.

Результаты сопоставления употребления словообразовательных моделей в немецком и русском языках показали присутствие одинаковых, трёх словообразовательных моделей англицизмов: модель 1 – словопроизводство, модель 2 – словосложение, модель 3 – англицизмы без изменений на словообразовательном уровне. Была установлена специфика проявления данных словообразовательных моделей в информационных порталах по киберспорту на немецком и русском языке [cyber.sports.ru; sport.de/esports]. К числу различий относятся следующие.

1. В русском языке намного больше англицизмов, образованных при помощи словопроизводства, чем в немецком языке. Русские тексты отличаются содержанием в них англицизмов без каких-либо изменений на словообразовательном уровне. В немецких текстах преобладает количество англицизмов, образованных словосложением. Общими в словопроизводстве для обоих языков являются глаголы и существительные, образованные суффиксальным способом. В русском языке присутствуют и прилагательные, образованные суффиксальным и глаголы, образованные префиксально-суффиксальным способом. В немецком языке больше подмоделей словосложения.

2. В русских текстах, как и в немецких текстах, глагольные суффиксы используются при ассимиляции новых глаголов к грамматикам языков. В существительных немецкого и русского языка суффиксы используются для наименования деятеля или предметов. Только в русском языке были обнаружены прилагательные и описаны функции их суффиксов. Та же ситуация наблюдается и со словами, образованными префиксально-суффиксальным способом.

3. В англицизмах, используемых в текстах на немецких информационных порталах, в роли этимона-определителя могут выступать как английские, так и немецкие слова. На русских порталах возможны только сочетания: родной этимон + английский определитель и английский этимон + английский определитель.

4. На порталах сопоставляемых нами языков просматривается тенденция не соединения с помощью специальных букв сложных слов с англицизмами. И в русских, и в немецких текстах присутствуют соединения с помощью знака тире и с помощью отсутствия соединительного знака. Разделение слов наблюдается исключительно на немецких порталах.

5. Англицизмы-сложные слова в русском языке, как показала выборка примеров, чаще всего мужского рода. В немецком языке, согласно данным примеров, англицизмы распределяются по родам следующим образом: англицизмов мужского рода примерно столько же, сколько среднего рода. В немецком языке были найдены англицизмы женского рода и слова, употребляемые только во множественном числе.

6. При сопоставлении англицизмов без изменений было установлено, что все эти слова – имена существительные. Дополнительной общей чертой выступает тот факт, что в обоих языках были существительные мужского, среднего и женского рода. В обоих языках найдены слова, употребляющиеся только во множественном числе и слова, род которых определить не удалось.

*Е. В. Рубанова, к. филол. н.
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
Могилёв, Беларусь
e-mail: rubanova@msu.by*

*Y. V. Rubanova, Cand. Sc. (Philology)
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus
e-mail: rubanova@msu.by*

НОВАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

Рассматриваются особенности создания и функционирования новой лексики английского сленга, возникшей за последние 5 лет, с учетом её территориальной, расовой, социально-профессиональной дифференциации.

Ключевые слова: неологизм; сленг; территориальная дифференциация сленга; социально-профессиональная дифференциация сленга; расовая дифференциация сленга.

ENGLISH SLANG DEVELOPMENT

The main tendencies of slang development are viewed regarding its territorial, social, professional, racial differentiation during the period of 2015–2020.

Key words: neologism; slang; territorial differentiation of slang; social differentiation of slang; professional differentiation of slang; racial differentiation of slang.

Утверждение В. И. Заботкиной, высказанное в конце 1980-х о том, что английский язык переживает «неологический бум» [1], остается актуальным и в начале XXI в. Неологизмы продолжают возникать как в литературном английском языке, так и в субстандарте. Считается, что сленг по-новому называет старое, в связи с чем С. Флекснер отмечает: «Each generation ... seems to need some new words to describe the same old things» («Каждое поколение нуждается в новых словах для обозначения старых понятий» – перевод наш. – *Е. Р.*) [2, с. 7]. Цель данного исследования – выявить закономерности создания и функционирования неологизмов в сленге английского языка.

Понятием «неологизм» пользуются довольно условно, так как в современной лингвистике нет единого подхода к определению временного отрезка, являющегося критерием отнесения единицы языка к категории новой лексики. Объектом данного исследования являются сленгизмы, период возникновения которых ограничен 2015–2020 гг. Таким образом, фактический материал исследования составляют 352 сленгизма, отобранные методом сплошной выборки из онлайн-словаря Дж. Грина [3].

Как известно, сленг – это результат территориальной, социально-профессиональной, расовой и стилистической вариативности языка. Анализ помет позволяет констатировать, что за последние пять лет наибольшее количество сленгизмов возникло в британском сленге (53,97 % от общего количества). Менее активно пополняется американский сленг (18,75 %). Активнее южноафриканского сленга (0,56 %) и сленга Вест-Индии (1,42 %) неологические процессы протекают в австралийском сленге (7,95 %). На территории Великобритании активна только одна региональная разновидность сленга – шотландский сленг (3,94 %). Из 352 проанализированных сленгизмов 12,78 % неологизмов не ограничены территориально.

Результаты анализа социально-профессиональной дифференциации новой лексики указывают на тот факт, что языковое творчество сосредоточено в рамках ограниченного количества групп. Сопоставительный анализ работ разных исследователей доказывает, что перечень таких групп со временем изменяется (см. работы С. Флекснера, Р. Чепмена, В. И. Заботкиной). Анализ фактического материала свидетельствует, что творцами английского сленга в последние пять лет выступают представители криминального мира (22,44 %) и молодежь (11,65 %). Среди сленгизмов, созданных представителями первой группы, доминируют номинации с пометой *drugs* “наркотики”. Среди сленгизмов второй группы преобладают единицы с пометой *teen* “подростки”.

Приведенные выше данные касательно возраста и рода занятий создателей сленга, тем не менее, уступают объему сленгизмов, созданных представителями чернокожего населения. Сленгизмы с пометой *Black*, отражающие расовую принадлежность носителей сленга, составляют 48,29 % всей выборки. Если учитывать тот факт, что сленг развивается в группах людей с наиболее сильным стремлением к самоидентификации, то данная тенденция, по-видимому, наглядно отражает социальные процессы, происходящие в современном обществе. Следует отметить, что среди сленгизмов с пометой *Black* 23,5 % содержат пометы *drugs* “наркотики”, *gang* “букв. банда”, *und.* “криминальное сообщество”. Кроме того, среди неологизмов с пометой *Black* выделяются сленгизмы, которые обозначают разрушительные действия (*brup* ‘to shoot’, *corn* ‘to shoot’, *skeng* ‘to shoot, to stab’), агрессивное поведение (*war* ‘to attack, to challenge physically’, *drummer* ‘to hold up’, *rago* ‘aggressively’), инструменты насилия (*mashie* ‘a pistol, a weapon’, *broom* ‘a shotgun’, *coke can* ‘a variety of gun’).

Таким образом, новая лексика английского сленга в последние пять лет пополняется в первую очередь за счет существительных (62,5 %). С учетом территориальной дифференциации наибольшее количество сленгизмов зафиксировано в британском сленге. Социально-профессиональная дифференциация новой лексики свидетельствует об активном

участии в языковом творчестве представителей криминального мира и подростков. Ведущая роль в сленгообразовании принадлежит носителям так называемого Black English.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 124 с.
2. Dictionary of American Slang / compiled and ed. by H. Wentworth and S.B. Flexner. New York : Tomas Y. Crowell Publishers, 1975. P. 6–15.
3. Green J. Green's Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com> (дата обращения: 23.05.2021).

УДК 811.111'373.47'42:070

Е. В. Сажина, к. филол. н.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,

Гомель, Беларусь

e-mail: sazhina@gsu.by

A. E. Sazhyna, Cand. Sc. (Philology)

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

e-mail: sazhina@gsu.by

ТОПИКО-ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Рассматривается прагматический потенциал полемиического дискурса печатных СМИ. Представлены особенности семантической трансформации лексических единиц в полемиическом контексте.

Ключевые слова: полемиический дискурс печатных СМИ; эмотивность; контекст; прагматический потенциал; топико-эмотивная лексема.

TOPIC-EMOTIVE LEXICS AND ITS PRAGMATIC POTENTIAL IN THE POLEMIC DISCOURSE OF THE PRINT MASS MEDIA

The pragmatic potential of the polemic discourse of the print media is considered. The features of the semantic transformation of lexical units in the polemical context are presented.

Key words: polemic discourse of the print media; emotiveness; context; pragmatic potential; topic-emotive lexeme.

Представляя собой неотъемлемый элемент человеческой жизни, дискурс в целом, и полемиический дискурс печатных СМИ в частности обладают прагматическим потенциалом, который так или иначе меняет поведенческие

реакции адресата. Поэтому целью работы является установление прагматического потенциала полемического дискурса на примере топики-эмотивной лексики из англоязычных и русскоязычных проблемных статей и откликов на них, которые являются структурными элементами исследуемого дискурса.

Проведенный анализ показал, что для достижения максимального коммуникативного эффекта адресант использует различные средства усиления прагматической составляющей, среди которых особая роль принадлежит эмотивной лексике, чей эмотивный компонент возникает в контексте полемического дискурса печатных СМИ и определяется сущностью проблемы, обсуждению которой посвящена проблемная статья и отклики на нее. Топико-эмотивная лексика является тематическим ядром дискуссии, возникающей между участниками исследуемого дискурса. В структуре значения рассматриваемых лексических единиц появляются окказиональные семы под воздействием полемического контекста. «Данные семы не входят в системное значение слова, и не являются в нем даже периферийными, а присоединяются к нему лишь в коммуникативном акте» [1, с. 61]. Покажем данное явление на примере топики-эмотивного слова *cheerleading* из англоязычной проблемной статьи «Who's to blame for the Afghanistan chaos? Remember the war's cheerleaders», посвященной проблеме военного конфликта в Афганистане: *Any fair reckoning of what went wrong in Afghanistan, Iraq and the other nations swept up in the "war on terror" should include the disastrous performance of the media. **Cheerleading** for the war in Afghanistan was almost universal, and dissent was treated as intolerable* (G. Monbiot). В толковом словаре мы находим следующее определение: 1. (chiefly US) Organized gymnastics, dance and yelling at team games. 2. A physical activity in which people (usually women) organize elements of dance, gymnastics, and tumbling for judgment or to cheer on a team. 3. Automatic or servile praise [2]. Как мы видим, ни в одном из значений нет эмотивного компонента в структуре вне контекста. Но в полемическом дискурсе данная лексическая единица приобретает значение «танцы на костях», вызывая чувство отвращения, негодования, т. е. эмоциональную реакцию, вызываемую существующей проблемой.

В русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ мы встречаем аналогичные примеры: ***Цветная революция** – это могила для государства. Мы это видели, много раз убеждались, знаем. И вы хотите ее вырыть, лопаты уже в руках. Тогда вспомните народную мудрость – и начните копать могилу для себя* (А. Муковозчик). В рассматриваемом дискурсивном поле лексическая единица «цветная революция» приобретает эмотивно окрашенное значение «крах, катастрофа».

При сравнительном анализе топики-эмотивных лексем на материале двух языков мы наблюдаем более высокую частотность по их употребительности в англоязычном полемическом дискурсе, чем в русскоязычном, в то время как для русскоязычного полемического дискурса печатных СМИ

более характерно употребление исконно эмотивных лексем. Но в обоих языковых вариантах дискурса данные лексические единицы вносят весомый вклад в реализацию прагматического воздействия.

В дальнейшем планируется провести классификацию не только по частности данных единиц в полемическом контексте, но их отрицательных и положительных оттенков, а также их представленность различными грамматическими классами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сажина Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса (на материале англоязычной прессы) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Минск. гос. лингвистич. ун-т. Минск, 2007. 132 л.

2. Толковый словарь английского языка. URL: <http://engood.ru/anglijskij-tolkovyj-slovar/> // Studium Linguistik. (date of access: 15.08.2021).

УДК 811.112.2'367.633(043.2)

М. А. Салаўёва, к. філал. н.

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

e-mail: salauyova@mail.ru

M. A. Soloviova, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: salauyova@mail.ru

РОЛЯ КЛЮЧАВЫХ СЛОЎ ТЭКСТУ Ў ЭКСПЛІКАЦЫІ І ФАРМІРАВАННІ КАГНІТЫЎНЫХ СТРУКТУР

Разглядаецца, якім чынам ключавыя словы тэксту вербалізуюць кагнітыўныя структуры мовы, а таксама фарміруюць іх. Семантычна-прагматычны патэнцыял ключавых слоў даследуецца на прадмет іх удзелу ў стварэнні фрэймаў, кагнітыўных мадэляў і канцэптуальных метафар, а таксама ў рэфрэймаў.

Ключавыя словы: тэкст; ключавое слова; канцэпт; фрэйм; кагнітыўная мадэль; канцэптуальная метафара; рэфрэймаў.

THE ROLE OF TEXT KEY WORDS IN THE EXPLICATION AND CREATION OF COGNITIVE STRUCTURES

It is considered how text key words verbalise and form cognitive structures of a language. The semantic and pragmatic potential of key words is investigated from the point of view of their participation in creating frames, cognitive models, and conceptual metaphors as well as in reframing.

Key words: text; key word; concept; frame; cognitive model; conceptual metaphor; reframing.

Ключавыя словы мастацкага тэксту, якія выражаюць тэмы, ідэі твора і ўдзельнічаюць у стварэнні вобразаў, не толькі дэтэрмініруюць ментальную мадэль асобнага тэксту, аснаваную на яго магчымым свеце, але таксама экспліцыруюць і фарміруюць кагнітыўныя структуры, характэрныя для пэўнай мовы і лінгвакультуры. Мэта праведзенага даследавання заключаецца ў вызначэнні пры дапамозе метадаў кагнітыўна-дыскурсіўнага аналізу семантыка-прагматычнага патэнцыялу такіх слоў, якія могуць супадаць з ключавымі словамі, канцэптамі лінгвакультуры, у вербалізацыі існуючых кагнітыўных структур і параджэнні новых. Кагнітыўныя асновы беларускамоўнага мастацкага дыскурсу параўноўваюцца з адпаведнымі элементамі англамоўнага дыскурсу. Матэрыялам даследавання паслужылі беларускамоўныя мастацкія тэксты канца XVIII–XIX стагоддзяў.

Калі сыходзіць з падыходу вядомага амерыканскага кагнітолага Дж. Лакафа, згодна з якім англамоўная канцэптасфера і адпаведна сістэма фрэймаў грунтуецца на аксіалагічнай платформе паняцця «well-being» ‘дабрабыт’, то можна заўважыць, што беларускамоўны дыкурс канца XVIII–XIX ст. рухаецца ў накірунку ўсведамлення стану асноўнага носьбіта беларускай мовы гэтага перыяду, які складана альбо зусім немагчыма ахарактарызаваць згаданым словам, але можна меркаваць, што семантыка-прагматычнае напаўненне ключавых слоў тэкстаў так ці іначай звязанае з паняццем добрабыту [1, с. 94–99]. Асноўная тэматыка твораў акрэсленага перыяду – гэта вызначэнне ідэнтычнасці, прычым менавіта масавага носьбіта мовы – селяніна, мужыка – а не суб’екта кадыфікацыі, які тыпова з’яўляецца шляхцічам. Ключавыя словы тэкстаў, у адпаведнасці з тэмамі і ідэямі твораў, а таксама задачамі фрэймінгу, – гэта словы, якія абазначаюць сацыяльныя, гендэрныя ролі і статусы, рэлігійныя ўяўленні. Вызначэнне ідэнтычнасці адбываецца ў рамках сацыяльна-палітычнай, рэлігійнай і моўнай дыхатаміі «свой – чужы», якая можа разглядацца і як кагнітыўная мадэль фарміравання моўнай карціны свету: *пан – мужык, мужык – чорт, селянін – лях*, беларускамоўны (*мужык, літвін, селянін, жывод*) – польскамоўны (*шляхціч, пан, лях, ксёндз*) ці рускамоўны (*ураднік, старшыня, поп*), тутэйшы (*пан, селянін*) – прышлы (*жывод, немец*).

Адначасова з гэтым ідзе вербалізацыя каштоўнасцяў-цнотаў беларускага народа – часта праз указанне на іх адсутнасць у персанажаў твораў. Найперш маюцца на ўвазе лексемы *розум і свабода*. Сярод іншых можна вылучыць *цвярозасць, добрабыт, працавітасць, вера, праўда*. Прагматычная афарбоўка вар’іруецца паміж інтэрпрэтацыяй носьбіта мовы як ахвяры асабістага невуцтва, гультайства і непаважлівасці да паноў і рэлігійных заветаў да пазіцыяніравання яго як ахвяры царскай палітыкі і сацыяльна-палітычнай несправядлівасці. Адпаведна здзяйснецца фрэймінг як суаднясенне з стэрэатыпнымі ўяўленнымі ў лінгвакультуры і рэфрэймінг як эмацыйна-ацэначная, каштоўная трансфармацыя элементаў дыскурсу.

Заслугоўвае ўвагі той факт, што канцэптэуальная метафара «нацыя / народ – гэта сям’я» з’яўляецца ў беларускамоўным мастацкім дыкурсе

у першай палове XIX ст., як уяўляецца, у сувязі з працэсамі сацыяльна-палітычнай эмансipaцыі беларускага народа. Асабліва трэба падкрэсліць, што ў аснове гэтай метафары ляжыць не архетып бацькі (кагнітыўная мадэль «строгі бацька / клапацлівыя бацькі»), як у амерыканскім дыскурсе, а жаночы архетып – кагнітыўная мадэль, аснaваная на метафары «радзіма – гэта маці». У той жа перыяд набывае аксіалагічную вартасць і паняцце «радзіма», якое пачынае фарміраваць канцэптуальную метафару «нацыя – гэта радзіма».

У заключэнне можна зрабіць выснову, што кагнітыўныя структуры, якія вылучаюцца на аснове аналізу ключавых слоў у беларускамоўным дыскурсе, маюць рысы супольныя з англамоўным дыскурсам, таксама як і адметнасці, дэтэрмінаваныя беларускай лінгвакультурай і гісторыяй беларускага народу. Вывучэнне заканамернасцяў і механізмаў утварэння і функцыяніравання кагнітыўных асноў беларускай лінгвакультуры стварае перспектыву даследавання.

ЛІТАРАТУРА

1. Lakoff G. The political mind: why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain. New York : Viking, 2008. 292 p.

УДК 81'37

Р. Ф. Сахарова, *преподаватель*

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: rf.sakharova@gmail.com

R. F. Sakharova, *Lecturer*

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: rf.sakharova@gmail.com

ОПИСАНИЕ ОЩУЩЕНИЙ КАК УСТОЙЧИВЫЙ СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ

На материале немецкого и белорусского языков рассматривается один из способов репрезентации эмоций: через осмысление телесно-физических проявлений эмоций.

Ключевые слова: метонимия; когнитивный механизм; этимология; ощущения; эмоция.

DESCRIPTION OF FEELINGS AS A METHOD FOR VERBALIZING EMOTIONS

The author examines a way of representation of naming emotions in German and Belarusian languages via names of physical reactions to emotions.

Key words: metonymy; cognitive mechanism; etymology; physical reactions; emotion.

Долгое время внимание ученых было сосредоточено на концептуальной метафоре как универсальном когнитивном механизме. Анализ однословных

номинаций, узуальных сочетаний прямой и не прямой (фразеологической) номинации со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках позволил установить, что одним из способов репрезентации эмоций в языке является описание их телесно-физических проявлений, т. е. языковая репрезентация основана на действии когнитивного механизма метонимии: осознания явлений внешнего и внутреннего мира по смежности. В данном случае реализацию находит метонимическая модель «телесно-физическое вместо психического», выявленная Дж. Лакоффом при анализе сочетаний со значением проявления гнева в английском языке [1, с. 494].

Продemonстрировать данное положение можно, обратившись к этимологии однословных лексических единиц, репрезентирующих эмоцию «страх» в немецком и белорусском языках. Нем. *Angst* ‘страх’ восходит к индогерм. *angh* т. е. *eng* ‘узкий’ с суффиксом *st*, который имеет значение *dazugehörig* ‘принадлежащий к чему-л.’, в данном случае – ‘то, что является тесным, узким; то, что связано с теснотой’ [2]. Второй версией происхождения слова *Angst* ‘страх’ в немецком языке является лат. *angustiae* ‘теснота’ [2]. Согласно комментарию физиологов причиной ощущения тесноты может являться следующий факт: во время нахождения в состоянии страха грудь сжимается окружающими ее мышцами, а мышцы, отвечающие за регулярное и свободное дыхание и снабжающие организм нужным количеством кислорода, работают «в обратном направлении» [2].

Белорусская лексема *страх* (также укр. *страх*, др.-русск. *страхъ*, ст.-слав. *страхъ*, блг. *страх*, сербохорв. *страх*, словен. *strah*, чеш. *sthrach*, слвц. *strach*, польск. *starch*.) с первоначальным значением «ощепенение» сближается с лит. *stregti, stregiu* «ощепенеть, превратиться в лед», лтш. *stregele* «сосулька» [3]. Как демонстрируют этимологические данные, страх номинируется через определенное физическое состояние, связанное с ощущением озноба, холода при переживании данной эмоции и, как следствие, с ярко выраженной реакцией на страх: «ощепенеть, превратиться в лед, сосульку (стать неподвижным, застывшим)».

Ещё одной версией происхождения бел. *страх* является лтш. *treso-* «трясу» (отсюда *трястись от страха*) [3]. В данном случае фиксируется конкретная физиологическая реакция человека при переживании страха.

Приведенные версии происхождения лексемы *страх* в белорусском языке демонстрируют, что, как и в немецком языке, прямая номинация однословными единицами эмоции страха базируется, согласно этимологическим данным, на конкретных физиологических ощущениях.

Репрезентация ощущений переживаемой эмоции является устойчивым способом репрезентации эмоций при номинации их узуальными сочетаниями (прямая номинация), напр., нем. *blass vor Ärger werden* ‘побледнеть от гнева’, бел. *набляднець ад страху*.

Механизм метонимии находит реализацию и в процессах не прямой (фразеологической) репрезентации базовых эмоций и основан, в первую

очередь, также на описании физиологических ощущений переживаемой эмоции. Напр., нем. *zittern wie ein Espenlaub* ‘очень сильно дрожать от холода / страха’, бел. *як асіна калаціца, дрыжаць* ‘очень сильно, чаще от страха’. В данных фразеологических единицах страх описывается по его проявлению – телесной дрожи. В то же время во фразеологизме присутствует и сравнение – человек сравнивается с осиновым листом или целым деревом (осиной), которые колышутся на ветру. При этом следует подчеркнуть, что концептуальная метафора дополняет метонимию, которая является основной при образовании данной единицы, о чем свидетельствует наличие в сопоставляемых языках таких единиц как, напр., нем. *vor Angst zittern* ‘дрожать от страха’, *vor Angst erschauern* ‘содрогаться от страха’, бел. *трэсіся, дрыжаць ад страху*.

Таким образом, метонимическая модель «телесно-физическое вместо психического» является устойчивым способом вербализации эмоций в немецком и белорусском языках, что подтверждается анализом номинаций базовых эмоций в современном языке и обращением к этимологическим данным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
2. Lexikon der Gestalttherapie URL: <http://www.gestalttherapie-lexikon.de/angst.htm>. (дата обращения : 12.08.2021).
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1971. 827 с.

УДК 811.161.3'36(045)

*А. В. Семянькевіч, старший преподаватель
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
e-mail: oksana-bel@inbox.ru*

*A. Semiankevich, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: oksana-bel@inbox.ru*

СЕМАНТЫЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ФОРМ МНОЖНАГА ЛІКУ РЭЧЫЎНЫХ НАЗОЎНІКАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ СЛОЎ *СНЯГІ* І *ЛЁДЫ*)

Аналізуюцца выяўленыя ў кантэкстах семантычныя характарыстыкі некарэлятыўных форм множнага ліку назоўнікаў *снег* і *лёд*.

Ключавыя словы: рэчыўныя назоўнікі; плюралізацыя; лексікалізацыя; множналікавыя формы; нацыянальна-прагматычны фактар.

PLURAL FORMS SEMANTIC POTENTIAL OF THE CONCRETE NOUN (CASE STUDY OF THE WORDS *SNOW* AND *ICE*)

The paper analyzes noncorrelative plural nouns *snow* and *ice*, their semantic characteristics that were revealed in contexts.

Key words: concrete nouns; pluralization; lexicalization; plural forms; national-pragmatic factor.

Формы множнага ліку рэчыўных назоўнікаў дэманструюць моўны механізм маніпуляцыі семастыкай слова з дапамогай граматычных сродкаў. У лінгвістычнай літаратуры апісаны рэгулярныя віды метанімічнай плюралізацыі сінгулярных форм, якія намінуюць рэчыва. Лакатыўная спецыфікацыя семастыкі такіх форм прызнаецца стандартнай мадэллю іх лексікалізацыі. Разам з тым, у адрозненне ад інтэрпрэтацыі 'від, гатунак', прасторава-інтэнсіўнае значэнне закранае вельмі невялікую колькасць беларускіх рэчыўных назоўнікаў. У лексікаграфічных крыніцах гэты тып полісеміі зафіксаваны толькі ў слоў *аўсы*, *воды*, *жыты*, *(і)льды*, *(і)льны*, *пяскі*. Дыскурсіўны аналіз функцыянавання множналікавых форм рэчыўных назоўнікаў дае магчымасць ацаніць прадуктыўнасць і рэгулярнасць гэтай мадэлі плюралізацыі і выявіць аб'ём семастыкі лексікалізаваных лікавых форм з улікам нацыянальна-прагматычных фактараў. Выкананае на матэрыяле кантэкстаў са словамі *снягі* і *льды*, выбраных з Беларускага N-корпуса, даследаванне паказала, што:

1) лакатыўнае значэнне 'вялікая прастора' рэалізуецца формамі множнага ліку гэтых назоўнікаў у невялікай колькасці кантэкстаў, напрыклад: *За хатамі маўчала рэчка, ды цяпер цяжка нават пазнаць было, дзе яна: усё акрыла, зруйнавала белымі **снягамі** зіма, толькі чорна шчацініўся лес на ўзгорку* (М. Прохар); *Ён прамчаў праз доўгую вясковую вуліцу з цёмнымі хатамі сярод белых **снягоў*** (К. Травень). Прычым часцей такое ўжыванне характэрна для кантэкстаў, у якіх апісваюцца небеларускія рэаліі: *Яшчэ тонкі каларызм, якому ў гэтай краіне бледных **снягоў** і размытых адценняў магло навучыць хіба толькі паўночнае ззянне з яго пералівамі чысцейшых фарбаў* (У. Караткевіч);

2) у большасці прааналізаваных кантэкстаў формы *снягі* і *льды* актуалізуюць колькасны кампанент семастыкі слова: *На пачатку вясны, калі дарогі патаналі ў слізкай каламуці расталых **снягоў**, Ларыса была вымушана спыніцца непадалёк ад кальцавой* (М. Прохар); *Сёлета ў сувязі з багатымі снегападамі ў перыяд раставання **снягоў** узровень вады ў Нёмане можа падняцца вышэй, чым у мінулыя гады («Звязда»); Да 2030 года Арктыка застанецца без **льдоў*** («Звязда»);

3) форма множнага ліку (і)льды спецыялізуе значэнне ‘лёд на рацэ, інтэнсіўны крыгаход’, што адлюстроўвае нацыянальны фактар канцэптуалізацыі паняцця «лёд»: *Так прабыву я ў месце Полацкім вясну, і лета, і восень, а зімою прычынілася ў снежны залева нечуваная, і паводка пачалася, і на рэках з трэскам вялікім **ільды** паўзламала, так што на Дзвіне да самага свята Нараджэння Хрыстовага на караблях ездзілі* (У. Арлоў);

4) форма *снягі* часцей спецыялізуе значэнне ‘надвор’е, інтэнсіўны снегапад’, напрыклад: *Стаяў каламутны, у **снягах** і завеях, люты* (М. Прохар); *Выпадак здарыўся яшчэ 15-га сакавіка, калі Хаўер замятаў **снягамі** сталіцу* («Звязда»);

5) формы множнага ліку гэтых назоўнікаў выкарыстоўваюцца як кампанент перыфразы: *Ніякіх дзённікаў я не знайшла, а вось фотаздымкаў было навалом. Ала была то Каралевай Жаклівых **Ільдоў**, то Прынцэсай паўднёвага мора* (А. Бязлепкіна); *Што ж, да сёмага паходу ў царства **льдоў**, дзе тэмпература часам апускаецца да -90°, засталася няшмат* («Звязда»).

6) форма *снягі* валодае багатым патэнцыялам інтэнцыянальна-аўтарскага выкарыстання, напрыклад: *Тое, што ёй давялося перажыць у вайну, не апішаш і ў сотнях тамоў. Яна пранесла нас, трох сваіх малых дзяцей, праз **снягі**, балоты, канцлагер, баючыся аднаго: як бы не загінуць самой, пакінуўшы нас безабароннымі* («Звязда»); *Усяго дваццаць **снягоў** сустрэкаў ён і дваццаць разоў праводзіў іх вясною, калі гэтыя **снягі** скідваліся вадою* (Я. Сіпакоў). У першым прыкладзе форма множнага ліку ужываецца з мэтай інтэнсіфікацыі сімвалічнага значэння жыццёвых нягод, трагічных абставін; у другім – увасабляе значэнне ‘год як перыяд жыцця чалавека’ і таму паддаецца квантыфікацыі і спалучаецца з лічэбнікам. Сімвалічная нагружанасць формы *снягі* найбольш выяўляецца ў паэтычных кантэкстах, напрыклад: *Птушкі ўпарта ляцелі // Скрозь цемру калючых **снягоў*** (В. Лукша); *Спаўзлі з загонаў зімнія **снягі** // І ў мора наплылі ракой-вадзіцай, // Запелі жаўранкі. / І чорныя лугі / Усміхацца сталі першаю травіцай* (Я. Купала).

Такім чынам, кантэкставы аналіз сведчыць пра тое, што некарэлятыўныя формы множнага ліку валодаюць значным семантычным патэнцыялам, рэалізацыя якога дэтэрмінуецца не толькі дэнататыўна-рэферэнцыяльнымі характарыстыкамі слова, але і нацыянальна-прагматычнымі фактарамі эксплікацыі яго канататыўных уласцівасцей.

*Н. В. Скачёва, старший преподаватель
Сибирский государственный университет науки и технологий, Красноярск, Россия
e-mail: solo_sk@mail.ru*

*N. V. Skacheva, Senior Lecturer
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: solo_sk@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА НА ВЫБОР ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)⁴

Влияние культурного контекста на выбор языковых единиц не однозначен и может рассматриваться с разных сторон. Мы рассматриваем влияние культурного контекста на выбор языковых единиц и фиксирование национальных ценностей в языковых единицах.

Ключевые слова: немецкий язык; языковые единицы; фразеологические единицы; культурный контекст; ценности; национальная культура.

THE INFLUENCE OF CULTURAL CONTEXT ON THE CHOICE OF LINGUISTIC UNITS (IN THE LINGUISTIC CONTEXT OF GERMAN)

The cultural influence on the choice of linguistic units is not deterministic and can be viewed from different perspectives. The influence of the cultural context on the choice of linguistic units and the fixation of national values in linguistic units are represented here.

Key words: the German language; linguistic units; phraseological units; cultural context; national culture.

Сейчас в разных областях по всему миру принято говорить о культурном контексте. В рекламе, например, о культурном контексте заговорили уже давно, реклама должна быть ориентирована на потребителя. Культурный контекст важен и в сфере информационных технологий, например, невозможно взять китайский искусственный интеллект и запустить в России, он должен обучиться в данной культуре, чтобы соответствовать культурному контексту. Культурный контекст важен и для языка. Изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы понять культурные и языковые особенности нации и их взаимодействие. Слова связывают людей, объединяют их через общение. Однако недостаточно просто изучить иностранный язык и знать иностранные слова. Чтобы стать «своим», необходимо понимать, что любой национальный язык реализуется в культурном контексте.

Под влиянием культурного контекста могут происходить семантические изменения языка и языковых единиц, предпочтение одним и не использование других. Фразеологические единицы (далее ФЕ) как «проводники» культурной мысли насыщены экстралингвистической информацией, помо-

⁴ Участие в международной научной конференции «Семантический потенциал языковых единиц и его реализация» поддержано Красноярским краевым фондом науки.

гающей понять всю самобытность, мир и подтекстовую мысль национальной интерпретации бытия [2, с. 91]. Поэтому в нашей работе под культурным контекстом мы понимаем культурные ценности, нормы определенной национальной общности, где ценностное содержание фразеологических единиц является основой для исследования культурно-национального контекста. Целью нашего исследования является выявление влияния культурного контекста на ФЕ немецкого языка.

Сбор информации о ФЕ происходил в федеральных землях Германии, в таких городах как Дрезден, Айзенах, Берлин, Кельн, Ганновер, Гамбург и близлежащих небольших городках. В интервью участвовали 130 носителей немецкого языка и культуры. Критерий выбора носителей культуры и языка был важен, потому что только носители могут точно понимать культурный контекст ФЕ. Качественный сбор информации позволил нам отобрать 149 ФЕ, которые отражали следующие ценностные категории: *Arbeit, Freizeit, Familie, Gesundheit, Sicherheit, Gerechtigkeit, Freiheit, Nachhaltigkeit* ‘работа, свободное время, семья, здоровье, безопасность, справедливость, свобода, устойчивость’.

Среди данных ценностных категорий носителями языка бессознательно выбирались ФЕ. Исследования контекста интервью, культурного контекста и семантики ФЕ привели нас к выводу о том, что выбор языковых единиц может быть отражением существующей ситуации или, наоборот, такие единицы языка помогают сформировать ценностное содержание личности, общества и нации. Например, ФЕ *Langsam aber sicher* ‘медленно, но верно’ и *sicher ist sicher* ‘верно значит верно’ в контексте нашего интервью, относящийся к ценностной категории *Sicherheit* ‘безопасность’, формируют ценностную систему немецкого общества, так как сами респонденты указывали на то, что слышат данные выражения с детства. А видоизменение ФЕ *Die Axt im Haus erspart den Zimmermann* ‘топор в доме экономит расходы для плотника’, который сейчас употребляется как *Die Axt im Haus erspart den Scheidungsrichter* ‘топор в доме экономит расходы на судью по разводам’, показывает изменения в семейных отношениях немецкого общества. Однозначно то, что на выбор языковых единиц в речи носителей языка влияет культурный контекст, который формирует ценностное содержание национального общества.

Все эти вопросы важны для понимания способов сохранения национальной идентичности немцев в контексте глобализации мира, миграции и иммиграции. Перспективными являются исследования немецкой культуры на других территориях и сравнения их исследованиями на территории Германии, а также исследование других национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян В. С. Историко-культурный контекст и этнокультурные стереотипы в терминологии и фразеологии экономического дискурса (на материале английского и немецкого языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 90–97.

*Сунь Сяоли, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: sunxiaoli_smile@163.com*

*Sun Xiaoli, Postgraduate Student
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e-mail: sunxiaoli_smile@163.com*

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПЕРЕВОД ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАРКЕРА *ЭТО САМОЕ* В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В работе рассматриваются особенности прагматического маркера *это самое* в русских художественных текстах и факторы, влияющие на приемы его перевода на китайский язык.

Ключевые слова: прагматикализация; прагматический маркер; языковой корпус; прием перевода; прагматический потенциал.

FACTORS INFLUENCING THE TRANSLATION OF THE PRAGMATIC MARKER *ETO SAMOE* IN RUSSIAN ARTISTIC TEXTS INTO CHINESE

This paper examines the features of the pragmatic marker *eto samoe* in Russian literary texts and the factors that affect its translation into Chinese.

Key words: pragmatic marker; literary texts; factors of influence; ways of translating; recreating pragmatic potential

Слово *самый* в русском устном дискурсе часто попадает под действие процесса *прагматикализации* и в результате практически утрачивает свое словарное значение, превращаясь в прагматический маркер (ПМ) *это самое* (ЭС), функционирующий во всех своих грамматических формах [1]. В настоящее время в Китае много исследований ПМ английского языка, но нет соответствующих работ на русском материале, тем более в аспекте перевода, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Источником материала послужили 20 русских художественных произведений из основного подкорпуса НКРЯ и их китайские переводы. В русских текстах нашлось 340 употреблений сочетания *это самое*, в том числе 40 (11,8 %) – в качестве ПМ, не описанного ни в словарях, ни в грамматиках. Как показали исследования, в устной речи употребления *самый* в составе ПМ гораздо более частотны [2, с. 245], однако имитации устной речи в художественных произведениях не всегда адекватно отражают реальную речь.

Все употребления маркера ЭС в рассматриваемых русских текстах оказались двух типов: 39 хезитативов (ПМХ) (97,5 %) и 1 маркер-ксенопоказатель (ПМК) (2,5 %). В числе 39 ПМХ – 2 «чистых» хезитатива (5,1 %) и 37 хезитативно-поисковых маркеров (94,9 %). Среди последних оказалось 12 случаев

неудачного поиска (32,4 %), когда искомое слово говорящим так и не найдено (*неплохо бы объявить Фису **это самое**... Он долго стучал себе по лбу, забыв нужное слово* [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)]), и 25 случаев удачного (67,6 %) (*твоей трудовой школе дали **это самое**... зубсовнархоз...* [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)]). И это оказалось для переводчиков важным фактором, определившим прием перевода фрагмента с ПМ на китайский язык.

Всего в проанализированных переводах использовались четыре разных приема: (1) ПМ → значимая единица (21 случай, 52,5 %); (2) опущение ПМ (10, 25 %); (3) русский ПМ → китайский ПМ (8, 20 %); (4) опущение ПМ с передачей его функции другими словами (1, 2,5 %) (только в случае с ПМК) [3].

Из двух «чистых» хезитативов один был переведен как значимая единица, другой – как китайский ПМ, что не позволяет сделать никаких выводов. А вот в группе поисковых ПМ оказался важен результат поиска. Из 25 случаев удачного поиска 6 ПМ (24 %) были переведены как соответствующие китайские маркеры, а из 12 случаев неудачного поиска китайский ПМ нашелся только один раз (8,3 %), в 3 раза реже. Результат хезитационного поиска определенно помогает переводчику почувствовать хезитацию и найти китайские аналоги русского поискового хезитатива.

Видно при этом, что такие аналоги в целом переводчики находят с большим трудом, хотя именно этот прием следует признать хорошим переводом. В ряде русских контекстов рядом с ПМ авторы ставили еще и многоточие, как дополнительный способ передачи колебаний говорящего. В 60 % таких случаев переводчики опускали русский ПМ, но сохраняли многоточие, что тоже можно признать хорошим переводом. К сожалению, еще в 40 % случаев в переводах не осталось ни ПМ, ни многоточия. Эти случаи, равно как и перевод ПМ значимыми словами, к хорошим переводам отнести трудно.

Таким образом, только немногие опытные переводчики оказались способны употреблять в переводе аналоги русских ПМ для достижения полноценной эквивалентности всех единиц, в том числе на уровне функции. Это выявляет существенную трудность в адекватной передаче особенностей русской разговорной речи и ставит новые задачи перед китайским переводоведением (учет специфики русской устной речи) и китайской коллоквиалистикой (поиск и описание китайских аналогов русским ПМ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. 528 с. (в печати).

2. Сунь Сяоли. Слово САМЫЙ на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С. Г. Стерлигова. Нижний Новгород, 12–13 мая 2021 г. Н. Новгород : Нижегородский ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 241–246.

3. Сунь Сяоли. О способах перевода на китайский язык русских прагматических маркеров (на примере маркера-хезитатива это самое) // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2021. Филология. Вып. 1. С. 33–40.

УДК 811.112.2'367.633(043.2)

Н. В. Супрунчук, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: ms@philology.by

П. В. Гибкий, магистрант.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: pavel.gibkiy@bk.ru

N. V. Suprunchyk, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ms@philology.by

P. V. Gibkij, Undergraduate

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: pavel.gibkiy@bk.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ
ОБЛАДАНИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
САЙТОВ МИНСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА
И ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА «ВЕЛИКИЙ КАМЕНЬ»)

Проанализирован семантический потенциал способов выражения обладания в китайском и русском языках. Представлены особенности семантики глаголов обладания.

Ключевые слова: китайский язык; русский язык; семантика; глагол; обладание.

SEMANTIC POTENTIAL OF THE WAYS OF EXPRESSING POSSESSION
IN CHINESE AND RUSSIAN (BASED ON THE MATERIAL
OF RUSSIAN AND CHINESE OF THE MINSK TRACTOR PLANT
AND OF THE INDUSTRIAL PARK «GREAT STONE»)

The semantic potential of the ways of expressing possession in Russian and Chinese is reviewed. The semantic features of possession verbs are presented.

Key words: Chinese; Russian; semantics; verb; possession.

Актуальность нашей работы заключается в трех аспектах: малоизученность семантических особенностей способов выражения обладания в китайском языке, популярность китайского языка, влияние качества перевода на имидж предприятия. Цель данного исследования – проанализировать семантический потенциал способов выражения обладания в русском и китайском языках. В русском языке это значение основном выражается с помощью

глаголов *иметь* и *быть*: я имею право, у него была большая библиотека. В силу своей многозначности глагол *иметь* интересен для рассмотрения и удобен для «интерпретации их значений. Глаголы типа *иметь* в зависимости от контекста «...всегда готовы к новым употреблением» [1]. Что касается китайского языка, были проанализированы особенности семантики глаголов 具有 ‘имеет в полной мере’, 备有 ‘располагать’, количественного слова 所有 ‘все, что есть’ (согласно классификации Е. Н. Колпачковой) [2, с. 73], 现有 ‘имеющийся в данный момент, существующий’ (наречие времени и глагол обладания). Таким образом, 有 характеризуется универсальным значением обладания, а иероглифы 拥 ‘охватывать’, 具 ‘всё необходимое’, 备 ‘иметься’, 所 ‘место’, 现 ‘сейчас’ привносят дополнительные оттенки смысла и включают в себя глагол 有 ‘иметь’. Тань Аошуан называет глагол 有 стативом [3]. Было проанализировано 54 фрагмента текстов сайтов Минского тракторного завода и индустриального парка «Великий камень».

Перевод значения обладания на китайский язык

Русская версия	Китайская версия	Дословный перевод	Средство выражения
1. В настоящее время на заводе созданы все необходимые вспомогательные цехи.	工厂具有所有必要的辅助车间.	‘Завод обладает в полной мере все имеющиеся вспомогательный цех.’	глагол 具有 ‘имеет в полной мере’, колич. слово 所有 ‘все, что есть’.
2. Всех тракторов	所有拖拉机.	‘Все имеющиеся тракторы’	Колич. слово 所有 ‘все, что есть’.
3. Сеть обслуживания МТЗ сегодня.	现有MTW服务网.	‘Сейчас иметь (у) МТЗ сеть услуг’.	现有 (наречие времени и глагол).
4. В составе широкозахватных и комбинированных агрегатов.	在牵引和牵引传动状态下配备有宽幅机具和综合机具.	‘В тянущей и тяговой передаче имеет ширину машин и оборудования комбинированных машин и оборудования’.	Глагол 备有 ‘имеется, располагает’.

Итак, русский язык — флективный, китайский — изолирующий, поэтому значение обладания, заключенное внутри основы в русском языке, в китайском выражается вне ее, может выражаться глаголом 有 с широким значением и другими словами с более узким (具有, 现有, 所有). Вероятно, рекламодатель и переводчик хотели передать разные оттенки смысла. Есть ряд отличий в семантике, но основное содержание в результате перевода существенно не изменилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Друзина Н. В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты. URL: <http://cheloveknauka.com/fundamentalnye-glagoly-bytiya-i-obladaniya-funktsionalnyy-i-kognitivnyy-aspekty> (дата обращения: 16.08.2020).
2. Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики. URL: https://www.orient.spbu.ru/images/document/nauka/Kolpachkova_POS_in_Chinese.pdf (дата обращения: 12.08.2020).
3. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

УДК 811.112.2'37

А. В. Сытько, к. филол. н.

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: sytko.mglu@gmail.com*

A. W. Sytko, Cand. Sc. (Philology)

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: sytko.mglu@gmail.com*

СУБЪЕКТ ДЕОНТИКИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассматриваются семантические типы деонтического субъекта в немецко- и русскоязычном научном дискурсе. Представлены дискурсивные характеристики, обуславливающие функционирование модальных субъектов. Определены компонентные характеристики данных модальных конструкций.

Ключевые слова: деонтика; научный дискурс; дискурсивный признак; модальный/деонтический субъект; пропозициональный глагол.

THE DEONTIC SUBJECT IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE (BASED ON THE GERMAN AND THE RUSSIAN LANGUAGES)

The semantic types of the deontic subject in the German and Russian scientific discourse are considered. The discursive characteristics determining the functioning of modal subjects are presented. The component characteristics of modal structures are defined.

Key words: deontic; scientific discourse; discursive characteristic; modal / deontic subject; propositional verb.

Деонтический субъект представляет собой потенциального исполнителя действия, которое обусловлено определенной деонтической нормой и призвано изменить текущее положение вещей. Он является семантическим компонентом деонтического высказывания (ДВ) и структурным компонентом деонтической конструкции (ДК), формирующим различную прагматику модального высказывания.

Научный дискурс (НД), а именно его прототипические жанры (статья, монография), в которых фиксируются промежуточные или окончательные результаты исследовательской деятельности, реализуется в достаточно формализованных текстах, демонстрируя приоритет всеобщего и необходимого над единичным и случайным. Дистинктивными признаками НД являются рациональность, объективность, универсальность и бессубъектность, благодаря которым деонтический субъект в НД представлен предсказуемой бинарной оппозицией: конкретный субъект, а именно перволичный *я/мы*-авторское, и обобщенный субъект, в потенциальный круг референтов которого может быть включен любой участник НД, в том числе говорящий. В первом случае деонтический субъект совпадает с субъектом речи и субъектом научной деятельности, в случае обобщенного субъекта – с субъектом познания (научное сообщество). При этом субъекты деонтики в НД образуют оппозицию по семантическому типу пропозиционального глагола, т. е. инфинитива ДК. Перволичный субъект используется только в ДК с коммуникативными глаголами, в то время как обобщенный, представленный в 80 % выборки в русскоязычном и в 89 % в немецкоязычном НД, – с ментальными глаголами и глаголами поведенческой семантики.

Ключевым признаком НД признается объективный характер представления любого знания, который не предполагает экспликацию субъекта речи, поэтому проявление данной прагматической специфики НД реализуется в десубъективации ДВ, демонстрируя минимальные различия в рассматриваемых разноструктурных языках. В русском языке наблюдается использование исключительно безличных модальных предикативов *следует* и *необходимо*. Отметим, что ДВ в немецком НД реализуются преимущественно пассивными конструкциями. Модальный субъект выходит на первый план только в ДК с коммуникативными глаголами, именно благодаря которым и возможна референция с говорящим.

ДВ с **обобщённым** субъектом реализуют репрезентативно-директивную иллокуцию. Они представлены преимущественно конструкциями с ментальными глаголами, такими как *рассматривать* / *mitbetrachtet werden*, *понимать* / *erkennen*, *исходить* / *ausgehen*, *различать* / *разграничивать* / *unterscheiden*, *помнить*, *иметь в виду*, *принять во внимание* / *beachten* / *achten*, *учитывать* / *einbezogen werden* / *dazugedacht werden* и др., которые вводят пропозицию, содержащую научную информацию (ДВ, что Р). Подобные ДВ, с одной стороны, отражают необходимость автора следовать логике рассуждения и объективным фактам, актуализируя свои мыслительные операции над суждениями. С другой стороны, они «вынуждают» адресата осуществлять указанные ментальные операции для подтверждения правильности и убедительности изложения. Кроме этого, обобщённый субъект отмечен в ДК с поведенческими глаголами при воспроизведении предметного содержания теоретических законов, норм и аксиом, являющихся важнейшей составляющей НД.

ДВ с **перволичным** субъектом выступают модализованными репрезентативами. Они являются проявлением соблюдения важнейшего принципа научной дискурсии, а именно ясности и логичности научного изложения, отражая смысловую, в том числе и авторскую, иерархию отдельных фрагментов содержания и обеспечивая ориентацию адресата в текстовом пространстве. Перволичные ДВ в НД либо тематизируют содержание (*sich die Frage stellen* / *рассмотреть вопрос о ...*), либо акцентируют научную информацию (*подчеркнуть, отметить, что ...* / *darauf hingewiesen werden, dass ...*), либо объясняют ее содержание (*klargestellt werden, dass ...* 'прояснить'), либо вводят дополнительные или конкретизирующие сведения (*упомянуть, уточнить, что ...*). Кроме этого, ДВ с перволичным субъектом выступают также актами признания (*необходимо признать/muss eingegangen werden* 'занять позицию'). В немецком дискурсе автор с помощью ДВ в основном тематизирует содержание, предоставляя в остальном реципиенту большую свободу и самостоятельность в восприятии научного текста.

Таким образом, субъект деонтики обусловлен социальными нормами и структурами НД, причем дискурсивный фактор (бессубъектность) способен нейтрализовать структурно-языковой фактор (грамматическую субъектность). Регулятивные принципы НД, такие как системность/концептуальность, универсальность и выводимость / логичность, диктуют употребление обобщённого субъекта. Закономерности познавательной деятельности ученого-автора и фактор адресата обуславливают функционирование перволичного субъекта.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ В СЕМАНТИКЕ ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Выявлено общее и специфичное в способах членения пространства с помощью исследуемых предлогов в каждом из сопоставляемых языков. Установлено более детальное членение пространства при помощи дирекциональных предлогов в русском языке по сравнению с немецким языком.

Ключевые слова: предлог; регион локализации; пространственные отношения; дирекциональный; топологический; димензиональный.

MOVEMENT IN SPACE IN THE SEMANTICS OF DIRECTIONAL PREPOSITIONS (BASED ON THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

With the help of the prepositions under analysis the common and the specific in the ways of space partitioning in each of the compared languages are being indicated. A more detailed division of space using directional prepositions in Russian compared to German has been established.

Key words: preposition; search domain; spatial relations; directional; topological; dimensional.

Дирекциональные предлоги используются для обозначения отношений между объектами при перемещении в пространстве. Как показывают исследования, членение пространства с их помощью в разных языках оказывается очень специфичным. В данной работе представлены результаты исследования особенностей обозначения пространственных отношений при помощи дирекциональных предлогов в немецком и русском языках.

Объектом исследования являются 15 предлогов русского языка (*до, из(изо), к(ко), от(ото), по, с(со), через (чрез, чрезо), из-за, из-под, мимо, вглубь, вслед, внутрь, сквозь, навстречу*), представленных в «Русской грамматике» (1980) [1], и 7 предлогов немецкого языка (*ab, aus, von, durch, nach, zu, bis*), перечисленных в академическом труде С. Клаус (1999) [2]. Отличительной чертой семантики названных предлогов является то, что они не могут обозначать пространственные отношения в статике. Исследование семантики данных предлогов проводилось на основании словарных дефиниций, контекстуального и дистрибутивного анализа.

В соответствии с универсальной моделью перемещения в пространстве – «отправной пункт – путь – конечный пункт» – исследуемые предлоги подразделены на три семантические подгруппы, в ходе сопоставительного анализа сравнивались количество и семантические свойства предлогов, входящих в состав соответствующих подгрупп.

В подгруппу «Отправной пункт перемещения» в русском языке входят предлоги *из, из-за, из-под, от* и *с*, в немецком – *ab, aus, von*. Установлено, что в обоих языках при описании начала перемещения, дирекциональные предлоги указывают на регион, откуда начинает свое перемещение локализуемый объект (внутренний либо внешний) и на отношения между локализуемым и локализуемыми объектами до начала перемещения (включение, контакт, близкое расположение, неопределенность локализации). При этом в русском языке с помощью предлогов *из-за, из-под* более детально членится внешний регион локализации (тыльный vs нижний).

Для описания пути перемещения в русском языке используются четыре дирекциональных предлога (*мимо, сквозь, по, через*), в немецком языке – один (*durch*). Выявлено, что при обозначении пути в сопоставляемых языках вербализуются отношения с внутренним регионом (*сквозь / durch*). Помимо этого, в русском языке находят обозначение с помощью дирекциональных предлогов *по, через, мимо* различные отношения с внешним регионом. В немецком языке такие отношения обозначаются при помощи димензиональных или топологических предлогов, либо конструкциями типа «топологический предлог + наречие».

На конечный пункт перемещения в русском языке указывают предлоги *к, до, внутрь, вглубь, вслед, навстречу*, в немецком – *bis, zu, nach*. Общим для сравниваемых языков является категоризация этими предлогами релятума как конечной точки перемещения, предельной границы либо как ориентира перемещения. Выявлено, что предлоги русского языка могут обозначать топологические отношения между объектами в конечном пункте. В семантике дирекциональных предлогов немецкого языка регион локализации и топологические отношения в конечном пункте не уточняются, и как следствие, для этих целей привлекаются топологические и димензиональные предлоги. Кроме этого, в русском языке при помощи непервообразных предлогов более детальному членению подлежат отношения как во внешнем, так и во внутреннем регионе (например, предлог *внутри* профилирует внутренние границы объектов, предлог *вслед* обозначает перемещение в тыльном регионе и т. д.).

Таким образом, выявлены существенные отличия в способах репрезентации перемещения в пространстве с помощью дирекциональных предлогов в русском и немецком языках. Главным отличием является наличие в русском языке большего количества дирекциональных предлогов и, как следствие, более детальное членение отношений с участками пространства, представляющими отправной пункт, путь и конечную точку перемещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская Грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 783 с.
2. Klaus, C. Grammatik der Präpositionen. Studien zur Grammatikographie. Frankfurt a.M. u.a. : Lang, 1999. 287 S.

УДК 81'42

*Н. Н. Томская, старший преподаватель
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
e-mail: natalie_tomskaya@mail.ru*

*N. N. Tomskaya, Senior Lecturer
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: natalie_tomskaya@mail.ru*

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛ ЛЕКСИКИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА ТЕАТРА АБСУРДА

Проводится лексико-семантический анализ абсурдистских драматургических текстов, определяется роль лексических единиц в распределении информации в тексте.

Ключевые слова: драматургический текст; театр абсурда; семантика; категория информативности.

SEMANTIC AND PRAGMATIC FUNCTIONALITY OF THE VOCABULARY IN THE ABSURDIST DRAMATIC TEXT

The lexical and semantic analysis of absurdist dramatic texts is carried out, the role of lexical units in the distribution of information in the text is determined.

Key words: dramatic text; theater of the absurd; semantics; category of informativity.

Лексический состав драматургического текста отличается повышенной семантической наполненностью. Это объясняется объективными характеристиками драмы, связанными с театральным искусством: предназначенный для публичного вербального воспроизведения, такой текст рассчитан на двух- трехчасовое представление. Следовательно, удельная семантическая нагрузка на единицу текста возрастает. Это определяет актуальность данного исследования, цель которого – провести лексико-семантический анализ текстов театра абсурда и определить роль лексических единиц в реализации текстовой категории информативности.

Исследование проведено на материале текстов классика абсурдистской драматургии – С. Беккета, в частности таких пьес, как «Waiting for Godot», «Endgame», «Happy Days», «Krapp's Last Tape».

Методологическую базу исследования составляет теория И. Р. Гальперина о трёх уровнях информации в тексте: содержательно-фактуальная

информация (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ) и содержательно-подтекстовая информация (СПИ) [1, с. 26–50]. Анализ текстов проведен по схеме, предложенной В. В. Елисеевой [2, с. 59], и состоит из четырех этапов: 1) сначала исследуются информемы, выполняющие номинативную и дейктическую функцию и таким образом отвечающие за первый уровень информации (СФИ); 2) далее анализируются прагмемы эмоционально-оценочного характера, эксплицирующие СКИ; 3) анализ актуализированных лексических единиц, составляющих имплицированную СКИ; 4) анализ сенсibiliзированных единиц, то есть усиленных в силу взаимовлияния смыслов, с целью определения СПИ [2, с. 59].

Информемы, образующие первый информационный уровень (СФИ), объединяются в лексико-тематические группы, такие как «повторение», «страдание», и др. Второй этап анализа, охватывающий эмоционально-оценочные прагмемы, проходит главным образом на материале ремарок, которые определяют речь и действия персонажей. Третий этап анализа связан с скрытой концептуальной информацией, приближающейся к подтекстовой. Основными способами актуализации лексических единиц, носителей такого типа информации, является повтор [4] и стилистическое выдвижение. На уровне СКИ поднимаются темы «nothingness» [5], «борьба», «пауза», «конец». Подтекстовая информация фактически не представлена в тексте и вычленяется из совокупности смыслов на уровне концептуальной информации. В проанализированных текстах СПИ представлен такими мотивами, как повтор, стагнация, бесконечность страдания.

В дальнейшем представляется перспективным исследование категории информативности драматургического текста с точки зрения распределения информации между основным корпусом реплик и служебным текстом авторских ремарок [3], что также возможно с помощью лексико-семантического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2006. 144 с.
2. Елисеева В. В. Анализ информационной структуры художественного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 9, вып. 2. С. 57–62.
3. Комиссаров К. В. Лингвокогнитивный потенциал организации текстового пространства драматического произведения (на материале пьесы П. Шеффера "Амадей") // Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика. межкафедральный сборник научных статей. Московский городской педагогический университет, 2018. С. 46–50.
4. Николаева М. Виды и функции повтора в пьесах театра абсурда // *Maski wolności w dramacie i teatrze XX i XXI wieku. interdyscyplinarna konferencja naukowa z cyklu „Lektury dramatu/teatru”*. Katowice: Śląsk, 2019. С. 147–160.
5. Николаева М. Н. Лингвонегативизм С. Беккета (на примере текста пьесы «В ожидании Годо») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6–1 (84). С. 128–135.

*Д. Л. Тригубова, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: dasha.trigubova@gmail.com*

*D. L. Tryhubava, Postgraduate Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: dasha.trigubova@gmail.com*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИХ ХРОНОТОП В ТЕКСТАХ КИНОАННОТАЦИЙ

Рассматриваются возможности компонента «хронотоп» киноаннотаций в передаче имплицитной информации о кинопроизведении. Языковые единицы, вербализующие хронотоп, ранжируются в зависимости от их прогностической силы.

Ключевые слова: киноаннотация; хронотоп; языковые единицы; компоненты семантической структуры; прогностическая сила.

THE SEMANTIC POTENTIAL OF LANGUAGE UNITS VERBALIZING THE CHRONOTOPE IN TEXTS OF FILM ANNOTATIONS

The ability of the “chronotope” component of film annotations to convey implicit information about a cinematic work is considered. Language units verbalizing the chronotope are ranked according to their predictive power.

Key words: film annotation; chronotope; language units; semantic structure components; predictive power.

Настоящее исследование посвящено изучению ассоциативно-семантического потенциала компонента «хронотоп» и его возможностей в передаче имплицитной информации о произведении. Цель работы состоит в определении прогностической силы различных языковых единиц, задействованных в вербализации компонента «хронотоп» в аннотациях к кинофильмам. В качестве основных методов исследования использовались методы семантического моделирования, структурного и контекстуального анализа. Материалом исследования послужили тексты аннотаций (общее количество – 911) на английском и русском языках к 100 художественным фильмам производства США 2018–2020 гг.

Результаты анализа позволяют говорить о наличии в текстах киноаннотаций типовой семантической структуры, одним из ключевых компонентов которой является хронотоп, или совокупность пространственных и временных характеристик произведения (в нашем случае – кинопроизведения). В силу тесной связи с прочими компонентами структуры хронотоп не только передает информацию о месте и времени событий, но и может отсылать к иной информации, которая представлена имплицитно, т. е. способен созда-

вать предпосылки для выстраивания интерпретационных гипотез, точность которых зависит от характера языковых единиц, задействованных в репрезентации места и/или времени событий. В случае указания конкретных мест и дат языковая репрезентация хронотопа осуществляется с помощью имен собственных (топонимов и хрононимов) и числительных. При упоминании обобщенных названий локаций и периодов релевантными оказываются имена существительные с пространственным и временным значениями.

Рассмотрим градацию прогностической силы вышеназванных языковых единиц, вербализующих компонент «хронотоп» в киноаннотациях. Наиболее высоким ассоциативно-семантическим потенциалом обладают прецедентные топонимы и хрононимы, называющие места или периоды, связанные с какими-либо общеизвестными событиями или происшествиями (битвы, войны, кризисы и др.). Такие они содержат в себе прямую отсылку к соответствующим событиям и позволяют потенциальному зрителю предположить, что действие фильма связано с ними. Например, хрононим *Вторая мировая война* (фильм «Тайная жизнь») имплицитно персонажей и действие фильма: солдаты, мирное население, боевые действия, жизнь во время войны. Описание места событий как *the besieged Syrian city of Homs* «осажденный сирийский город Хомс» («Частная война») позволяет реконструировать действие фильма как связанное с гражданской войной в Сирии 2011–2012 гг. (военный сюжет дополнительно «подсказывает» прилагательное *осажденный*).

В значительной степени прогностическую силу демонстрируют топонимы, называющие вымышленные города из известных произведений. Они позволяют реконструировать персонажей и действие фильма за счет фоновых знаний потенциального зрителя. Например, *Готэм* («Джокер») – вымышленный город в США, в котором происходит действие историй о Бэтмене. Упоминание в киноаннотации данного топонима указывает на связь фильма с Бэтменом, его противниками, их жизнью или борьбой.

Менее высокой прогностической силой обладают гидронимы, космонимы и существительные со значением водных или космических объектов: *в Карибском море* («Море соблазна») – морские битвы, крушения, борьба с водными чудовищами; *за пределами Солнечной системы* («Высшее общество») – космонавты, миссия в открытом космосе, борьба с пришельцами.

Невысокой прогностической силой обладают имена существительные, называющие места, связанные с определенными профессиями, и способные указывать только на персонажей (причем исключительно на их род деятельности), но малоэффективные в плане передачи информации о событиях / действиях фильма: *fire station* «пожарное депо» («Игры с огнем») – пожарные.

Таким образом, языковые единицы, вербализующие компонент «хронотоп» в киноаннотациях, способны создавать предпосылки для выстраивания интерпретационных гипотез разной степени точности. Перспективой исследования может быть изучение прогностической силы других компонентов содержательной структуры киноаннотаций.

*Н. В. Трунова, к. филол. н.
Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
e-mail: n_trunova@mail.ru*

*N. V. Trunova, Cand. Sc. (Philology)
Military University of the Russian Federation Defense Ministry, Moscow, Russia
e-mail: n_trunova@mail.ru*

ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА ОЦЕНКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Рассматривается сущность явления «новой реальности», выявляются языковые приёмы её структурирования, определяется функциональная нагрузка оценочных экспликатий, обеспечивающих силу эмоционального воздействия текста на реципиента.

Ключевые слова: политический дискурс; контекст новой реальности; оценочные смыслы.

EVALUATION GRAMMAR AND PRAGMATICS IN THE “NEW REALITY” POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The paper centers on the “new reality” phenomenon, overtly exposed in political utterances, the modi of its verbal representation, the evaluative exponents’ functional load, entailing the emotional impact force targeted at the recipient audience.

Key words: political discourse; new reality context; evaluative significance.

Теоретическая платформа настоящего исследования предполагает приятие некоторых постулатов в области теории языка, теории коммуникации и дискурсологии в качестве исходных аксиом. Они сводятся к следующим утверждениям. 1. Любое грамматически отмеченное высказывание структурируется на основе существующей пропозиции как репликации некоторых отношений между объектами. 2. Язык является интенционально ангажированной системой передачи пропозициональной информации. 3. Интерпретация любого высказывания предопределена характером пресуппозиций, как некоторого фонового знания, необходимого для состоятельности речевого акта. 4. Функциональное предназначение языка не ограничивается дескрипцией, оно включает оценку как когнитивный фактор, предопределяющий внутренний выбор (для себя) и детерминирующий силу внешнего воздействия (на другого). 5. Raison d'être политического медиадискурса заключается в формировании (общественного) мнения относительно описываемой ситуации.

С течением времени изменяются и предпосылки, и посыл публикаций в рамках рассматриваемого жанра. Еще в начале текущего столетия его специфика определялась такими характеристиками, как объективность нейтральность, непредвзятость изложения фактов [1] (сугубо информативная функция). Однако масс-медиа всегда были и остаются, прежде всего, средством пропаганды, отражающей состояние мировой геополитики, поскольку,

как утверждает Мартин Монтгомери, «Реальность <...> социально конструируема. Лексика и (грамматическая) структура предложения представляют реальность в определённом ракурсе, способствуя формированию определённого мнения» [2] (перевод наш). Таким образом, сугубо информационная функция политического дискурса дополняется агитационно-пропагандистской, допускающей и «игру смыслов», и отсутствие аргументации выдвигаемого тезиса, и, как становится всё более очевидным, неприкрытую фальсификацию.

При этом изменяется как пропозициональное содержание сообщения, так и его эпистемический статус (нивелируется дихотомия «знать – полагать») и аксиологический модус (в оппозиции «дескрипция – оценка» ведущая роль отдаётся оценочному компоненту). В работу включаются манипулятивные стратегии [3], одна из которых – апелляция к эмоциям – психологически опосредована игрой с когнитивными механизмами, а лингвистически – языковой игрой. И в том и в другом случае изменяется пропозициональная установка, осуществляется пресуппозиционный сдвиг, происходит смещение политических и идеологических акцентов сообщения и создаётся то, что в 2004 году советник президента Дж. У. Буша обозначил как «новая реальность» [4], явление, основной характеристикой которого является «смерть факта» [5]. На политическую авансцену выходит новый тип дискурса «пост-правды» [6], формируется новое общество пост-правды, в котором восприятие мира основывается на эмоциональных переживаниях.

В актуализации фатической (апеллятивной) функции в этом случае принимают участие не только оценочные предикаты. Контекстуальные факторы (внутренняя – по Ф. де Соссюру – лингвистика), геополитические установки (внешняя лингвистика) являются детерминирующими триггерами. При этом используются все риторические приёмы – прямое обращение к реципиенту, параллельные конструкции, все типы вопросительных предложений, пассивные конструкции, использование форм настоящего времени в генерализующей (вневременной) функции, повторы, подхваты, гиперболизация и, конечно «красивая стилистика» – художественное сравнение, метафора, зевгма. В перенасыщенной эмоциями коммуникативной среде объективные факты всё меньше и меньше воздействуют на общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. 203 с.
2. Montgomery M., Edington B. The Media. London : British Council, 1996.
3. Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievement of Propaganda : Seven Stories Press, 2002. 103 p.
4. Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. // The New York Times. 2014. October 17.
5. Jamieson K. H. Implications of the Demise of “Fact” in Political Discourse. URL: <http://live-amphil.pantheonsite.io/sites/default/files/2017-10/attachments/Jamieson> (дата обращения: 23.08.21).
6. Newman S. Post-Truth and Political Theory. URL: <https://editorial.ucatolica.edu.co/index.php/SoftP/article/view/3564> (дата обращения: 23.08.21).

*В. В. Тур, канд. филол. н.
Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь
e-mail; vitality.tur@gmail.com*

*V. V. Tur, Cand. Sc. (Philology)
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
e-mail; vitality.tur@gmail.com*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫБОРА НАИВНОЙ ТЕОРИИ О МИРЕ

Обосновывается тезис о том, что семантическая структура слова зависит от наивной теории о мире, конструируемой говорящим в качестве основы лексического значения.

Ключевые слова: структура лексического значения; семантический признак; лексикографическое описание; коммуникативная релевантность; наивная теория о мире.

WORD MEANING STRUCTURE AS A RESULT OF THE CHOICE OF A NAIVE THEORY ABOUT THE WORLD

It is argued in the paper that a word meaning structure depends on a naive theory about the world, constructed by the speaker as the basis of lexical meaning.

Key words: word meaning structure; semantic feature; lexicographic description; communicative relevance; naive theory about the world.

Соотношение концепта, стоящего за словом, и лексическим значением как рефлексом той суммы знаний, которую несет в себе соответствующая когнитивная структура, является одной из ключевых проблем лексической семантики. О том, насколько многочисленны альтернативные репрезентации концепта в речи, можно судить уже хотя бы по вариативности дефиниций одних и тех же слов в разных словарях.

Традиционно, лексическое значение в его сопоставлении с обозначаемой ментальной сущностью понимается как коммуникативно-релевантная часть концепта, включающая сравнительно небольшое количество общеизвестных, функционально значимых семантических признаков. Проблема, однако, заключается в том, что коммуникативно-релевантной, как известно из многочисленных исследований последних лет, может оказаться практически любая часть обозначаемого концепта. В результате, решение вопроса о степени значимости того или иного признака чаще всего сводится к определению частотности его актуализации при проведении контекстуального анализа и / или лингвопсихологических экспериментов. Недостатком такого подхода является то, что подобный способ определения значимости признаков

в семантической структуре слова не является объяснительным: фиксируя высокую степень частотности актуализации определенной части концептуального знания, мы не даем ответа на вопрос о том, почему частотным оказывается именно тот, а не иной «пучок» семантических признаков.

В этой связи обращает на себя внимание теория Г. Мерфи и Д. Медина, согласно которой целостность и внутренняя связность концепта обусловлена стоящими за ними фоновыми знаниями людей и их наивными теориями о мире. Именно эти наивные теории соотносят концепт с другими концептами в домене и, что наиболее важно в контексте нашего обсуждения, структурируют признаки внутри концепта [1]. Важным следствием данного положения является иной взгляд на процесс актуализации признаков, в соответствии с которым в результате применения определенной теории происходит не высвечивание отдельных признаков, а построение сразу всей признаковой структуры концепта.

Ключевым тезисом нашей работы является гипотеза о том, что в основе формирования некоторых лексических значений лежит аналогичный принцип поиска наиболее адекватной, по мнению говорящего, теории о мире, которая, в свою очередь, определяет признаковую структуру этих значений.

Высказанное предположение является результатом нашего исследования словарных дефиниций, характер вариативности которых от словаря к словарю при толковании одних и тех же слов заставляет предположить, что в основе данной вариативности лежит не решение лексикографа по поводу значимости каждого признака в отдельности, а выбор определенной целостной теории (когнитивной модели), которая, по его мнению, наиболее соответствует представлениям носителей языка о семантике определяемого слова. Ср., например, разные дефиниции *slipper* ‘тапок’ – *a comfortable shoe that you wear in the house* ‘удобная обувь, которую носят дома’ (*Cambridge English Dictionary*); *a light low-cut shoe that is easily slipped on the foot* ‘легкая обувь с широким отверстием для ног, которая легко надевается на ногу’ (*Collins English Dictionary*) (удобная => носят дома; с широким отверстием для ног => легко надевается на ногу).

Следует, наконец, отметить, что построение дефиниции на основе целостной теории не является единственно возможным способом толкования семантики слова: альтернативным вариантом служит перечисление отдельных, не связанных единой теорией салиентных (перцептивно выделенных) признаков. Выяснение того, от чего зависит выбор той или иной стратегии описания семантики слова, является важной задачей дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Murphy G. L. The role of theories in conceptual coherence // *Psychological Review*. 1985. Vol. 92 (3). P. 289–316.

*М. В. Турчинская, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: masha.turchinskaya@gmail.com*

*M. V. Turchinskaya, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: masha.turchinskaya@gmail.com*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируются признаки значений наименований лиц по социальному положению в английском языке. Установлены специфические характеристики, которые эксплицируются в значениях центральных членов изучаемой группы единиц под влиянием контекстуальных факторов.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; наименования лиц; сословия; семантика; контекстуальное употребление.

SEMANTIC POTENTIAL OF THE NOUNS DENOTING SOCIAL RANKS IN ENGLISH

Meaning constituents of the nouns denoting social ranks in English are analyzed. The study reveals specific characteristics which become explicit in the meanings of central members of the group studied under the influence of contextual factors.

Key words: lexico-semantic group; nouns; social ranks; semantics; contextual usage.

Многочисленные исследования в области лексической семантики свидетельствуют о том, что значение языковых единиц представляет собой комплекс различных признаков, которые репрезентируют многогранность человеческого знания об именуемых объектах [1, с. 83; 2, с. 449 и др.]. В этой связи интересным представляется изучение не столько значений отдельных наименований, сколько семантического потенциала членов целых лексико-семантических групп (ЛСГ) и выявление специфики общих свойств, которые данные единицы реализуют в контекстуальном употреблении.

В данном исследовании мы обратились к изучению наименований лиц по социальному положению в английском языке, с целью выявления признаков значения, которые не находят выражения в словарных дефинициях, но эксплицируются в значениях единиц данной ЛСГ под влиянием контекстуальных факторов.

Анализ нереферентных употреблений изучаемой группы номинаций в составе атрибутивных словосочетаний и образных сравнений в «The British National Corpus» свидетельствует о том, что в значениях наименований лиц по социальному положению в английском языке актуализируется широкий спектр свойств, которые варьируются как по типу (внешние признаки, пове-

дение, нрав и др.), так и по количеству. Так, в изученных контекстуальных употреблениях наименований лиц по социальному положению эксплицируются различные грани их значений, репрезентирующие информацию о внешности, поведении, быте и жизненном укладе, которые присущи представителям именуемых социальных слоев в данной лингвокультуре: *look like an earl* 'выглядеть как граф', *have the life of a lady* 'вести жизнь леди', *take tea like a lord* 'пить чай как лорд', *act like a king* 'действовать как король', *bear herself like a queen* 'ведет себя как королева' и др. В ряде контекстуальных употреблений данные признаки конкретизируются: *North Shields fishing could now be described as a peasant activity* 'Рыболовство в Северном Шилдсе теперь можно было назвать крестьянским занятием'; ... *behaved with the arrogance of a lady* 'вела себя с высокомерием дамы'. Однако в большинстве случаев используя в речи данные номинации говорящий апеллирует к довольно обширному диапазону знаний о свойствах, ассоциируемых с представителями разных социальных слоев в английском языковом сообществе.

Более того, в изученном массиве данных четко прослеживается противопоставление признаков, присущих представителям привилегированных и непривилегированных сословий: *And his manner was, if I may say so, more relaxed, almost like an aristocrat* 'Он вел себя, если можно так сказать, более расслабленно, почти как аристократ'; *He has no manners, eats like a peasant* 'Он не умеет себя вести, ест как мужик'; *dressed as a commoner* 'одет как простолюдин'; *dressed as a king* 'одет как король' и др. Тем не менее профилирование признаков, ассоциируемых с социальным положением, свойственно далеко не всем членам изучаемой ЛСГ, а лишь незначительному их числу. Так, в значениях наименований, которые формируют ядро данной группы, репрезентируется широкий спектр установленных свойств. В то время как для номинаций лиц по социальному положению, которые являются заимствованиями, актуализация таких признаков вообще не характерна.

Из сказанного становится очевидным, что под влиянием контекстуальных факторов в значениях центральных членов ЛСГ номинаций лиц по социальному положению в английском языке реализуется целый комплекс признаков, которые репрезентируют определенные знания о характеристиках и свойствах представителей разных сословий и групп в социальной иерархии исследуемого языкового сообщества. С этой позиции, перспективной представляется возможность проведения аналогичного исследования в русле сопоставительного анализа, с целью установления с одной стороны своеобразия, а с другой общности семантических свойств, присущих единицам данной ЛСГ в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 216 с.
2. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar : in 2 vol. Stanford : Stanford Univ. Press, 1987–1991. Vol. 1 : Theoretical prerequisites. 1987. 516 p.

*И. Г. Урбанович, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: urbanovich2@tut.by*

*I. G. Urbanovich, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: urbanovich2@tut.by*

О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ ОККАЗИОНАЛИЗМА

Рассматривается понятие *окказионализм*. Представлены отличительные признаки окказионализмов, приводится толкование термина различными авторами.

Ключевые слова: окказиональность; неология; неузвальное образование; функциональная специфика.

ON THE LINGUISTIC STATUS OF OCCASIONALISM

The concept of occasionalism is considered. The distinctive features of occasional forms are presented, and the interpretation of the term by various authors is given.

Key words: occasionality; neology; non-usual education; functional specificity.

Развитие языка во многом обуславливается таким явлением, как появление и существование в нем неузвальных окказиональных единиц. Данные речевые образования расширяют рамки узуса, придают дополнительное лексическое значение, обогащают стилистические возможности. Окказионализм создается с определенной коммуникативной целью и обслуживает определенную языковую ситуацию, при наличии определенных условий они способны войти в язык, замещая устаревающие узвальные лексемы, расширяя диапазон словарного запаса.

Окказиональность как возможность пополнения словарного запаса языка широко освещается в современной русистике (В. В. Лопатин 1973, Е. А. Земской 1992, А. Г. Лыков 1986, И. С. Улуханов 1996, Р. Ю. Намиткова 1986, Н. А. Янко-Триницкая 2001 и др.). Проводился анализ лингвистической природы окказионализма в художественной и публицистической речи, были попытки определения механизмов их появления и систематизации окказиональных моделей. Исследования данного явления в словообразовательном, лексикологическом, социолингвистическом, стилистическом и психолингвистическом аспектах привело к образованию современных научных направлений – неологии и неографии.

Не имея четкой дефиниции в лингвистике, *окказионализм* понимается как слово, неcodифицированные «соединения лексем, состоящие из двух и более узуальных слов» [1, с. 8]. Д. Э. Розенталь определяет термин как «слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [2, с. 272].

Само понятие «окказиональный» О. С. Ахманова трактует как «не узуальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления» [3, с. 284]. В энциклопедии «Русский язык» окказионализмы определяются как «речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае, создаются на базе продуктивных / непродуктивных моделей из имеющегося в структуре языка материала вопреки сложившейся литературной норме» [4, с. 283].

А. Г. Лыков в качестве основных признаков окказиональности выделяет: принадлежность к речи; творимость; словообразовательную производность; функциональную одноразовость; зависимость от контекста; экспрессивность; нормативную факультативность; синхронно-диахронную диффузность; индивидуальную принадлежность [5, с. 11].

Названные признаки в совокупности определяют данное новообразование как окказиональное. Однако окказионализмы отличаются по своему происхождению функциональной спецификой: одни жизнеспособны в живой разговорной речи, другие функционируют в речи художественной. И те, и другие дезавтоматизируют восприятие, отвечая потребности автора-создателя подчеркнуть свое отношение к предмету речи, придать ему неповторимое индивидуальное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голобородько К. Ю. Окказионализмы в поэзии С. Кирсанова : автореф. дис. : канд. филол. наук : 10.02.01. / Харьк. гос. ун-т. Харьков, 1993. 17 с.
2. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку : слов. лингвист. терминов. М. : Оникс 21 век : Мир и образование, 2003. 623 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов : 4-е, изд., стер. М. : URSS : КомКнига, 2007. 576 с.
4. Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Дрофа : Большая рос. энцикл., 2003. 703 с.
5. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1976. 119 с.

*Е. Г. Устименко, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: evoshhilo@mail.ru*

*E. G. Ustimenko, Postgraduate Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: evoshhilo@mail.ru*

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЁД / НАЗАД В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются глаголы, обозначающие движение в направлениях вперёд и назад в русском и немецком языках. Установлено, что в сравниваемых языках обнаруживаются отличия в количественном составе, а также типах информации, репрезентируемых в семантике глаголов движения вперёд / назад.

Ключевые слова: глаголы движения; направление вперёд / назад; семантика; количественная асимметрия.

VERBS OF MOTION FORWARD / BACKWARD IN RUSSIAN AND GERMAN

Verbs of motion, denoting the directions forward / backward in Russian and German are reviewed. It has been established, that the compared languages show differences in the quantitative composition, as well as in the types of information represented in the semantics of the forward/backward motion verbs.

Key words: verbs of motion; direction forward / backward; semantics; quantitative asymmetry.

Цель работы – рассмотреть специфику обозначения направлений движения вперёд и назад с помощью глаголов в немецком и русском языках. Количественно эта группа глаголов менее представлена в исследуемых языках по сравнению с группами глагольных единиц, обозначающих направления движения вверх / вниз, внутрь / наружу. В ходе исследования выявлялись и сопоставлялись структурно-семантические свойства названной группы глаголов движения.

Материалом исследования послужили непереходные глаголы в их первом значении, обозначающие направления движения вперёд и назад, отобранные методом сплошной выборки из малого академического словаря под редакцией А. П. Евгеньевой в русском языке [1] и толкового словаря «Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» в немецком языке [2]. В словаре русского языка зафиксировано 4 глагола, обозначающих движение вперёд, и 13 глаголов, обозначающих движение назад; в словаре немецкого языка – 39 глаголов, обозначающих движение вперёд, и 40 глаголов, обозначающих движение назад.

Из количественных данных следует, что в русском языке глаголов, с помощью которых описывается движение назад, значительно больше глаго-

лов, обозначающих движение вперёд. В структурном плане преобладают производные глагольные единицы: все глаголы, обозначающие движение вперёд, являются приставочными (*выдвинуться*, *выступить*, *посунуться*, *продвинуться*). Из 13 глаголов, обозначающих движение назад, 11 приставочных (*возвратиться*, *оглянуться* и др.) и 2 бесприставочных (*вернуться*, *пятиться*). В немецком языке количество глаголов движения вперёд / назад почти одинаково. Все выявленные глагольные единицы являются приставочными (*aufdrücken* 'подвигаться; придвигаться', *vorrennen* 'бежать вперёд', *umkehren* 'поворачивать назад', *zurückschwimmen* 'плыть назад' и др.). Ряд глаголов, обозначающих направление движения вперёд, помимо приставки, содержат в своей структуре дейктический элемент *her-*, указывающий на движение к говорящему (*hervortreten* 'выступать вперёд; выдаваться').

Количественная асимметрия сравниваемых семантических глагольных групп в русском и немецком языках связана со структурной спецификой данных языков, обуславливающих обозначение движения вперёд / назад с помощью приставочных глаголов в немецком языке и конструкциями типа «глагол движения + наречие» (например, *идти назад*, *бежать вперёд* и т. д.) в русском языке.

В ходе семантического анализа глаголов, обозначающих движение вперёд и назад в русском языке, установлено, что их семантика накладывает ограничение на субъект перемещения. В семантике 3 из 4 глаголов (*выдвинуться*, *выступить*, *продвинуться*), обозначающих движение вперёд, и 2 глаголов (*отступить*, *оттянуться*), обозначающих движение назад, профилируется информация, чаще всего, о движении войск, армии, какой-либо группы людей. Ряд глаголов обозначают движение части субъекта (*посунуться*, *запрокинуться*, *оглянуться*, *обернуться*). В семантике остальных глагольных единиц содержится информация о специфическом характере субъекта движения, например, перемещение объекта в виде жидкости (*отхлынуть*, *отплеснуть*), перемещение субъекта в направлении, противоположном своей ингерентной ориентации (*пятиться*), движение в исходный пункт (*вернуться*, *возвратиться*).

Для установления специфики обозначения движения вперёд / назад в немецком языке мы исключили из рассмотрения приставочные глаголы, коррелирующие в русском языке с глагольно-наречными конструкциями, например, *vorgehen* – *идти вперёд*, *zurückfahren* – *ехать обратно* и др. Всего выявлено 43 таких глагола (18 глаголов, обозначающих движение вперёд, и 25 глаголов, обозначающих движение назад). 36 глагольных единиц немецкого языка (21 глагол, обозначающий движение вперёд, и 15 глаголов, обозначающих движение назад) обнаруживают семантические особенности, обусловленные как значением производящей базы, так и спецификой приставочного форманта. Например, скорость движения вперёд профилируется в семантике глагольных единиц *vorschnellen* 'рвануться вперёд', *vorschießen* 'устремляться вперёд' за счёт производящих баз *schnell* 'быстро', *shießen* 'стрелять'. Информация об атаке спортсменов, армии, войск, полиции

и других групп содержится в семантике глагола *vorstürmen* ‘устремляться вперёд, атаковать’, образованного от глагола *stürmen* ‘атаковать’. Также производящая база обуславливает наличие специфической информации об отскоке упругого объекта, например, мяча в семантике глагола *zurückprallen* ‘отскакивать, отлетать’ (*prallen* ‘удариться, наскочить’), о резком движении объекта, обладающего гибкостью, например, пружины, нити в семантике глагола *zurückschnellen* ‘отскакивать’ (*schnell* ‘быстро’), о движении субъекта назад из-за испуга в семантике глагола *zurückschaudern* ‘отшатнуться в ужасе’ (*schaudern* ‘ужасаться’), во избежание столкновения в семантике глагола *zurückweichen* ‘отшатнуться’ (*weichen* ‘отклоняться, уклоняться’). Приставочный формант обуславливает наличие информации о перемещении вперёд нескольких субъектов, при этом один из них находится впереди, во главе (сравни: *vorangehen* ‘идти впереди [других]’ – *vorgehen* ‘идти вперёд’, *vorauslaufen* ‘бежать впереди [других]’ – *vorlaufen* ‘бежать впереди’).

Таким образом, сравниваемые языки обнаруживают отличия в количественном составе, а также типах информации, репрезентируемых в семантике глаголов, обозначающих направления движения вперёд и назад. В русском языке релевантной является информация о движении войск, армии, определенной группы людей, а также о перемещении части субъекта. В немецком языке профилируется информация о положении субъекта движения по отношению к другим, скорости перемещения, причине движения и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. 4 т.
2. Duden online. URL: <http://www.duden.de>. (дата обращения: 25.03.2021).

УДК 802.0'54

*А. В. Федорюк, к. филол. н.
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
e-mail: avfedoryuk@mail.ru*

*A. V. Fedoryuk, Cand. Sc. (Philology)
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: avfedoryuk@mail.ru*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОКОНТАМИНАНТЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Рассматриваются семантика, структурные и функциональные особенности неологизмов, образованных контаминацией в 2020 году под влиянием пандемии коронавируса.

Ключевые слова: неологизм; контаминация; словообразование; концептуализация; дискурс; коронавирус.

ENGLISH NEOLOGISMS – BLENDS RELATED TO THE COVID-19 PANDEMIC DISCOURSE

The semantics, structural and functional features of neologisms formed by contamination in 2020 under the influence of the coronavirus pandemic are considered.

Key words: neologism; contamination; word formation; conceptualization; discourse; coronavirus.

В 2020 году во время пандемии коронавирусной инфекции в английском языке появилось значительное количество лексических новообразований, большая часть которых состоит из слов, образовавшихся в процессе лексической контаминации, то есть в процессе слияния или наложения двух исходных лексем.

Целью исследования является изучение структурных особенностей, особенностей формирования семантики контаминантов, созданных с целью номинации новых понятий. Материалом исследования послужили контаминированные неологизмы (общее количество – 60 ЛЕ), выявленные методом сплошной выборки из онлайн версий приложений к толковым словарям Merriam-Webster Dictionary, Cambridge Dictionary, содержащих неологизмы, возникших в период пандемии. В работе были использованы: метод словарных дефиниций, методы компонентного и концептуального анализа, структурно-функциональный метод.

В результате исследования структурных особенностей неоконтаминантов было установлено, что данные лексемы состоят из квазиморфем и при условии рекуррентной воспроизводимости некоторые из них могут превращаться в самостоятельные словообразовательные элементы аффиксального типа невысокой степени продуктивности, напр.: *coron-* / *corona-* / *rona-*: *coronacation* (*corona* + *vacation*), *coronanoia* (*corona* + *paranoia*), *coronapocalypse* (*corona* + *apocalypse*), *cov-* / *covid-*: *covidiot* (*covid* + *idiot*), *covidivorce* (*covid* + *divorce*), *covidpreneur* (*covid* + *entrepreneur*); *mask-*: *maskhole* (*mask* + *asshole*), *maskne* (*mask* + *acne*), *-cation* / *-kation*: *coronacation* (*corona* + *vacation*), *safecation* (*safe* + *vacation*), *workation* (*work* + *vacation*) [2].

Исследование образования семантики контаминанта проводилось с позиций теории концептуальной интеграции в терминах лексемы-донора, лексемы-реципиента, родового пространства и эмерджентного значения. Было установлено, что эмерджентное, т. е. возникающее внезапно, значение образуется в результате наложения или аттракции семантики донора и семантики реципиента. Так, в контаминанте *coronageddon* (*coronavirus* +

armageddon) родовым пространством является мотив «апокалипсиса», «страшной разрушительной силы, неподвластной человеку», лексемой-реципиентом является слово *armagedon*, лексемой-донором – *coronavirus*. Эмерджентное значение контаминанта – “the near-certain, end-of-times condition created either by the actual COVID-19 virus or the massive social, financial and political devastation generated on the back of global hysteria” [2] «почти неизбежное состояние конца света, созданное либо фактическим вирусом COVID-19, либо массовым социальным, финансовым и политическим опустошением, вызванным глобальной истерией». В данном примере, как и во многих других контаминантах, происходит перекатегоризация понятия, в результате которой контаминант осуществляет функцию наречения новой концептуальной структуры, или кванта знания о новых условиях жизни, обусловленных внезапно возникшим и стремительно распространяющимся вирусом.

Таким образом, семантика контаминированного неологизма представляет собой интеграцию значений входящих в него компонентов и отношений между ними и характеризуется недетерминизмом и некомпозициональностью [1].

Следовательно, контаминация в дискурсе пандемии COVID-19 представляет собой особую систему, фиксирующую новые структуры знания, эксплицирующую интегрированные структуры посредством их облечения в одну из наиболее оптимальных языковых форм – контаминированную лексему, представляющую собой единицу хранения, извлечения и систематизации нового знания. Широкое употребление неологизмов в дискурсивном пространстве пандемии COVID-19 объясняется целью объективации этого знания, поэтому одним из перспективных направлений в изучении данной группы лексики представляется изучение прагматического потенциала неологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврова Н. А. Контаминация в современном английском языке: структура, семантика, прагматика // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8. С. 88–93.
2. Merriam-Webster Dictionary: A Guide to Coronavirus-Related Words URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/coronavirus-words-guide> (дата обращения: 15.05.2021).

Т. Н. Федуленкова, д. филол. наук,
Владимирский государственный университет, Владимир, Россия
email: fedulenkova@list.ru

С. А. Волкова, студент,
Владимирский государственный университет, Владимир, Россия
email: sv.sofi12@gmail.com

T. N. Fedulenkova, Doctor of Sc. (Philology)
Vladimir State University, Vladimir, Russia
email: fedulenkova@list.ru

S. V. Volkova, Student,
Vladimir State University, Vladimir, Russia
email: sv.sofi12@gmail.com

БАНКОВСКАЯ ТЕРМИНО-ФРАЗЕОЛОГИЯ: ХАРАКТЕР ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ

Работа посвящена выявлению объема банковской терминологии фразеологического свойства и определения соотношения терминов-фразеологизмов с полным и частичным переосмыслением компонентного состава в избранном терминологическом словаре.

Ключевые слова: банковская терминология; фразеологическая единица; компонент; полное переосмысление; частичное переосмысление.

BANKING TERMINOLOGY-PHRASEOLOGY: THE CHARACTER OF SEMANTIC TRANSFER IN COMPONENTS

The work is devoted to identifying the volume of banking terminology of phraseological properties and determining the ratio of phraseological terms with full and partial semantic transfer of the component composition in the selected dictionary of finance and banking.

Key words: banking terminology; phraseological unit; component; full semantic transfer; partial semantic transfer.

В период лингвистического постмодернизма [1, с. 10], идущего в тан-
деме с бурным развитием мировой экономики и деловых отношений,
изучение деловой фразеологии представляется как никогда востребованным
как в теоретическом плане, так и в практическом [2, р. 102], что определяет
актуальность данной работы. Прагматическая востребованность банковской
терминологии фразеологического свойства стимулирует внимание линг-
вистов к научным штудиям в области терминофразеологии [3, с. 50; 4, с. 5].

Цель нашей работы – исследование терминологии фразеологического
свойства, представленной в словаре *A Dictionary of Finance and Banking* [5] на
предмет выявления терминов-фразеологизмов с полным переосмыслением
и терминов-фразеологизмов с частичным переосмыслением компонентного
состава и определения их соотношения. В основу семантического анализа
положены труды А. В. Кунина и предложенные им методы фразеологической

идентификации и фразеологического описания [6, с. 38–45]. В работе используются такие макропарадигмальные методы и методики лингвистики, как трансформационный анализ и компонентный анализ [7, с. 424–436], а также методики анализа дефиниций и тезаурусный подход к изучению современной деловой терминологии фразеологического характера [8, с. 28–29].

В результате семантического исследования терминологического материала названного словаря – компонентного анализа и сопоставления значения компонентов с целостным значением ФЕ-термина, данным в дефиниции – выясняем, что третья часть терминов-фразеологизмов характеризуется полным переосмыслением компонентного состава: *back door* – «one of the methods by which the Bank of England injects cash into the money market» [5, с. 30]; *basket pegger* – «a country that fixes its exchange rate by averaging a basket of currencies» [5, с. 41]; *red clause* – «an amendment to a letter of credit granting full payment to the exporter, often before the goods being bought have been delivered» [5, с. 369].

Термины-фразеологизмы с частичным переосмыслением компонентного состава объединяют две трети объема языковых единиц изучаемого делового словаря. В структуре таких ФЕ-терминов хотя бы один компонент употребляется в своем первоначальном значении, о чем свидетельствует соответствующая словарная дефиниция, ср.: *balloon loans* – «*loans*, in those in which repayments are not made in a regular manner, but are made, as funds become available» [5, с. 33]; *smart money* – «*money* invested by experienced and successful people, especially those with inside information about a particular project or investment opportunity» [5, с. 410]; «*sleeping partner* – «a person who has capital in a partnership but takes no part in its commercial activities» [5, с. 409]; *tiger markets* – «the colloquial name for the four most important markets in the Pacific Basin after Japan» [5, с. 439]; *umbrella fund* – «an offshore fund consisting of a fund of funds that invests in other offshore funds»; [5, с. 450].

Вывод: с терминов с полным и частичным переосмыслением составляет 29 % : 71 % объема терминологии изучаемого словаря.

Продолжение исследования планируется в русле выявления активных моделей банковских терминов-фразеологизмов в деловом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. 152 с.
2. Naciscione A. Translation of Terminology: Why Kill the Metaphor? // Proceedings of the 3rd Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation. Riga : U-ty of Latvia, 2003. P. 102–115.
3. Куприна Т. В. От терминологического взрыва до лингвокультурной адаптации // Фразеология и терминология: Грани пересечения : монография / Поморский ун-т. Архангельск : 2009. С. 50–74.
4. Федуленикова Т. Н., Спицына Н. Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2020. № 1. С. 5–13.

5. A Dictionary of Finance and Banking / Ed. J. Smullen. Oxford : OUP, 2008. 370 p.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : ВШ, Дубна : Феникс, 1996. 381 с.
7. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М. : Флинта, Наука, 2018. 820 с.
8. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М. : ВШ, 1991. 140 с.

УДК 811.111'374:004(045)

И. Г. Цеханович, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: tsekhanovichirina82@mail.ru

I. G. Tsekhanovich, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: tsekhanovichirina82@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЛОВАРЕ URBAN DICTIONARY (НА ПРИМЕРЕ ЗООНИМА *DOG*)

В докладе рассматривается вопрос вариативности описания лексического значения зоонима *dog* в интерактивном онлайн-словаре URBAN DICTIONARY, которая проявляется в количестве слов, используемых для толкования, разнообразных стратегиях дефинирования, специфике классифицирующих компонентов и дифференциальных признаков.

Ключевые слова: вариативность; интерактивный онлайн-словарь; стратегии дефинирования; классифицирующий компонент; дифференциальные признаки.

VARIABILITY OF THE DESCRIPTION OF LEXICAL MEANING IN URBAN DICTIONARY (ON THE EXAMPLE OF ZOONYM *DOG*)

The paper deals with the question of variability of the description of lexical meaning of zoonym *dog* in the interactive online URBAN DICTIONARY. The variability manifests itself in the quantity of words, used in definitions, in different strategies of defining, in specificity of classifying components and differential features.

Key words: variability; interactive online dictionary; strategies of word defining; classifying component; differential features.

Самой сложной и важной задачей при создании толковых словарей является, как известно, описание значения лексических единиц (ЛЕ), успешность которого во многом определяется выбором из всего многообразия сведений о денотате именно тех квантов информации, которые были бы достаточными для безошибочного распознавания значения ЛЕ и сличения её с предметом номинации. Однако выбор информации о денотате авторами словарей может не совпадать, следствием чего становится вариативность лексикографических дескрипций, отношение к которой в научных кругах неоднозначно. С одной стороны, стремление к унификации словарных тол-

кований приводит к критике данного феномена; с другой стороны, – неодинаковость лексикографических описаний одной и той же ЛЕ может быть следствием «динамичной природы лексического значения», необходимость изучения которой неоспорима (З. А. Харитончик, В. В. Тур).

В центре нашего внимания – вариативность и аспекты её проявления при описании лексического значения в URBAN DICTIONARY – интерактивном онлайн-словаре (краудсорсинговом по своей природе) англоязычного сегмента Интернета, который занял существенную нишу в современной лексикографии и является самым большим и популярным среди себе подобным. Материалом послужили 126 из 475 имеющихся в словаре лексикографических описаний к зоониму *dog*, в которых репрезентируется один и тот же лексико-семантический вариант значения. Вне поля нашего интереса в данном случае остались описания с т.н. нулевой семантикой (напр., *dog – I hate it*) и другие лексико-семантические варианты значения данного слова.

Первое, что обращает на себя внимание, – разное количество слов (от 1 до 115), входящих в толкования. Данное обстоятельство объясняется отсутствием ограничений, накладываемых на объём описаний, а также практически полное отсутствие их рецензирования, что позволяет авторам словарных статей в свободной форме фиксировать свои мысли по поводу значения лексических единиц. Вместе с тем, в этом, на первый взгляд, хаосе, можно выявить тенденции в описании значения. **Во-вторых**, наблюдаются определенные предпочтения в выборе стратегий дефинирования, которые являются свойственными и для традиционных толковых словарей. Наиболее частотными оказались логическая (28 %): *a canine animal with big teeth and wagging tail*; и смешанная (39 %, использование нескольких стратегий в одном толковании) стратегии. Также авторы словарных статей прибегают к использованию таких традиционных способов толкования, как описательный, когда перечисляются характеристики денотата, без соотнесения его с определенным классом (9 %): *What is a Dog? Dogs lie around all day, sprawled on the most comfortable piece of furniture in the house. [...]*; синонимический (6 %): *pet*; энциклопедический, когда указываются научные сведения о денотате (4 %): *A domestic member of the canine family, the classic family pet. [...]* *An omnivorous animal coming in a variety of shapes, sizes and colors. Mainly eats meat but also eats certain vegetables and fruits. Other terms include bitch a female term only and puppy a baby dog*; отрицательный: *not a cat* (4 %). Вместе с тем, выявлены ономатопозитическая (раскрытие значения осуществляется путем графической передачи характерных звуков, порождаемых данным животным; напр., *woof woof! bark bark!*), ассоциативная (основана на установлении автором словарной статьи субъективных (возможно, спонтанных) связей между ЛЕ и её денотатом; напр., *A noise at one end and a smell at the other*) стратегии, которые **не встречаются** в традиционных толковых словарях.

В-третьих, при выборе классифицирующего компонента в толкованиях логического и смешанного типа, где одной из стратегий является логическая, авторы в большинстве своём используют гиперонимы (*animal, beast, mammal,*

pet, carnivore, canid, species, thing, object). Вместе с тем, выявлены классифицирующие компоненты, несвойственные традиционной лексикографии: *puppy, companion, friend, bitch*. **В-четвёртых**, при выборе дифференциальных характеристик денотата авторы словарных статей следуют определенным магистральным линиям: а) демонстрируют обыденные знания о денотате, сообщая сведения о чертах его характера, среди которых наиболее частотной оказалась преданность (*loyal*), о физических и интеллектуальных способностях (*easy to train, smart, intelligent*), о выполняемых функциях в свете жизнедеятельности человека, причем самой распространенной является функция оказания психологической поддержки в трудных жизненных ситуациях (*help us through hard times, the one you cry on when you're sad*), в отличие от традиционных словарей, где основными функциями указываются *hunt* и *guard*; об особенностях питания (*Mainly eats meat but also eats certain vegetables and fruits*), б) используют научные знания о денотате, информируя читателя о происхождении данного вида (*comes from the wolf, bred-down version of the modern wolf*), принадлежности к определенному биологическому виду (*carnivorous animal of genus Canis*), особенностях строения и внешнего вида (чаще всего – *furry*); в) выбирают салиентный признак денотата для раскрытия значения (*an animal that barks*).

Таким образом, вариативность является сущностной чертой UD и проявляется как на формальном (разное количество слов в дескрипциях), так и на содержательном уровне (разнообразие стратегий дефинирования, выбор классифицирующего компонента, дифференциальных признаков денотата), демонстрируя, вместе с тем, определенные тенденции семантизации, которые частично совпадают с традиционной лексикографией.

УДК 811'271.14'243'42:001

О. Н. Чалова, к. филол. н.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,

Гомель, Беларусь

e-mail: oksana-chalova@mail.ru

O. N. Chalova, Cand. Sc. (Philology)

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

e-mail: oksana-chalova@mail.ru

ПРАГМАТИКА СИНТАКСИСА ДИСКУРСА COVID-19 (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-СТАТЕЙ)

Выделяются основные тематические разновидности дискурса Covid-19. Определяется прагматический потенциал синтаксических конструкций, использованных в них.

Ключевые слова: интернет-дискурс; новостной дискурс; прагматика; синтаксис; эффективная коммуникация.

PRAGMATICS OF THE SYNTAX OF THE COVID-19 DISCOURSE (BASED ON NEWS INTERNET-ARTICLES)

The basic thematic types of the Covid-19 discourse have been established. The pragmatic potential of syntactic constructions found in these types has been presented.

Key words: internet-discourse; news discourse; pragmatics; syntax; efficient communication.

В настоящее время практически все сферы и типы общения (как институционального, так и бытового) пронизаны коронавирусной тематикой. При этом приоритет в освещении вопросов, связанных с коронавирусной инфекцией, принадлежит средствам массовой информации (СМИ), в частности новостным интернет-ресурсам. Именно в новостном дискурсе наиболее ярко и интересно представлены особенности коронавирусной коммуникации.

По нашим наблюдениям, особое место в языковой ткани новостного дискурса Covid-19 занимают синтаксические средства. Они призваны реализовывать различные прагматические задачи, а их выбор обусловлен характером новостной статьи. На наш взгляд, в сегодняшних новостных лентах представлены три вида дискурса коронавирусной тематики, каждый из которых имеет определенный набор синтаксических маркеров: статистический дискурс, селебрити-дискурс и социально-ориентированный дискурс.

Статистические публикации содержат цифровые данные о заразившихся и другую подобную информацию. Такие тексты отличаются довольно простым синтаксисом: относительно короткими, в меру распространенными предложениями, однотипными тема-рематическими цепочками, наличием прямой речи и проч.: *«За последние сутки в России выявлено 9977 новых случаев коронавируса в 84 регионах. Из них 15 % не имели клинических проявлений болезни», говорится в сообщении.* В данном случае упрощенный синтаксис, способствующий ритмизации и четкому структурированию текста, стоит рассматривать в качестве экспрессивного и воздействующего приема, что свидетельствует об определенной прагматической направленности статистической новостной статьи – максимально оперативно и доступно донести информацию до читателя, устранить возможность коммуникативной неудачи при истолковании текста адресатом. Что же касается прямой цитации, то и она выполняет фактуализирующую функцию, а также аргументативную.

Селебрити-дискурс включает сообщения об ухудшении или улучшении состояния здоровья знаменитостей в связи с коронавирусной инфекцией. Такие сообщения как правило принимают форму нарратива, в котором простые предложения (зачастую с прямым порядком слов и усложненные причастными или деепричастными оборотами) чередуются со сложными. Несмотря на большее синтаксическое разнообразие селебрити-дискурса, предложения в таком нарративе по-прежнему характеризуются относительно небольшим объемом, что придает повествованию напряженный и сдержанный характер, в чем и проявляется прагматика подобных публикаций

(Артистка почувствовала себя плохо после первого апреля, ей вызвали скорую помощь, сообщает StarHit. На ее странице в Instagram последний пост опубликован пару дней назад. В нем артистка отметила, что начала читать классику, поскольку появилось свободное время).

Синтаксическую организацию **социально-ориентированного дискурса**, который нацелен на то, чтобы задать определенный вектор общественному мнению, на побуждение читателя к совершению конкретных действий (ношению защитных масок, социальному дистанцированию и изоляции, вакцинации и т. д.), сложно назвать устойчивой, поскольку для реализации своей рекомендательной функции социально-ориентированный дискурс использует разнообразные языковые средства и не замыкается в определенных конструкциях. Однако в данном формате Covid-дискурса все же легко обнаружить некоторые общие тенденции, в частности тенденцию к еще большему усложнению структуры предложения: *Самым эффективным способом защиты от инфекций является вакцинация, и в городе созданы все условия для того, чтобы горожане смогли пройти ее быстро и комфортно, напомнили в пресс-службе.* Цитация в данном случае призванная выполнять по большей части персуазивную роль.

Конечно, тематика дискурса Covid-19 не ограничивается перечисленными выше направлениями. Так, в поле рассматриваемого типа коммуникации целесообразно выделять и другие ее тематические разновидности (новостные статьи об истории происхождения/изучения вируса SARS-CoV-2, его эволюции и перспективах лечения заболевания Covid-19). В свете устойчивого интереса лингвистики к новым видам и подвидам общения, к проблеме эффективной и привлекательной подачи информации, а также к персуазивной коммуникации и формам диалогичности вопрос изучения лингвопрагматических характеристик дискурса Covid-19 во всех его разновидностях и форматах приобретает несомненную значимость и актуальность.

УДК 811.112.2'42

И. В. Чеботарская, преподаватель
Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь
e-mail: ichebotarskaya@mail.ru

I. Chabatarskaya, Lecturer
Polotsk State University, Polotsk, Belarus
e-mail: ichebotarskaya@mail.ru

ДИНАМИКА ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НОМИНАЦИЙ В НЕМЕЦКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

В докладе освещаются вопросы динамики частотности употребления лексем под влиянием исторических и социальных изменений.

Ключевые слова: динамика; семантика; синонимический ряд; доминанта; воздействие.

FREQUENCY DYNAMICS OF THE USE OF NOMINATIONS IN GERMAN MEDIA TEXTS

The text deals with the questions of frequency dynamics of the use of nominations under the influence of historical and social changes.

Key words: dynamics; semantics; synonymic row; dominant; influence.

Несмотря на многочисленные психолингвистические исследования, природа и механизмы категоризации окружающего мира остаются до конца не раскрытыми. Часть информации о событии поступает от органов чувств: одни признаки и информация обеспечивают стабильность концепта, а другие признаки являются периферийными. По мнению Л. Н. Мурзина, концепт обусловлен исторически и культурно. Категоризация окружающего мира в значительной мере зависит от национальной ментальности индивида.

Языковое выражение и восприятие событий базируются на центральных признаках концепта. Однако изменение обстоятельств социокультурной ситуации может повлиять на выбор номинации для какого-либо объекта (явления). Мы проследили динамику частотности употребления номинаций беженцев в немецких медиатекстах (с 2015 г.) с помощью частотного подхода.

Тема наплыва беженцев в Германию вызвала жаркие споры в обществе, но с течением времени, особенно в период пандемии коронавируса, эта тема уступает место другим в потоке информации (хотя явление нелегальной миграции остается актуальным и в настоящий момент). Чтобы проследить изменения в частоте употребления лексем, мы воспользовались статистическими данными корпуса *DWDS-Zeitungskorpus*. Начальным материалом для исследования послужили газетные тексты 2015 г., из которых были отобраны номинации, вербализующие действия немцев в отношении беженцев. Данные лексемы составили синонимические ряды, в которые входит небольшое число элементов. Например: *hereinlassen* ‘впустить’, *einwandern lassen* ‘позволить иммигрировать’, *einreisen lassen* ‘позволить въехать’, *Grenzen öffnen* ‘открыть границы’. Глагольные элементы данного ряда обозначают активные, волевые действия немецкой принимающей стороны. Центром (доминантой) синонимического ряда принято называть наиболее частотное слово [1]. На протяжении указанного периода времени (2015–2021 гг.), центральным элементом в ряду остается сочетание *Grenzen öffnen* ‘открыть границы’: открытие границ в национальном самосознании немцев изначально имеет положительное значение, в частности, после ратификации шенгенской зоны. Частота ее встречаемости в текстах сначала увеличилась,

а затем осталась на прежнем уровне (колебания от минимальной 0,35 в 2015 г. до 0,49 в 2021 г.). Сочетания с глаголом *lassen* ‘позволять, разрешать’ имплицитно добровольное согласие немцев на пересечение границы беженцами: менее частотным является сочетание *einwandern lassen* ‘позволить иммигрировать’ в сравнении с *einreisen lassen* ‘позволить въехать’. Объяснение этому заложено в лексической семантике: путешествие, в отличие от иммиграции, предполагает возможность возврата на родину. Лексема *hereinlassen* ‘впускать’ относится к числу разговорных, что позволяет сделать текст более живым, доступным и убедительным. Становится очевидным, что тема снятия границ *Grenzen öffnen* расценивается журналистами как наиболее эффективная для ретуширования возможных негативных последствий массовой нелегальной миграции, поскольку в период после локдауна оно чаще несет в себе положительную окраску благодаря смене бенефактива (*für Urlauber Grenzen öffnen* ‘открыть границы для отпускников’).

Второй семантический ряд составляют следующие лексемы: *Zuflucht (den Flüchtlingen) gewähren* ‘предоставлять (беженцам) убежище’, *(Flüchtlinge) aufnehmen* ‘принять (беженцев)’, *(Flüchtlinge) beheimaten* ‘принять (беженцев) на родине’. Элементы данного ряда объединяются общим значением ‘предоставление’. Глагол *aufnehmen* ‘принимать’ является доминантой. За указанный период его частотность снизилась более чем в два раза (от максимальной 4,8 до 2,2). Частотность других номинаций сократилась в три-четыре раза. Можно заключить, что доминанта ряда *aufnehmen* ‘принимать у себя’ стилистически более нейтральна и менее конкретно указывает на помощь, которую необходимо оказать нуждающимся, что не вызывает отторжения у читателя.

Таким образом, на приведенных примерах можно проследить профилирование стратегий воздействия на читателя путем подбора соответствующей лексемы из нескольких возможных с целью формирования положительных стереотипов на тему беженства. Креативность журналистов сводима к определенным образцам. Центральные элементы в синонимичных рядах в своем большинстве характеризуются многозначностью и широкой сочетаемостью по сравнению с периферией. Для получения детальной картины о причинах распределения центра и периферии необходимо рассмотреть частотность употребления других сочетаний в широком диахроническом ракурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В. Д. Возможные механизмы изменения когнитивной структуры синонимических рядов. // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика / сост.: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 477–487.

*Н. Ю. Чечина, старший преподаватель
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: nataliachechina@yandex.ru*

*N. Y. Chechina, Senior Lecturer,
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: nataliachechina@yandex.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ КНР

В работе рассматривается семантический потенциал экономической терминологии, которая функционирует в СМИ КНР. Широкое употребление терминов является одной из особенностей языка СМИ. В текстах публицистического стиля термины могут употребляться в прямом и переносном (метафорическом) значении.

Ключевые слова: китайский язык; СМИ; экономическая терминология; детерминологизация.

SEMANTIC POTENTIAL OF ECONOMIC TERMS IN CHINESE MEDIA DISCOURSE

The paper is devoted to the semantic potential of economic terminology in the Chinese mass media. The widespread use of terms is one of the features of media language. In the texts of the journalistic style, the terms can be used in a direct and metaphorical meaning.

Key words: the Chinese language; mass media; economic terminology; determinologization.

Язык – строго структурированная система, которая состоит из многих подсистем, одним из которых является язык СМИ.

Деловые СМИ призваны информировать аудиторию о событиях в экономической жизни страны, освещать актуальные вопросы экономики, бизнеса, промышленности, формировать целостную картину делового мира.

Специфика публицистического стиля, направленность на широкий круг реципиентов, своеобразие языка СМИ, разнообразие тем, которые освещаются в материалах масс-медиа, разновидности жанров обуславливают широкое употребление терминов.

В прямом значении термины используются в основном в текстах информационных жанров (хроники, отчеты, интервью, обозрение, репортаж, заметка), в метафорическом значении – в аналитических и художественно-публицистических жанрах.

Приведем примеры употребления экономических терминов в СМИ КНР в прямом значении.

据美国彼得森国际经济研究所测算，到2030年，RCEP有望带动成员国出口净增加5190亿美元，国民收入净增加1860亿美元。*Jù Měiguó Bǐdésēn guójì jīngjì yánjiūsuǒ cèsuàn, dào 2030 nián, RCEP yǒuwàng dàidòng chéngyuán guó chūkǒu jìng zēngjiā 5190 yì měiyuán, guómín shōurù jìng zēngjiā 1860 yì měiyuán.* ‘По оценкам Института мировой экономики Петерсона (США) к 2030 г. ВРЭП будет способствовать **чистому приросту экспорта** стран-участниц на 519 млрд. долларов, а **чистый прирост национального дохода** составит 186 млрд. долларов.’

В переносно-метафорическом значении терминологическая лексика употребляется во всех жанрах газеты. Употребление терминов в переносно-метафорическом значении – одна из особенностей публицистической метафоризации терминологической лексики, которая приводит к ее детерминализации.

Приведем примеры.

鉴于中国强劲的经济基本面，人民币缓慢**升值**应当适合中国，因为这可以约束通胀，好让当局能够维持低利率来支持经济复苏。*Jiànyú Zhōngguó qiángjìng de jīngjì jīběn miàn, rénminbì huǎnmàn shēngzhí yīngdāng shìhé Zhōngguó, yīnwèi zhè kěyǐ yuēshù tōngzhàng, hǎo ràng dāngjú nénggòu wéichí dī lǐlù láizhīchí jīngjì fùsū.* ‘Принимая во внимание прочную основу китайской экономики, медленное **повышение курса** юаня соответствует интересам Китая, поскольку это позволит сдержать инфляцию. Таким образом, власти смогут сохранить низкие процентные ставки для восстановления экономики.’

平台经济从业者，技能如何“**升值**”？*Píngtái jīngjì cóngyè zhě, jìnéng rúhé “shēngzhí”?* ‘Работники платформенной экономики: как **повысить** их квалификацию?’

В примере 1 лексическая единица **升值** *shēngzhí* употребляется в своем прямом терминологическом значении – «ревальвация, повышение курса национальной валюты по отношению к валютам других стран». В примере 2 данное слово употреблено в переносном значении – повышение квалификации, профессиональных навыков работников. Термин взят в кавычки для привлечения внимания читателя к метафорическому образу, созданному детерминализованной терминологической единицей.

Термины в прямом значении выполняют функцию передачи информации. Они призваны информировать читателей о наиболее актуальных событиях окружающей действительности, служат свидетельством достоверности передаваемой информации.

Термины в переносном значении в основном выполняют функцию воздействия. Метафоризация терминов широко используется как источник экспрессии в газетном тексте.

Чэнь Тин, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: chenting5366@163.com

Л. М. Леицёва, д. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: lescheva09@gmail.com

Chen Ting, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: chenting5366@163.com

L. M. Liashchova, Doctor of Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: lescheva09@gmail.com

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КОРРЕЛЯТИВНЫХ АНГЛИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Анализируются дефиниции главных значений английских и китайских субстантивных коррелятов в толковых словарях с целью установления особенностей их лексикографического представления.

Ключевые слова: имена существительные; главные лексические значения; англо-китайские корреляты; толковые словари.

LEXICAL MEANING PRESENTATION OF ENGLISH AND CHINESE CORRELATIVE NOUNS IN EXPLANATORY DICTIONARIES

Definitions of major lexical meanings of English and Chinese nominal correlatives in explanatory dictionaries are analyzed in order to reveal peculiarities of their lexicographic presentation.

Key words: nouns; major lexical meaning; English-Chinese correlatives; lexicographic representation.

Анализ словарных дефиниций главных лексических значений (лексико-семантических вариантов, ЛСВ) коррелятивных существительных английского и китайского языков обнаружил как общие, так и отличительные их характеристики, которые обусловлены семантической организацией самих ЛСВ, а также существующими подходами к их лексикографической презентации.

Толковые словари обоих языков, имеющих давние и уникальные традиции, уделяют особое внимание описанию понятийного компонента лексического значения слова, что является свидетельством его центральности в структуре лексического значения. Содержание структурно-лингвистического компонента и, особенно, лингвокультурного компонента ЛЗ исследуемых существительных в словарях обоих языках представлено частично.

При описании *формальной* составляющей **понятийного компонента** английского слова толковые словари используют прием минимальных различительных признаков, разработанный структурной лингвистикой, что делает дефиницию эффективной и максимально лаконичной, направленной на узнавание описываемого объекта.

В дефиниции же китайского слова содержится гораздо больше экстралингвистической, бытовой и научной, информации, которая помогает не только активизировать нужный концепт, но и сконструировать его с учетом *формальных, телических, конститутивных* и, реже, *агентивных* признаков его квалиа-структуры. При этом шире, чем в английских дефинициях, используется перцептивная информация об описываемом объекте (форма, размер, цвет, запах, тактильные признаки), функциональные и прагматические характеристики, устройство, а также, в некоторых случаях, источник его активации.

Примерами различного описания формальной составляющей понятийного компонента могут служить дефиниции коррелятивных существительных в английском и китайском языках *dog* и *狗 gǒu* со значением ‘собака’:

dog (англ.) ‘a common animal with four legs, fur, and a tail. Dogs are kept as pets or trained to guard places, find drugs, etc’. [1] – *досл.*: ‘распространённое животное с четырьмя ногами, шерстью и хвостом. Собак содержат в качестве домашних питомцев или обучают охранять места, находить наркотики и т. д.’;

狗 gǒu (кит.) ‘哺乳动物，种类很多，嗅觉和听觉都很灵敏，舌长而薄，可散热，毛有黄、白、黑等颜色。是人类最早驯化的家畜，有的可以训练成警犬，有的用来帮助打猎、牧羊等’ [2] – *досл.*: ‘млекопитающее, есть много видов; у них чувствительное обоняние и слух, язык длинный и тонкий, рассеивает тепло; шерсть бывает жёлтого, белого, чёрного и др. цветов; самое раннее домашнее животное, одомашненное человеком; некоторые из них могут быть обучены как полицейские собаки, некоторые используются для помощи при охоте, выпасе овец и др.’.

Кроме того, китайские толковые словари в дефинициях в меньшей мере, чем английские, уделяют внимание описанию *конститутивной* составляющей понятийного компонента ЛЗ (среди 28 исследованных нами англо-китайских коррелятов, она выражена в 19, или 68 %, исследуемых английских слов и 3, или 11 %, китайских слов) и его *телической* составляющей (в 18, или 64 %, исследуемых английских слов и 11, или 40 %, китайских).

Таким образом, наряду с общими признаками, главные лексические значения коррелятивных английского и китайского языков в их лексикографическом представлении обнаруживают отличительные черты. Описание понятийного компонента лексического значения англо-китайских коррелятивов различается характером презентации его формальной составляющей (стремление к ограничению в его описании минимальным количеством значимых различительных признаков в английских словах и отсутствие

подобного ограничения – в китайских), а также конститутивной и телической составляющих (в дефинициях китайских слов они встречаются реже, чем в дефинициях английских).

ЛИТЕРАТУРА

1. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners : 6th ed. London : Pearson Education, 2014. 2224 p.
2. 现代汉语词典 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 – 北京.: 商务印书馆 2005. – 1868页.
(Словарь современного китайского языка / Отдел редактирования словаря НИИ лингвистики китайской академии социальных наук. Пекин : бизнес издательство, 2005. 1868 с.)

УДК 811.111

*Д. Ю. Шидловская, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: shidlovskaya.diana@gmail.com*

*D. U. Shidlovskaya, Postgraduate Student
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e-mail: shidlovskaya.diana@gmail.com*

СЕМАНТИКА ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ

Рассматриваются семантические особенности английских фразеологических единиц со стержневым компонентом глаголом движения, репрезентирующих отрицательные эмоции человека.

Ключевые слова: семантика; фразеологическая единица; глагол движения; эмоционально-волевая сфера.

SEMANTICS OF MOTION IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS

The research focuses on the semantic features of English phraseological units with a verb of motion as a core element, which express human negative emotions.

Key words: semantics; phraseological unit; verb of motion; emotional sphere.

Изучение способов и особенностей концептуализации наиболее культурно значимых сфер жизни человека является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Фразеологические единицы обладают высоким «культурноносным потенциалом» и позволяют наиболее четко проследить формирование представлений людей об окружающем мире и самих себе на различных временных срезах.

В данной работе представлены наблюдения над семантикой ФЕ, вербализующих отрицательные эмоции человека. Цель работы – выявить

специфику образной репрезентации раздражения и гнева, грусти и страха на материале английских ФЕ, стержневым компонентом которых являются глаголы лексико-семантической группы движения.

В исследовании применялся семантический, компонентный анализ, интерпретационный метод.

Анализ ассоциативных связей между образной составляющей рассматриваемых ФЕ и их значением дал следующие результаты:

1. Группа ФЕ, номинирующих эмоции раздражения и гнева, является самой многочисленной. Анализ показал, что индуцированное состояние раздражения описывается при помощи метафоры каузативного движения: *drive someone nuts / crazy / bonkers* 'сводить с ума', *drive someone to distraction* 'довести до безумия'. Злость и гнев концептуализируются посредством метафоры «движение – изменение»: *go ballistic, go nuclear* (букв. 'становиться баллистическим / ядерным') и др.; метафоры быстрого движения внутрь пространственного локуса: *fly into rage* (букв. 'влететь в ярость'); метафоры движения с ориентиром вверх / вверх и через препятствие *go through the roof, go through the ceiling* (букв. 'пройти через крышу / потолок'); зооморфной метафоры: *make someone's hackles rise* (букв. 'заставлять шерсть вставать дыбом').

2. В основе ФЕ, выражающих эмоцию грусти или печали, лежат различные виды метафор: зооморфная метафора: *reach the end of one's tether* (букв. 'достичь конца привязи') 'достигнуть предела'; метафора каузативного движения: *drive someone to the brink* (букв. 'довести до края'), движения с ориентиром вниз: *someone's heart sinks* (букв. 'сердце тонет'), *sink into depression* (букв. 'опуститься в депрессию'), кругового движения: *drive someone round the bend* (букв. 'отвезти за поворот'). Кроме этого, понятие грусти также метафорически осмысливается через образ пространственной границы, предела чего-либо: *drive someone to the brink* (букв. 'довести до края'), *reach the end of the tether*.

3. ФЕ, вербализующие эмоциональное состояние страха, основаны на метонимическом переносе «экспрессивно-телесные движения вместо эмоций». Так, страх сопровождается дрожью – судорожным движением тела: *shake like a leaf* 'дрожать как осиновый лист', *shake in one's boots* (букв. 'трястись в ботинках') 'поджилки трясутся'; провоцирует реакцию бегства: *be running scared* (букв. 'убегать от испуга'); вызывает чувство ползания мурашек: *make someone's flesh crawl* (букв. 'заставлять плоть ползти') 'мороз по коже'.

Анализ ассоциативных связей между внутренним образом ФЕ и их значением позволил сделать вывод о наличии тесной связи между сферой движения и областью отрицательных эмоций. Исследование показало, что основную роль в концептуализации различных эмоциональных состояний играет метафора направленного движения, протекающего как в вертикальной плоскости, так и горизонтальной. Менее продуктивной является метафора каузативного движения, «движения – изменения», зооморфная метафора. В формировании фразеологических образов также участвует метонимия, хотя

ее «удельный вес» ниже, чем у метафоры. Метонимия позволяет осмыслить эмоции путем апелляции к конкретным телесно-экспрессивным движениям и устанавливает реальные, объективные факторы взаимодействия между двумя рассматриваемыми феноменами действительности.

В дальнейшем предполагается исследование английских ФЕ со стержневым компонентом глаголом движения, выражающих другие виды эмоций, что позволит определить роль движения в конструировании всей эмоционально-волевой сферы человека.

УДК 811.111'23(043.2)

*Е. М. Яркова, старший преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: yel_yar@mail.ru*

*Y. M. Yarkova, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: yel_yar@mail.ru*

О ВЛИЯНИИ МОДЕЛЕЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ L1 НА ПОНИМАНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ L2

Рассматриваются основные подходы к изучению восприятия и понимания словосочетаний L2. Представлен анализ случаев неправильного слухового восприятия и понимания словосочетаний L2 в различных типах дискурса, что повлекло за собой существенное искажение текстовой информации. Предложены способы устранения погрешностей восприятия при помощи нахождения слушающим текстового сегмента, помогающего скорректировать неправильный выбор.

Ключевые слова: восприятие и понимания словосочетаний L2; типы дискурса; текстовая информация; погрешности восприятия; текстовый сегмент.

TOWARDS THE IMPACT OF L1 MENTAL LEXICON WORD COMBINABILITY PATTERNS ON L2 WORD COMBINATIONS COMPREHENSION

The main approaches to the study of L2 word combinability perception and comprehension are reviewed. As L2 word combinations miscomprehension in various discourse types entailed distorted text information, thorough analyses of such cases are presented. Ways to remove comprehension distortions are suggested through the prism of the listener's choice in finding the right speech segment.

Key words: L2 word combinability perception and comprehension; discourse types; text information; comprehension distortions; text segment.

Известно, что корректное восприятие и понимание иноязычного текста во многом зависит от уровня владения L2 и связано с умением строить высказывания согласно правилам словообразования и использования грамматических структур L2.

К сожалению, в настоящее время влияние L1 на образование словосочетаний L2, так же как и психологические механизмы образования слово-

сочетаний L2 недостаточно изучены. Между тем, словосочетания играют немаловажную роль в структурировании ментального лексикона и указывают на существование различий между лексическими сетями носителя языка и билингва. Отмечено, что носители языка образуют словосочетания чаще, чем билингвы на продвинутом этапе изучения L2 (Fitzpatrick, 2006).

В результате ассоциативных экспериментов с учётом времени реакции испытуемых на стимул было выявлено то, что при отсутствии соответствий в L1 словосочетаниям L2 иноязычные испытуемые проявляли индивидуальную вариативность, что объясняется не замедленной реакцией испытуемых, а отсутствием прайминга определённых слов.

В работах по изучению активации (priming), т. е. тенденции активированного слова ускорять распознавание связанного с ним слова, у носителей языка была выявлена преимущественная активация высокочастотных словарных пар *имя прилагательное + имя существительное* и *имя существительное + имя существительное* в сопоставлении с парами несуществующих слов. В настоящее время нельзя с уверенностью утверждать о наличии или отсутствии активации словосочетаний L2. Относительно влияния L1 на образование словосочетаний L2 было выявлено то, что для активации словосочетаний L2, имеющих эквивалентные соответствия в L1, требуется меньше времени, чем для активации не имеющих таких соответствий словосочетаний [1].

Мы проанализировали особенности восприятия устных и письменных англоязычных текстов русскоязычными информантами в различных типах дискурса (экономическом и медийном). В некоторых случаях известные информантам словосочетания L2 и значения их лексических компонентов препятствовали правильной интерпретации контекста.

Например, в прослушанном фрагменте текста о преимуществах торговли ценными бумагами на рынке Forex по сравнению с обычной биржей, информанты не сумели правильно распознать сочетание слов *charge fees* ‘взимать плату’, которое изначально не должно было вызвать трудность восприятия.

At your currency trader's place, there's no fee to close a position, move stocks, set limit orders, set entry orders, etc. In the stock market, most brokers **charge fees** for many of these extra orders. ‘Там [на месте], где торгует ваш трейдер, не взимается плата за то, чтобы закрыть рыночную позицию, переместить акции, установить лимитный ордер, или ордер на открытие позиции и т. д. На биржевом рынке большинство брокеров взимает плату за многие из этих дополнительных операций [ордеров]’.

Вместо *charge fees* ‘взимать плату’ русскоязычные информанты, студенты 5 курса образовательного направления «Внешнеэкономические связи», услышали варианты *start fees*, *search these*, *fetch fees*. Все указанные варианты не искажают ритмическую структуру английской фразы. Вариант *start fees* является бессмысленным с точки зрения сочетаемости его компонентов. Вариант *search these* ‘ищут эти возможности’ мешает восприятию всего высказывания, поскольку при апелляции к смыслу текста становится очевидным то, что биржевым брокерам, наоборот, выгодно взимать плату за финансовые услуги, а не осуществлять их бесплатно. Словосочетание *fetch*

fees было ошибочно составлено носителями русского языка из компонентов двух словосочетаний *charge fees* ‘взимать плату’ и *fetch a price* ‘выручить цену’. Для устранения погрешности был предпринят компонентный анализ данного словосочетания.

Подобные примеры позволяют предположить то, что существует т. н. промежуточный лексикон билингва, который может как способствовать, так и препятствовать корректному распознаванию компонентов высказывания при слуховом восприятии иноязычного текста, часто создавая предпосылки для вариативности лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wolter B., Gyllstad H. Collocational Links in the L2 Mental Lexicon and the Influence of L1 Intralexical Knowledge // *Applied Linguistics*. 2011. Vol. 32, № 4. P.430–449.

УДК 811.111:81'373.72

A. D. Bakina, *Cand. of Sc. (Philology)*

Oryol State University named after I. S. Turgenev, Oryol, Russia
e-mail: heart-anna@yandex.ru

A. D. Skotnikova, *Student*

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia
e-mail: alisa.skotnikova@gmail.com

A. V. Valueva, *Student*

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia
e-mail: valueva.nastya231@mail.ru

А. Д. Бакина, к. филол. н.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия
e-mail: heart-anna@yandex.ru

А. Д. Скотникова, студент

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия
e-mail: alisa.skotnikova@gmail.com

А. В. Валуева, студент

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия
e-mail: valueva.nastya231@mail.ru

FREQUENT TYPES OF VARIABILITY IN PHRASEOLOGY OF BIBLICAL ORIGIN

The aim of the paper is to find out the most frequent types of variability in the sub-system of the phraseological units of biblical origin that function in Modern English.

Key words: phraseological unit; biblical origin; component; substantive variability; verb variability; quantitative variability; syntactical variability.

ЧАСТЫЕ ВИДЫ ВАРИАНТНОСТИ В ФРАЗЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Целью работы является выявление наиболее частых типов вариантности в подсистеме фразеологизмов библейского происхождения, функционирующих в современном английском языке.

Ключевые слова: фразеологизм; библейское происхождение; составная часть; субстантивная вариантность; глагольная вариантность; количественная вариантность; синтаксическая вариантность.

The paper is **targeted** at the study of the Bible [1] with the aim of finding out some types of variants in the phraseological units of biblical origin. The scientific background of our research is Alexander V. Kunin's **phraseological theory** and the **method** of phraseological identification suggested by the linguist [2] as well as the monographs and papers by T. N. Fedulenkova on biblical phraseology [3; 4].

Component analysis leads us to the following **results**, making the four most frequent types of variability explicit:

a) variability of the substantive components:

eat the bread of affliction / eat the bread of humiliation (Deuteronomy 16:3) / eat the bread of sorrows (Psalms 78:2), to rise from the dead / to rise from the grave (John 2:22; Luke 16:31), to go to kingdom-come / to go beyond the veil / to go to glory / to go to heaven (Ecclesiastes 12:5), to build something on a rock (Matthew 7:24) / to build something on the sand (Matthew 7:26);

b) variability of the verb components:

to trample under foot / to tread under foot (Isaiah 25:14), to act the fool / to play the fool (I Samuel 26:21), to bear the cross / to carry the cross (Matthew 10:38; 16:24), to cry / declare / proclaim / shout from the house-tops (Luke 12:3), to eat / swallow / take back one's words (Jeremiah 15:16), to pluck / take something by the beard (I Samuel 17:35), to take / lay something to heart (Ecclesiastes 7:2);

c) quantitative variability, i. e. variability that consists in omitting a number of components:

to touch the ark (of the covenant) (2 Samuel 6:6) > to touch the ark, to curse the day (one was born) (Job 3:1–3) > to curse the day, to sell one's birthright for a mess of pottage (Genesis 25:29–34) > to sell one's birthright, to dig a pit for somebody (Ecclesiastes 10:8) > to dig a pit, to break bread with somebody (Acts 20:7) > to break bread;

d) syntactical variability, i. e. variability that consists in the change of the syntactical position and value of the components:

to strengthen somebody's hands / to strengthen the hand of somebody (Samuel 23:16), to stink in somebody's nostrils / to stink in the nostrils of somebody (Amos 4:10), to spring from somebody's loins / to spring from the loins of somebody (Genesis 35:2), to lie at somebody's door / to lie at the door of somebody (Genesis 4:10).

Conclusions: The phraseological analysis serves to find out the four most frequent types of variability in the biblical units, namely: a) substantive variability, b) verb variability, c) quantitative variability, d) syntactical variability.

Research **perspectives** consist in the study of contextual environment of the biblical units under analysis.

REFERENCES

1. The Holy Bible: the Old and New Testament : Authorized King James Version. Iowa : World Bible Publishers. 2001. 582 p.
2. Kunin A. V. A Course in Modern English Phraseology. M. : Flinta, Nauka, 2005. 488 p.
3. Fedulenkova T. Modern Life of Biblical Phraseology and its Variants in English // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). URL: <https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10030/10965/article1003010965pdf100> (date of access: 10.06.2021).
4. Fedulenkova T. On the Instantial Use of Phraseological Units. // European Journal of English Studies. 2015. Vol. 19, № 2. P. 234–242.

УДК 811.111:81'373.72

T. N. Fedulenkova, Doctor of Sc. (Philology),
Vladimir State University, Vladimir, Russia
email: fedulenkova@list.ru

A. V. Ivanova, Student,
Vladimir State University, Vladimir, Russia
email: sv.sofi12@gmail.com

S. A. Volkova, Student,
Vladimir State University, Vladimir, Russia
email: sandralikeis54@gmail.com

Т. Н. Федуленкова, д. филол. наук,
Владимирский государственный университет, Владимир, Россия
email: fedulenkova@list.ru

А. В. Иванова, студент,
Владимирский государственный университет, Владимир, Россия
email: sv.sofi12@gmail.com

С. А. Волкова, студент,
Владимирский государственный университет, Владимир, Россия
email: sandralikeis54@gmail.com

REGULAR STRUCTURAL PATTERNS IN BUSINESS TERMINOLOGY-PHRASEOLOGY

The paper is devoted to the study of 'The New Penguin Business Dictionary' with the view of seeking out regular structural patterns in the sphere of Business English terminology having a transferred meaning, id est, in the sphere of terminological phraseology.

Key words: business terminology; phraseological unit; component; structural patterns; semantic transfer in components.

ОБЫЧНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ В ДЕЛОВОЙ ТЕРМИНОФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена изучению словаря «The New Penguin Business Dictionary» и поиску регулярных структурных моделей в сфере терминологии делового английского языка с переносным значением, т. е. в сфере терминологической фразеологии

Ключевые слова: бизнес-терминология; фразеологизм; составная часть; структурные модели; семантический перенос в компонентах

The paper is **aimed at** seeking out a set of regular structural patterns in business terms of phraseological nature. The **material** of our research is the entries of substantive terms in 'The New Penguin Business Dictionary' [1]. The research is based on A. V. Kunin's phraseological conception and his **method** of phraseological identification [2].

The result of the structural analysis consists in that it finds out the following seven regular patterns in the field of Business English phraseological terminology:

Pattern 1. N + N, embracing 48.9 % of the BE-terms under study: *anchor store* – major retail outlet that serves as a magnet for shoppers [1, p. 10]; *bear market* – a period during which prices in a financial market are going down and a lot of people are selling shares [1, p. 31]; *expansion path* – a graphical depiction of the optimal combination of some item, as the scale of output is expanded [1, p. 128]; *recovery stocks* – shares in companies which have suffered a re-rating downwards and which are now recommended in the hope or expectation that they will recover [1, p. 310];

Pattern 2. Adj + N, embracing 21.8 % of the BE-terms under study: *fiscal policy* – government management of its spending and taxation decisions [1, p. 138]; *global bond* – a fixed-interest security issued simultaneously in the US, Europe and Asia [1, p. 149]; *horizontal integration* – the combination of firms operating in the same industry at the same stage of the production-distribution channel [1, p. 157];

Pattern 3. Prtc2 + N, embracing 8.7 % of the BE-terms under study: *evoked set* – the special group of brands which a consumer actively considers and sees as acceptable options in a given product category [1, p. 125]; *funded debt* – generally, short-term debt that has been converted into long-term debt [1, p. 143]; *weighted average* – an average calculated by assigning weights to each reflect their relative importance [1, p. 385];

Pattern 4. Prtc1 + N, embracing 7.2 % of the BE-terms under study: *accepting house* – an institution specializing in accepting or guaranteeing [1, p. 2]; *clearing bank* – a member of the London bankers' clearing house [1, p. 59]; *floating capital* – capital invested not in fixed assets (e. g. such as buildings) but in work in progress, wages paid [1, p. 139];

Pattern 5. N + N + N, embracing 7.2 % of the BE-terms under study: *equity pair trade* – the adopting of offsetting positions in the equity of a company in different markets where there are small differences in the price of the stock

[1, p. 121]; ***fault tree analysis*** – a particular technique for analyzing production and operational failures [1, p. 134]; ***pyramid investment scheme*** – an investment in which generous returns are paid to one set of investors, financed by the deposits of a later set of investment [1, p. 300];

Pattern 6. Adj + N + N, embracing 5.8 % of the BE-terms under study: ***blue chip issue*** – shares in leading quoted companies that can be easily bought and sold without influencing their price [1, p. 34]; ***foreign exchange market*** – the exchanging currencies through purchase and sale [1, p. 141]; ***final salary scheme*** – an alternative term for an occupational pension scheme in which pension benefits are established not with reference to how much a person has contributed to the scheme, but to his salary on leaving the scheme [1, p. 135];

Pattern 7. Adj + Ger, embracing 5.8 % of the BE-terms under study: ***full listing*** (UK) – the inclusion of a company in the Official List of the London Stock Exchange [1, p. 143]; ***financial accounting*** – the process of operating the profit and loss account and balance sheet for an enterprise, usually on an annual or 6-monthly basis [1, p. 135]; ***hot desking*** – the sharing of office space [1, p. 157].

Conclusions. The most regular structural patterns are as follows:

- 1) N + N, embracing 48.9 % of the BE-terms under study;
- 2) Adj + N, embracing 21.8 % of the BE-terms under study.

Research **perspectives** are seen in the study of semantic value of components and their contribution to the meaning of the term.

REFERENCES

1. Bannock G. The New Penguin Business Dictionary. L. : Penguin, 2002. 394 p.
2. Kunin A. V. Angliyskaya frazeologiya. M. : Vysshaya shkola, 1970. 344 p.

УДК 81'33

*E. L. Jiménez-Navarro, PhD (Philology)
Universidad de Córdoba, Córdoba, Spain
e-mail: lucia.jimenez@uco.es*

*Э. Л. Хименес-Наварро, д. философии (лингв.)
Университет Кордовы, Кордова, Испания
e-mail: lucia.jimenez@uco.es*

THE SEMANTIC POTENTIAL OF LEXICAL BUNDLES IN THE RESEARCH ARTICLE GENRE

The current work presents a hybrid (manual and automatic) study of the meaning of sequences of words frequently repeated in a corpus of research articles.

Key words: corpus; genre; lexical bundle; research article; semantic frame.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

В работе представлены результаты комплексного исследования (выполняемого человеком и компьютером) значения лексических цепочек слов, часто повторяемых в корпусе исследовательских статей.

Ключевые слова: корпус; жанр; лексическая цепочка; исследовательская статья; семантический фрейм

A research article (henceforth RA) is “a written text <...> that reports on some investigation carried out by its author or authors” [1, p. 93]. This type of text is usually written in English and published in high-impact journals for two sound reasons. First, English has become a *lingua franca* [2], therefore, it is used by both native and non-native speakers to interact with others in professional contexts. Second, publication of research findings is of the utmost importance if one purports to reach a wider audience. In order to facilitate the dissemination of knowledge, the language used by scientists must be deeply cared for so that it can become comprehensible to anyone. In this context, the RA genre has attracted discourse analysts’ attention for the last years. More specifically, the phraseology (i. e., combinations of words) included in these papers has sparked the interest of a large number of authors, probably because “each register employs a distinct set of lexical bundles, associated with [its] typical communicative purposes” [3, p. 265].

The purpose of this paper is to contribute to the study of the language of RAs by exploring the semantic potential of 4-element lexical bundles. At this point, it must be remembered that lexical bundles were first identified by Douglas Biber and his colleagues [4; 5] and are defined as “sequences of words that tend to co-occur, irrespective of their idiomaticity” [5, p. 59]. Their analysis has become possible thanks to the advancements that have revolutionized corpus and computational linguistics since the beginning of the twenty-first century. For this reason, my study is based on a specialized corpus and uses computer software. On the one hand, the UCOSCIENCOR corpus was semi-automatically compiled, for the texts included were manually selected and the tagging process was automatically completed by Sketch Engine [6; 7]. On the other hand, Sketch Engine was also the resource used for the automatic extraction of lexical bundles.

Regarding the methodology employed for the semantic analysis of these units, I relied on the theory of Frame Semantics developed by Charles Fillmore [8; 9; 10; 11]. According to this author, words and phrases do not relate to each other, but they belong to frames which provide speakers with the conceptual base to determine the concept that the word or phrase encodes. To put it another way, the conceptual structures underlying the meanings of linguistic entities are produced by semantic frames which contain elements of the kind of situation described, such

as its participants. These frame elements can be classified as core (essential to the meaning of the frame) and non-core (they can be dispensed with). The idea behind this theory is that “people have in memory an inventory of schemata for <...> interpreting experiences” [8, p. 25] and exposure to a specific linguistic form in a given context “evokes” [11, p. 378] a frame in the perceiver’s mind.

The methodological steps followed to achieve my goal were the following: (1) the specialized corpus UCOSCIENCOR was built; (2) 4-element lexical bundles were automatically extracted using the ‘N-grams’ function of Sketch Engine; (3) manual verification to suppress inaccurate multiword units was performed; (4) the classification of the results into semantic frames was determined according to the most prominent word of the lexical bundles (in some cases, the ‘Concordance’ function of Sketch Engine was used to check the combinations in context). Preliminary results show that 18 semantic frames were evoked by the keywords contained in the 160 4-element lexical bundles selected. As an illustration, STATEMENT was the semantic frame activated by a higher number of lexical bundles (23), followed by MEDICAL PROFESSION (15). Further research may target distinct lines. For instance, a study of lexical bundles might be performed in different sections of the RAs separately (e. g., abstract, results, discussion) and a similar research to the one presented here might be conducted in other types of genres, such as law, the environment or tourism.

REFERENCES

1. Swales J. M. Genre analysis. English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
2. Seidlhofer B. English as a lingua franca // *ELT Journal*. 2005. № 59 (4). P. 339–341.
3. Biber D., Barbieri F. Lexical bundles in university spoken and written registers // *English for Specific Purposes*. 2007. № 26 (3). P 263–286.
4. Biber D., Conrad S. Lexical bundles in conversation and academic prose // *Language and Computers*. 1999. № 26. P. 181–190.
5. Biber D. et al. The Longman grammar of spoken and written English / D. Biber, S Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. London : Longman, 1999.
6. Sketch Engine [Software]. Brno : Lexical Computing Limited, 2021.
7. Kilgariff A. The Sketch Engine: Ten years on // *Lexicography*. 2014. № 1 (1). P. 7–36.
8. Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1976. № 280 (1). P 20–32.
9. Fillmore C. J. Frame semantics. In *Linguistic Society of Korea // Linguistics in the morning calm*. Seoul : Hanshin Publishing Company, 1982. P. 111–137.
10. Fillmore C. J. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*. 1985. № 6 (2). P 222–254.
11. Fillmore C. J. Frame semantics. In D. Geeraerts, *Cognitive linguistics: Basic readings*. Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2006. P. 373–400.

*M. P. Taymour, Cand. Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: mariataymour@gmail.com*

*М. П. Таймур, к. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: mariataymour@gmail.com*

THE REALIZATION OF THE LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF A MULTIMODAL METAPHOR

The analysis of the manifestation of creativity in monomodal and multimodal verbal-visual metaphors is carried out on the example of road signs. The cognitive and pragmatic functioning of such metaphors is studied, as well as the phenomenon of cognitive dissonance.

Key words: monomodal metaphor; multimodal metaphor; the cognitive dissonance; linguistic creativity; mini-vocabulary; mini grammar.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Проводится анализ лингвокреативности в мономодальных и мультимодальных вербально-визуальных метафорах на примере дорожных знаков. Изучается когнитивное и прагматическое функционирование подобных метафор, а также феномен когнитивного диссонанса.

Ключевые слова: мономодальная метафора; мультимодальная метафора; когнитивный диссонанс; лингвистическая креативность; мини-лексика; мини-грамматика.

In the modern world, characterized by the acceleration of the pace of life, the rapid development of various forms of communication and, as a consequence, the diversity of the cultural dynamics of society, various symbols and signs are a particularly popular means of communication. This can be explained by the need to convey to the recipient the necessary information in an increasingly concise form. Metaphor can itself be seen as an example of the cognitive mechanism of information compression.

Road signs found in all countries of the world to regulate and streamline the actions of road users are designed to promptly inform them about the situation on a given road section and, accordingly, must be extremely identical, concise and understandable (at least intuitively) at the international level. That is, it can be argued that almost all road signs are certain universal metaphors, either monomodal visual (for example, a red circle with a white horizontal stripe inside in all countries means “no entry”), or multimodal verbal-visual (e. g, a red hexagon with the words STOP means “movement without stopping is prohibited”). The aim of the research is the analysis of meaning formation of such metaphors and the study of factors that can contribute to the success of decoding that meaning. The material of the study was 100 road signs installed on the roads of the Russian

Federation and abroad, selected by the method of continuous sampling in open Internet resources and the visual corpus Google Image. To solve the problems posed in this work, we used the method of linguopragmatic analysis and the method of discourse analysis.

From a cognitive point of view, creativity in road signs can be perceived ambiguously [1]. If such signs are created for the purpose of advertising or as a basis for art objects, then the main goal is to attract attention and make a recipient remember the unusual image. Since the shape and color of the sign encodes quite definite information (for example, a red triangle always means a warning), it is possible to use signs for humorous purposes and even to convince others in the need to take some actions that are not related to behavior on the road (see Fig. 1). In such a case, a certain mental tension or cognitive dissonance [2] can be useful, provoking better assimilation and memorization of ideas by the addressee.

Fig. 1. Creative road signs (Russia)

Sometimes, however, a road sign designed to help a driver of any nationality to quickly assess the situation on the road can be misleading. For example, Fig. 2 depicts falling silhouettes of people, and the linguistic component *Caution Falling People* does not help to quickly understand the situation – either there is a cliff ahead, and a fall is possible, or pedestrians may fall onto the roadway. But in fact, the sign denotes the presence in front of the *Bungee jumping* place.

Fig. 2. Caution falling people (USA)

Thus, as a result of the analysis, one can come to the following conclusions: deliberate or accidental provocation of cognitive dissonance in the recipient in the process of decoding the meaning of road signs is permissible and even desirable when using these signs outside the context of traffic. However, an increase in the level of cognitive dissonance is unacceptable when road signs are used in the context of road traffic, as this can lead to accidents and other undesirable consequences.

REFERENCES

1. Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 386–391.
2. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. USA: Stanford University Press, 1957. 291 p.

УДК 811.512.161'37

G. Tüm, PhD (Philology)
Çukurova University, Adana, Turkey
e-mail: guldentum@gmail.com

Г. Тюм, д. философии (лингв.)
Университет Чукунова, Адана, Турция
e-mail: guldentum@gmail.com

SEMANTIC CLUES IN DIVERSITY OF TURKISH PERSONAL NAMES

The richness of anthroponym offers valuable information about history, psychology, religion and literature as well as customs of the society. Additionally, this wide classification mirrors both semantic and linguistic units, which raise curiosity of researchers.

Key words: Turkish Identification, Onomastics, Antroponomy, Semantics, Turkish language, Turkish Personal Names

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ В РАЗНООБРАЗИИ ТУРЕЦКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Богатство антропонима включает ценную информацию об истории, психологии, религии и литературе, а также обычаях общества. Кроме того, эта широкая классификация отражает как семантические, так и лингвистические единицы, что представляет интерес для исследователей.

Ключевые слова: турецкая идентификация, ономастика, антропонимия, семантика, турецкий язык, турецкие личные имена.

The concept of identity is defined as awareness of people that belong to some groups determining their place in the social and cultural space in the World. Its critical perspective gives the others to understand identity formation within the contexts of history, politics, and discourse. The identification is performed with the help of onomastics, a clue symbol of identity, and it is the focus of several intercultural studies and considered as incompletely explored, yet. It was articulated that modern linguistics, sociolinguistics or pragmatics and discourse analysis have taken less interest in proper names [1] and additionally, social relations, grammaticality, cohesiveness and coherence of them are insufficient [2]. Scholars [3] also underline importance of the pragmatic theory of properhood and its remaining unsolicited in theoretical onomastics regarding mention the syntactic features of proper names. When investigated proper names and surnames of

Turkish people, a wide classification is observed in terms of representing both conceptions (semantic) and language structures (morphology). Conceptual richness includes patriotism, religion, nationality, anatomic parts, atmospheric and natural phenomena, seasons and months, metal and mine names, animals, fruits, flowers and plants, colours, occupations, common names in everyday life, names of addressing in society, abstract names, regions, sounds and greetings [4, p. 665]. If language structures are on focus, there is a range of grammatical patterns including functional words-verbs (present / past tense), adjectives, negativity, gerunds, participles, nouns (simple/compound/derivation), numbers, as well as religion, location, emotion, art, and occupational names. Some examples of classifications based on personal name and surname are observed as names according to their rank in the family like the first and the oldest child, *İlker* ‘the first soldier’ or *Soner* ‘the last soldier’; or inspiration by flowers as *Gül* ‘rose’, fruits *Kiraz* ‘cherry’ vegetables. Turkish names are taken from family elders either alive or passed away, similar names are given to twins (*Demet* ‘bunch’-*Buket* ‘bouquet’) for girls and (*Bülent*-*Levent*) for boys. Then, names are given as compatible factors with sister names (*Nuriye*-*Huriye*) for girls and (*Tevfik*-*Fikret*) for boys. Names are given when mother or other family member is affected by a dream during the pregnancy (*Serap* ‘mirage’). It is also common to give religious names to reveal the family’s respect to Islam; additionally, occurrences such as war, disease, death, floods, good harvests and even inaugurations of kings are reflected by names. As mentioned, Turkish naming diversity could be termed as super diversity since the ones given above are one part of naming in Turkish culture. The aim of this presentation is to attempt to sort out linguistic semantics in Turkish proper names regarding semantic diversity in conceptual and linguistic features. Semantics as an attempt to explicate the knowledge of a language allows individuals to detect hidden richness on facts, feelings, intentions and depth of the culture of other speakers and to understand the inspiration given in the culture itself. All the hints in the names raise curiosity about learning morphological items as well as indication of family background. The study was conveyed using the corpora of Turkish Statistics Institution (TUIK) proper names. The findings reveal that these names reflect a super-diversity ranging from historical, religious to ideological, literary aspects. Turkish as an agglutinative language offers critical language awareness of names and surnames going beyond their isolated word formations.

REFERENCES

1. Luchtenberg S. Proper Names as a Target of language awareness // *Language Awareness*. 2010. № 1 (1), P. 22–31.
2. Sengani T. M. Some historical event-marking names in Tshivenda // *South African Journal of African Languages*. 2018. 38:1. P. 87-97
3. Romanova E. E., Spiridonov D. V. Syntactic features of proper names: the generativist approach(es) Properhood // *Voprosy Anomastiki*. 2018. № 15 (3). P. 7–35.
4. Aykut K. The Influence of Turkish Anthroponymy on the Translation of the Novel «100» By Başar Akşan // *Mavi Atlas*. 2017. C. 5, S.2. P. 663–677.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

<i>Богданова С. Ю.</i> Английские неологизмы-прагматонимы XXI века	3
<i>Борисова Е. Г.</i> Семантическое представление намерения говорящего	5
<i>Васильев Л. Г.</i> Внутризнаковые свойства предложения	7
<i>Гордей А. Н.</i> Части языка и члены предложения	9
<i>Гришаева Л. И.</i> Средства вторичной номинации как проявление номинативной креативности коммуникантов	12
<i>Гурочкина А. Г.</i> Когнитивные структуры и их соотнесенность с единицами языка	14
<i>Евчик Н. С.</i> Семантический потенциал языковых единиц сквозь призму феномена акцентного выделения	17
<i>Ерёмин А. Н.</i> Синкретизм метафоры, метонимии и прямого значения	19
<i>Задворная Е. Г.</i> Явные и скрытые формы коммуникативной резистентности	21
<i>Ирисханова О. К.</i> Прагматический потенциал жестов при решении спонтанных метаязыковых задач	23
<i>Клейменова В. Ю.</i> Семантика Covid-неологизмов	26
<i>Ковшова М. Л.</i> Лингвокультурология в современной антропологической парадигме ..	28
<i>Корнева В. В., Тужикова Д. Б.</i> Семантический потенциал оронима <i>monte</i> ‘гора’ в испанских географических названиях	30
<i>Краева И. А.</i> Особенности выражения имплицитности при помощи английских относительных прилагательных	32
<i>Красовская Н. А.</i> Семантика движения в произведениях русских писателей: некоторые данные	34
<i>Кретов А. А.</i> Языковой такт и его составляющие	36
<i>Лаенко Л. В.</i> Лингвоперцептология как область исследования перцептивной семантики	39
<i>Левицкий А. Э.</i> Что такое абсурд? (опыт семантического анализа)	41
<i>Лещёва Л. М.</i> Проблемы концептуализации в когнитивной лингвистике	43
<i>Меркулова И. А.</i> Визуализация лексико-семантического пространства славянских языков	45
<i>Мечковская Н. Б.</i> Воспроизводимость и идиоматичность единиц языка и речи в уровневой модели языка: телеологическая интерпретация количественных различий ..	48
<i>Полянчук О. Б.</i> Средства актуализации семантического потенциала французских комплексных знаков с отрицательными префиксами	50
<i>Романовская А. А.</i> Лингвистические характеристики античного символа как особого языкового знака	52
<i>Сулейманова О. А., Фомина М. А.</i> Семиотика метро как средство формирования национально-культурного кода	54
<i>Тарасевич Л. А.</i> О природе категоризирующей способности предлогов	56

<i>Трунова О. В.</i> Художественные универсалии в дискурсе искусства.....	57
<i>Харитончик З. А.</i> О семантическом потенциале лексических единиц, или словесный портрет человека в зеркале окружающего мира	59
<i>Щирова И. А.</i> Синкретизм художественного текста как целостной системы	62
<i>Яхьянур М., Карими-Мотаххар Дж., Токарев Г. В.</i> Лексико-семантические особенности «Окаянных дней» И. А. Бунина	64
<i>Garcarz M.</i> Language of Business Negotiation: the Code of Business and Language Etiquette	67
<i>Szerszunowicz J.</i> Linguistic Blunders in Public Discourse as Culturemes.....	68

Секционные заседания

<i>Абрамова В. И.</i> Семантический потенциал лексем «ад» и «рай» в пространстве русской лингвокультуры	71
<i>Абреу-Фамлюк В. Р.</i> Роль интерпретирующих речевых актов в ситуациях регулирования понимания	73
<i>Аникеева Т. В.</i> Прецедентная матрица сферы-источника «религия» современного русскоязычного художественного текста	75
<i>Артемова О. Г.</i> Маркемный анализ языка английской художественной прозы XVII–XX веков	77
<i>Бакина А. Д.</i> Семантический потенциал английских фразеологизмов библейского происхождения	79
<i>Басовец И. М.</i> Степень референциальной прозрачности субъектов – источников информации (на материале англоязычных газетных статей).....	82
<i>Бахова А. М.</i> Лики наблюдателя в художественном тексте	84
<i>Беликова Е. А.</i> Жанровая специфика функционирования конструкций с кумулятивным отрицанием в научном дискурсе.....	87
<i>Биюмена А. А.</i> Идеологические компоненты в семантике лексем советского трудового медиадискурса	89
<i>Богова М. Г.</i> Проблемы и задачи лингвозкологии	91
<i>Богоявленская Е. В.</i> Семантико-прагматические особенности фразеологических синонимов.....	93
<i>Бранавец П. С.</i> Рєалізація семантичного патєнцялу єтимологічного кореня *lik- в українській фразеології	95
<i>Будникова Е. И.</i> Релевантные и салиентные компоненты значения слова в лексикографическом дискурсе	97
<i>Василенко Е. Н.</i> Оценочная лексика как средство вербализации враждебности	100
<i>Водяницкая А. А.</i> Потенциал цифровых технологий при исследовании семантики оценки в академическом дискурсе.....	102
<i>Воробей А. Н.</i> Продуктивность семантической и морфологической деривации в американском и русском сленге.....	104

<i>Глазко П. П.</i> Оценочные значения лексико-стилистических приемов в персональных жанрах медийного пространства США.....	106
<i>Глинка Е. В.</i> Функции синонимов в белорусских печатных СМИ.....	108
<i>Дардыкова Н. В.</i> Дискурсивный маркер <i>işte</i> в структуре турецкого устного дискурса.....	110
<i>Дмитриева И. В.</i> Семантический потенциал английского посессива в сочетании с девербативом.....	112
<i>Донина О. В.</i> Неологизмы XXI века в вариантах английского языка.....	114
<i>Цзюньфэй Дун.</i> Русские эмотивные глаголы религиозного происхождения и их перевод на китайский язык в контексте культурных коннотаций.....	116
<i>Жукова А. О.</i> Семантический потенциал предлогов, обозначающих отношение исключения в английском языке.....	119
<i>Жупинская А. В.</i> Эксплицитный отказ от ответа как тактика защиты личного пространства.....	121
<i>Иванова О. В.</i> Опыт создания лингвокультурологического словаря.....	123
<i>Ключенович С. С.</i> Текстовая экспликация семантического потенциала стяженной конструкции.....	125
<i>Колесник А. М.</i> Метафония в неаполитанском диалекте как способ экспликации семантического потенциала грамматических единиц.....	127
<i>Коноплева Н. Н.</i> Сложность семантического выбора при переводе полисемичных слов.....	129
<i>Котик Т. С.</i> О типах синтаксических конструкций с дейктическими наречиями <i>hin</i> и <i>her</i> (на материале немецкого языка).....	131
<i>Ксендзова Е. В.</i> «Прости(-те)», «извини(-те)» в русском языке (семантико-прагматический аспект).....	133
<i>Кузьменко Н. В.</i> Холонимический потенциал английских глаголов.....	135
<i>Куценко Н. В.</i> Интерпретация семантики запрета в косвенных речевых актах.....	137
<i>Листратова О. К.</i> Семантика производной лексики в свете потенциальных перцептивно-значимых словесных признаков.....	139
<i>Ляшенко Е. С.</i> Реализация семантического потенциала глаголов изменения физических характеристик в англоязычном художественном тексте.....	141
<i>Матафонова А. А.</i> Функционирование английских терминов, используемых в дискурсе алмазодобывающей промышленности, через призму семантико-прагматического потенциала.....	143
<i>Марченко О. В.</i> О возможности интерпретации коммуникативного намерения адресатом.....	145
<i>Мехтиханлы С. Г.</i> Взаимодействие языка и культуры в процессе обучения РКИ в иранской аудитории.....	147
<i>Михалькова Н. В.</i> Развитие системы детерминативов иероглифических знаков китайского языка: семантический аспект.....	150
<i>Набати Ш.</i> Выражение субпризнака “возраст” персидскими глаголами движения в сопоставлении с их русскими эквивалентами.....	152

<i>Николаева М. Н.</i> Прагматический потенциал отрицания в публицистическом дискурсе.....	155
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Компенсация в системе противительных союзов в диахронии (на материале французского языка)	157
<i>Павлова В. В.</i> Семантический потенциал глаголов <i>storm</i> и <i>thunder</i> и его синтаксическая реализация	159
<i>Паремская С. В.</i> Диахронические изменения семантики немецкого предлога <i>in</i>	161
<i>Паремзушвили Э. Э.</i> Применение языковой догадки при работе с газетными заголовками.	164
<i>Петрова И. М.</i> Реляторные структуры как языковой знак схематической иконичности.....	166
<i>Петрова О. О.</i> Формирование многозначности как результат семантического потенциала лексических единиц	168
<i>Попова Д. А.</i> Гибридные концептуальные области и оценочная категоризация ментефактов.....	170
<i>Попова Е. А.</i> Семантика глаголов смеха в испанском языке	172
<i>Попова Л. Г., Ахмеев И. Р.</i> Употребление словообразовательных моделей англицизмов в немецких и русских информационных порталах	174
<i>Рубанова Е. В.</i> Новая лексика в современном английском сленге.....	176
<i>Сажина Е. В.</i> Топико-эмотивная лексика и ее прагматический потенциал в полемическом дискурсе печатных СМИ.....	178
<i>Салаўёва М. А.</i> Роля ключавых слоў тэксту ў эксплікацыі і фарміраванні кагнітыўных структур.	180
<i>Сахарова Р. Ф.</i> Описание ощущений как устойчивый способ вербализации эмоций.....	182
<i>Семянькевіч А. В.</i> Семантычны патэнцыял форм множнага ліку рэчыўных назоўнікаў (на прыкладзе слоў <i>снягі і льды</i>).....	184
<i>Скачёва Н. В.</i> Влияние культурного контекста на выбор языковых единиц (на примере немецкого языка).....	187
<i>Сунь Сяоли.</i> Факторы, влияющие на перевод прагматического маркера это самое в русских художественных текстах на китайский язык	189
<i>Супрунчук Н. В., Гибкий П. В.</i> Семантический потенциал способов выражения обладания в китайском и русском языках (на материале сайтов Минского тракторного завода и индустриального парка «Великий камень»).....	191
<i>Сытько А. В.</i> Субъект деонтики в научном дискурсе (на материале немецкого и русского языков).....	193
<i>Толкачёва О. В.</i> Перемещение в пространстве в семантике дирекциональных предлогов (на материале немецкого и русского языков).....	196
<i>Томская Н. Н.</i> Семантико-прагматический функционал лексики драматургического текста театра абсурда	198
<i>Тригубова Д. Л.</i> Семантический потенциал языковых единиц, вербализирующих хронотоп в текстах киноаннотаций.....	200

<i>Трунова Н. В.</i> Грамматика и прагматика оценки в политическом медиадискурсе «Новой реальности»	202
<i>Тур В. В.</i> Семантическая структура слова как результат выбора наивной теории о мире	204
<i>Турчинская М. В.</i> Семантический потенциал наименований лиц по социальному положению в английском языке	206
<i>Урбанович И. Г.</i> О языковом статусе окказионализма	208
<i>Устименко Е. Г.</i> Глаголы движения вперёд / назад в русском и немецком языках	210
<i>Федорюк А. В.</i> Англоязычные неоконтаминанты в дискурсивном пространстве пандемии COVID-19.	212
<i>Федуленкова Т. Н., Волкова С. А.</i> Банковская термино-фразеология: характер переосмысления компонентов	215
<i>Цеханович И. Г.</i> Вариативность описания лексического значения в словаре Urban Dictionary (на примере зоонима <i>dog</i>)	217
<i>Чалова О. Н.</i> Прагматика синтаксиса дискурса Covid-19 (на материале новостных интернет-статей).....	219
<i>Чеботарская И. В.</i> Динамика частотности употребления номинаций в немецких медиатекстах	221
<i>Чечина Н. Ю.</i> Семантический потенциал экономической лексики в медиадискурсе КНР	224
<i>Чэнь Тин, Лецева Л. М.</i> Презентация лексического значения коррелятивных английских и китайских существительных в толковых словарях	226
<i>Шидловская Д. Ю.</i> Семантика движения в английских фразеологических единицах, вербализующих отрицательные эмоции.....	228
<i>Яркова Е. М.</i> О влиянии моделей сочетаемости слов в ментальном лексиконе L1 на понимание словосочетаний L2.	230
<i>Bakina A. D., Skotnikova A. D., Valueva A. V.</i> Frequent Types of Variability in Phraseology of Biblical Origin	232
<i>Fedulenkova T. N., Ivanova A. V., Volkova S. A.</i> Regular Structural Patterns in Business Terminology-Phraseology	234
<i>Jiménez-Navarro E. L.</i> The Semantic Potential of Lexical Bundles in the Research Article Genre	236
<i>Taymour M. P.</i> The Realization of the Linguocreative Potential of a Multimodal Metaphor	239
<i>Tüm G.</i> Semantic Clues in Diversity of Turkish Personal Names	241

Научное издание

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Тезисы докладов
Международной научной конференции

Минск, 20–21 октября 2021 г.

Ответственный за выпуск *Е. Г. Задворная*

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*

Подписано в печать 15.10.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 15,13. Тираж 110 экз. Заказ 41.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.